

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ - 1979

2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 2

МАРТ—АПРЕЛЬ

БАКУ — 1979

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)**

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок

М. Ш. ШИРАЛИЕВ

О ПОДГОТОВКЕ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АТЛАСА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ СССР

Идея составления диалектологического атласа тюркских языков имеет свою историю. Впервые ее выдвинул в 1926 году на I Тюркологическом съезде в Баку академик Л. В. Щерба, подчеркнувший исключительно важное значение проведения исследований методом лингвистической географии. По мысли Л. В. Щербы, издание атласа тюркских языков не только дало бы богатый материал для уточнения и углубления наших сведений об отдельных тюркских диалектах, но и открыло бы новые перспективы и горизонты в научной классификации тюркских языков.

Однако в то время и в последующие годы тюркологи еще не располагали возможностями для выполнения этой грандиозной работы, так как диалекты и говоры тюркских языков еще не были подвергнуты изучению монографическим путем. Для тюркоязычных республик тогда более актуальным было решение практических вопросов литературного языка: создание алфавитов, разработка принципов орфографии и терминологии, составление учебников на родном языке и т. д. Применение лингвогеографического метода в тюркской диалектологии началось в основном с конца 50-х годов.

В Азербайджане, Татарии, Узбекистане, Казахстане, Киргизии, Чувашии в научно-исследовательские планы соответствующих академических учреждений было включено составление диалектологических атласов национальных языков. Только в начале 60-х годов сложились все предпосылки для того, чтобы начать работу над упомянутой проблемой. К тому времени было опубликовано уже немало монографических исследований по тюркской диалектологии, которые могли составить основу для выбора соответствующих изоглосс. В тюркоязычных республиках и областях была проделана определенная работа по составлению национальных диалектологических атласов, выросли кадры специалистов, успешно работающих в этой области. В связи с этим в 1963 году на IV региональном совещании по тюркской диалектологии во Фрунзе по инициативе академика В. М. Жирмунского был поднят вопрос о составлении Диалектологического атласа тюркских языков СССР. В докладе В. М. Жирмунского на этом совещании, а затем в его статьях в журнале «Вопросы языкознания» и в «Тюркологическом сборнике. 1966» были изложены теоретические основы составления Диалектологического атласа тюркских языков СССР и предложен комплекс рекомендаций для его создания.

IV региональное совещание по вопросам диалектологии тюркских языков выделило специальную комиссию для разработки конкретных мероприятий по подготовке атласа. Группа ученых — Н. А. Баскаков, Н. З. Гаджиева, Л. А. Покровская и Э. В. Севортян — представила коллективный доклад «О подготовке диалектологического атласа тюркских языков Советского Союза» V совещанию по вопросам диалектологии тюркских языков, состоявшемуся в октябре 1965 года в Баку.

Это совещание заложило основы для создания Диалектологического атласа тюркских языков Советского Союза, поставив перед тюркологами большие и ответственные задачи по выработке соответствующего вопросника, установлению сроков сбора, обработки и картографирования собранных материалов.

Постановление V совещания по составлению Диалектологического атласа тюркских языков Советского Союза было с одобрением встречено советской общественностью, что отмечалось в статье газеты «Правда» от 15 октября 1965 года.

На XI турецком лингвистическом съезде, созванном Турецким лингвистическим обществом в 1966 году в Анкаре, доклад «Диалектологический атлас тюркских языков Советского Союза» вызвал большой интерес у зарубежных ученых.

Составление программы и инструкции для сбора диалектологических материалов, выработка единой транскрипции для атласа были поручены сектору тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР. В начале 1967 года первый вариант вопросника был просмотрен академиком В. М. Жирмунским, который, внимательно ознакомившись с материалами, сделал ряд полезных критических замечаний, касающихся оценки этого материала с точки зрения принципов лингвистической географии. Замечания эти были обсуждены и приняты составителями вопросника.

Как известно, с 1972 года в планы соответствующих научно-исследовательских институтов тюркоязычных республик и областей была включена всесоюзная тема «Диалектологический атлас тюркских языков СССР».

В апреле 1972 года в Академии наук Азербайджанской ССР состоялось совещание представителей коллективов, работающих над атласом. Совещание в связи с огромной протяженностью территории расселения тюркоязычных народов — от Якутии до Молдавии — вынесло решение о проведении работы по подготовке атласа по четырем зонам, наметив их центры и утвердив руководителей:

1-я зона — кавказская (центр — г. Баку); включает азербайджанский, карачаево-балкарский, кумыкский, ногайский, гагаузский, карайский языки; руководитель — М. Исламов;

2-я зона — поволжская (центр — г. Казань); включает татарский, башкирский, чувашский языки; руководитель — Л. Т. Махмутова;

3-я зона — среднеазиатская (центр — г. Ташкент); включает казахский, киргизский, узбекский, туркменский, уйгурский, каракалпакский языки; руководитель — Ш. Шаабдурахманов;

4-я зона — сибирская (центр — г. Новосибирск); включает якутский, тувинский, хакасский, алтайский языки; руководитель — Е. И. Убрятова.

На совещании были также установлены сроки завершения отдельных этапов работы над «Диалектологическим атласом тюркских языков СССР».

Несмотря на проведение на местах работы по определению пунктов исследования, сбору материалов и т. п., многие вопросы, такие, как выбор общей транскрипции, изоглосс, единой системы знаков для отражения изоглосс на картах, картографирование и т. д., оставались еще до конца не уточненными.

В феврале 1977 года в Ленинграде при Географическом обществе СССР (Академия наук СССР) состоялся семинар по тюркской лингвистической географии для составителей ДАТЯ СССР и атласов по отдельным тюркским языкам¹. Семинар ознаменовал собой новый этап в работе над ДАТЯ — начало координированной обработки собранных материалов. Этот семинар был организован в соответствии с планом работы Советского Комитета тюркологов, по рекомендации Всесоюзной тюркологической конференции в Алма-Ате (1976 год) и проведен Лингвогеографической группой Ленинградского отделения Института языкознания Академии наук СССР под руководством профессора М. А. Бородиной при содействии Географического общества СССР (при Академии наук СССР) в лице председателя Отделения математической географии и картографии К. А. Звонарева.

На семинаре, носившем учебно-организационный характер, присутствовали исполнители по четырем зонам ДАТЯ, представлявшие практически почти все тюркские языки Советского Союза. В соответствии с заранее составленной программой и намеченными задачами работа семинара имела два направления. Первое — теоретическое — включало курс лекций о развитии лингвистической географии в разных странах от Ж. Жильерона до наших дней. Отдел картографии Библиотеки Академии наук СССР предоставил в распоряжение участников семинара более сорока лингвистических и этнографических атласов по разным языкам, представляющих важнейшие направления картографирования в языкознании и этнографии. Ознакомление с достижениями предшествующих лингвогеографических школ помогло составителям атласа в выборе приемов и методов отражения на картах собранных материалов, облегчило систематизацию материала, выделение дифференциальных признаков, выработку системы условных обозначений.

В лекционной части семинара важное место занимали вопросы определения карты, особенностей ее формы (система знаков, степень нагрузки) и содержания, анализ методов и приемов картографирования, сопоставительная характеристика карт с разными объектами исследования — как лингвистическими, так и нелингвистическими.

Второе направление в работе семинара составляли практические занятия. По тематике они были весьма многообразны. Важнейшим вопросом, без решения которого переход непосредственно к составлению карты-основы ДАТЯ был невозможен, являлась подготовка «Сетки опорных пунктов ДАТЯ». Исходными данными для нее послужили пункты анкетирования, заявленные диалектологами на семинаре в соответствии с ранее принятыми рекомендациями. Была осуществлена сквозная нумерация пунктов по зонам, изготовлена карта-основа с нанесением на нее указанных пунктов и их нумерации. В последующем карта-основа и ее сетка, несомненно, должны быть усовершенствованы. Тем не менее подготовленный начальный вариант карты-основы позволил приступить к работе по картографированию.

¹ См. публикации: «Семинар по тюркской лингвистической географии» («Советская тюркология», 1977, № 2) и «Проблемы исследования тюркоязычных ареалов» («Советская тюркология», 1978, № 1).

Участники семинара обсудили ряд вопросов, касающихся состава карт ДАТЯ, а также способов изображения языковых явлений на картах разного типа. По первому вопросу было признано целесообразным нанести необходимые экстралингвистические сведения на вводные карты: 1) физико-географическую, 2) политико-административную, 3) историческую карту, показывающую расселение тюрков. В современных лингвистических атласах способ нанесения языковых явлений на карты зависит от характера картографируемого материала (условные знаки для фонетических и морфологических явлений, транскрипционная запись лексем при каждом из обследуемых пунктов для запечатления фонетического облика слова). Поэтому приходится увеличивать масштаб лексических карт и каждую из четырех зон представлять на отдельном листе.

Диалектологи четырех зон отобрали из числа обследованных по программе «Вопросника ДАТЯ СССР» 1969 года языковых явлений наиболее показательные для пробного картографирования.

С особой остротой вновь встал и прежде обсуждавшийся вопрос о переводе ДАТЯ на Международный фонетический алфавит (при сохранении кириллицы в национальных атласах). Выступивший на семинаре академик А. Н. Кононов отметил, что использование Международного фонетического алфавита (МФА) в ДАТЯ позволит отразить многообразие фонетических вариантов, существующих в тюркских языках СССР, даст возможность проводить сопоставление материалов с достаточной степенью точности и облегчит использование показаний атласа для тюркологов других стран. Необходимо учесть также и то, что ДАТЯ является первым этапом в подготовке Общетюркского атласа, в котором будут охвачены тюркские языки, распространенные и на зарубежных территориях.

Принципы построения МФА (в переработке Л. В. Щербы) были изложены В. М. Наделяевым (Новосибирск), предложившим уточненный и расширенный вариант транскрипции. Эта транскрипция, опробованная на экспериментальном материале целого ряда языков Сибири, позволяет с большой точностью определить типы звуков. В рамках практических занятий семинара В. М. Наделяев провел большую работу по переводу на эту транскрипцию материалов по языкам всех четырех зон.

Первый Ленинградский семинар для составителей ДАТЯ сыграл важную роль в деле научного и практического решения многих неясных и сложных вопросов, связанных с составлением Диалектологического атласа тюркских языков СССР.

8—10 февраля 1978 года в рамках IV расширенного рабочего симпозиума «Ареальные исследования в этнографии и языкознании» состоялись заседания на тему «Языковые ареалы и этнические территории» с секцией «Проблемы исследования тюркоязычных ареалов». Работа секции была в основном посвящена «Диалектологическому атласу тюркских языков СССР». Тюркологи приняли участие также в работе Комиссии лингвоэтногеографии Географического общества СССР (доклад академика А. Н. Кононова «Способы определения стран света у древних тюрков», демонстрация фильма Л. А. Покровской «Гагаузы Советской Молдавии»), в практических занятиях по составлению сводных таблиц, выработке системы условных знаков и картографированию.

На симпозиуме были заслушаны сообщения представителей четырех зон ДАТЯ о проделанной работе: подготовке материала для начального этапа картографирования по пунктам «Вопросника», уточнении окончательного варианта сетки согласно решению семинара по

тюркской лингвистической географии 1977 года. Собранные материалы были переведены на Международный фонетический алфавит. Были проведены для составителей ДАТЯ всех четырех зон консультации по переходу на принятую транскрипцию.

Участниками секции была разработана система языка-карты по пяти вопросам раздела «Лексика» и двенадцати вопросам раздела «Фонетика», выделенным для обработки на семинаре 1977 года. Все эти явления были нанесены на карты по зонам. Для выработки единой системы условных знаков карт ДАТЯ договорились о проведении в дальнейшем совещаний четырех зон периодичностью два раза в год. На каждое из этих совещаний должны представляться сводные таблицы по зонам, включающие материалы по заранее заданным пунктам «Вопросника». Совещания было намечено проводить в центрах зон: Ташкенте (осенью 1978 года), Новосибирске (весною 1979 года), а также в Баку, Казани — с участием руководителей зон и отдельных исполнителей.

Также было решено просить Ленинградское отделение Института языкознания Академии наук СССР, Историко-этнографический институт географического факультета Ленинградского государственного университета и Географическое общество СССР содействовать подготовке окончательного, переработанного варианта карты-основы ДАТЯ и изданию ее тиражом 200 тысяч экземпляров через ГУГК.

Первый вариант ДАТЯ должен быть представлен на обсуждение секции диалектологии и лингвогеографии Всесоюзной тюркологической конференции в 1980 году.

Первое координационное совещание было проведено в Ташкенте отделом диалектологии Института языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР с 20 по 22 декабря 1978 года с участием представителей четырех зон.

Очередное заседание представителей зон намечалось провести в Новосибирске в мае 1979 года и к этой встрече подготовить следующий материал: 1) по лексике: два вопроса из дополнительного вопросника — *мать, дерево*; 2) по фонетике: а) соответствия гласных заднего и переднего ряда; б) соответствие широких и узких гласных (№ 1—29); 3) по морфологии: а) словоизменение, склонение имен: винительный и родительный падежи неличного склонения; б) времена и наклонения глагола, настоящее и будущее времена (исключая модальные «видовые» формы); в) раздел повелительно-желательное наклонение, 2-е лицо единственного и множественного числа; г) причастия. Решено было также представить сводные таблицы по зонам.

В ходе работы над материалами для ДАТЯ обнаружились противоречия в системах обозначения, принятых в разное время, что обусловило необходимость введения единой редакции знаков и сводных карт.

В связи с этим совещание зон просило Советский Комитет тюркологов определить состав рабочей редакции. На этом же совещании было предложено приступить к составлению сводных таблиц и карт.

В настоящее время сбор материалов для ДАТЯ по всем четырем зонам в основном завершен (отсутствуют лишь данные по уйгурскому языку). Собраны материалы по 146 объектам, в том числе по зонам: А (Кавказ) — 27, Б (Поволжье) — 34, В (Средняя Азия) — 43, Г (Сибирь) — 42. Собранные материалы подготовлены и записаны в уточненной и усовершенствованной Международной фонетической транскрипции.

Материалы, собранные по отдельным тюркским языкам, посылаются в центры соответствующих зон, где на их основе составляются свод-

ные таблицы. Затем на рабочих совещаниях руководителями зон совместно определяется единая система нотации, учитывающая особенности всей совокупности материалов. И лишь после этого приступают непосредственно к составлению карт.

На ленинградских семинарах в 1977 году было решено подготовить сводную таблицу по 36 вопросам, относящимся к области фонетики и лексики, в 1978 году — на основе обобщения зональных материалов было составлено 36 сводных карт. К ташкентскому семинару были подготовлены материалы по фонетике (вопросы 124 и 134), морфологии (аффикс *-лы, -ли...*) и лексике (14 вопросов). По всем ним была составлена сводная таблица. В настоящее время в Новосибирске на основе поступающих из зон материалов составляются обобщенные карты (Н. Н. Широбокова).

Весь процесс картографирования предполагается завершить к концу 1980 года.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

М. В. ЗАЙНУЛЛИН

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА И СЛОВСОЧЕТАНИЯ КАК ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Модальные слова и словосочетания* в современном башкирском языке, несмотря на то, что им посвящался ряд статей, все еще остаются недостаточно изученными¹. Между тем модальные слова представляют собой своеобразный разряд слов, отличающихся не только семантическими особенностями, но и синтаксическим функционированием.

В тюркологии модальные слова как самостоятельная часть речи впервые были исследованы Н. К. Дмитриевым в его фундаментальном труде «Грамматика башкирского языка». В этой работе дана краткая грамматическая характеристика следующих модальных слов башкирского языка: *бар* 'есть, имеется', *юк* 'нет, не имеется', *түгел* в значении отрицания 'не', *кәрәк* 'надо, нужно, необходимо', *тейеш* 'должен', *икән* 'оказывается', *буғай* 'кажется, должно быть'².

В данной статье ставится целью уточнение состава и границ модальных слов, более детальное описание семантической структуры и функциональных особенностей этого класса слов, выяснение взаимоотношений между модальными и вводными словами, а также определение их места в лексико-грамматической структуре башкирского языка.

Думается, что раскрытие сущности модальных слов и правильная их классификация возможны лишь на основе ряда соответствующих критериев, прежде всего семантических и функциональных особенностей.

В башкирском языкознании для обозначения модальных слов употребляются различные термины. Одни языковеды называют их «наречными словами» (*рәүешлек һүҙҙәре* — Х. Г. Юсупов), другие — «словами отношения» (*мөнәсәбәт һүҙҙәре* — Дж. Г. Киекбаев), третьи — «модальными словами» (*модаль һүҙҙәр* — К. З. Ахмеров, Г. Г. Саитбатталов).

Необходимо с самого начала оговорить, что разряд модальных слов зачастую чрезмерно расширяется исследователями как по словарному составу, так и по смысловому содержанию за счет различных синтакси-

* Далее под термином «модальные слова» будут иметься в виду и модальные словосочетания, так как, несмотря на аналитическую структуру, последние не представляют собой явления синтаксического уровня.

¹ К. Әхмәр. Һөйләмдә модаль һүҙҙәр. — «Башкорт телендә ябай һөйләм синтаксисе». Өфө, 1958, стр. 228—237; Н. Х. Ишбулатов. Модаль һүҙҙәр. — «Хәзерге башкорт теле. Һүҙ төркөмдәре бүленеше». Өфө, 1962, стр. 104—108; Х. Юсупов. Башкорт телендә рәүешлек һүҙҙәр. — «Башкортостан укытусыһы», 1967, № 3, стр. 45—49; Г. Г. Саитбатталов. Башкорт телендә модаль һүҙҙәр һәм уларҙың функциялары. — «Башкортостан укытусыһы», 1975, № 12, стр. 32—34.

² Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 131.

ческих словосочетаний, вводных слов, междометий, служебных слов и т. д. Х. Г. Юсупов, например, выделяет следующие группы модальных слов: 1) модальные слова, выражающие значение предположения, вероятности: *бәлки, ахыры, белмәйем, ихтимал* и т. д.; 2) модальные слова, обозначающие подтверждение: *әлбиттә, дөрөс, һис һүҙһез, тейеш, кәрәк, мөмкин, етмәһә, мәсәләһ* и т. д.; 3) модальные слова, выражающие отрицание: *юк, киреһенсә, түгел, бәхеткә каршы* и т. д.; 4) модальные слова, выражающие логическое отношение к предшествующему сообщению, высказыванию: *тимәк, шулай итеп, күрәһең, улайһа, кыскаһы, азак килеп* и т. д.; 5) модальные слова, обозначающие последовательность мысли: *берҙән, икенсенән, өстәүенә* и т. д.; 6) модальные слова, указывающие на источник высказывания: *минеңсә, уларса, ишетеләүенсә* и т. д.³

К. З. Ахмеров к модальным словам относит вспомогательные глаголы: *ине, икән*; послелоги: *кеүек, һымак, төслә, шикелле*; вводные слова, выражающие последовательность действий, а также служащие для обобщения: *беренсенән, икенсенән, тимәк, ғөмүмән*; модальные частицы: *бит, инде, әле*; указательные местоимения: *теге, шул* и т. д.⁴

В современном башкирском языке модальные слова в зависимости от синтаксической функции подразделяются на две группы: 1) модальные слова, выполняющие в предложении функцию вводных слов (вводно-модальные слова); 2) модальные слова, не выполняющие функцию вводных слов. Последний разряд модальных слов функционирует в качестве различных членов предложения.

Вводно-модальные слова характеризуются следующими признаками: 1) всегда употребляются только в качестве вводного члена предложения⁵, 2) не обладают формами словоизменения и словообразования, 3) образуют грамматические омонимы различных частей речи (например: *дөрөс* 'правильно' — наречие, *дөрөс* 'правда, точно', 'верно, должно быть' — модальное слово, *билдәле* 'известный' — прилагательное, *билдәле* 'разумеется, известно' — модальное слово; *күрәһең* 'видишь' — личная форма глагола, *күрәһең* 'по-видимому, видимо' — модальное слово и т. д.).

Таким образом, нам представляется совершенно правомерным утверждение, что в предложении функции модальных слов выполняют отдельные части речи, ибо модальные слова образовались в результате длительного исторического процесса изменения значения слов, связанного с их синтаксическим употреблением.

Необоснованно, как нам кажется, также положение о том, что все вводные слова являются модальными. Модальные слова, как и другие самостоятельные части речи, могут выполнять в речи функции вводных слов. Например, имя существительное в местном падеже *хәтеремдә* 'в памяти моей' в предложении может функционировать как вводное слово и как другой второстепенный член предложения. Сравните: 1) *Хәтеремдә, был хәл кис булғайны* 'Помнится, это произошло вечером'; 2) *Был хәл минең хәтеремдә асыҡ калған* 'Это событие хорошо сохранилось в моей памяти'.

³ Х. Г. Юсупов. Указ. раб., стр. 46—49.

⁴ К. З. Ахмеров. Указ. раб., стр. 224—234.

⁵ Вводно-модальные слова, хотя конструктивно и не связаны с предложением, имеют самую тесную связь с ним в семантическом отношении. М. З. Закиев совершенно справедливо считает их «модальными членами предложения». (См.: М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963, стр. 73—78; *его же*. Хәзерге татар әдәби теле. Синтаксис. Казань, 1974, стр. 131—135).

Для точной характеристики грамматической сущности модальных слов необходимо их отграничить от вводных слов, выраженных другими частями речи. Модальные слова, в том числе и модально-вводные, представляют собой единицы морфологического уровня языка, вводные же слова — это явление, целиком относящееся к синтаксическому уровню.

Между модальными словами и словами, выступающими в функции вводных слов, безусловно, имеются принципиальные семантические различия. Модальные слова выражают отношение говорящего к содержанию высказывания с точки зрения его реальности или нереальности, то есть при помощи модальных слов выражается отношение говорящего к той связи, которая устанавливается им между содержанием высказывания и объективной действительностью. Вводные же слова выражают самые различные значения: 1) порядок или последовательность мысли: *беренсенән* 'во-первых', *бер яктан* 'с одной стороны', *өстауенә* 'вдобавок'; 2) ссылку на источник сообщения: *миңеңсә* 'по-моему', *миңең уйымса* 'по моему мнению', *әйтеүҙәренә* *карағанда* 'как говорят'; 3) различные замечания и оценку говорящего по поводу содержания высказывания, как-то: сравнение, отрицание, противопоставление, пояснение и т. д.; например: *юғиһә* 'иначе', *мәҫәлән* 'например', *әйтәйек* 'скажем', *йәнһе* 'как будто'; 4) обобщение, заключение: *тимәк* 'значит, следовательно', *шулай итеп* 'таким образом, итак', *шулай булғас* 'в таком случае, следовательно', *кыҫкаһы* 'одним словом, короче говоря', *азак килеп* 'наконец'; 5) многочисленные слова, выражающие эмоциональное отношение к содержанию высказывания: *кызғаныска* *карышы* 'к сожалению', *бәхеткә* *карышы* 'к счастью', *үкенескә* *күрә* 'к сожалению' и т. д.

Необходимо отметить, что в башкирском языкознании вводные единицы (вводные слова и словосочетания) не отграничиваются также и от вставочных конструкций⁶.

К модально-вводным словам относятся: *әлбиттә* 'конечно, безусловно, несомненно', *ахыры* 'кажется, по-видимому', *буғай* 'кажется', *балки* 'может быть, возможно', *ихтимал* 'возможно', *күрәһең* 'очевидно, видимо', *белмәйем*, *белмәһең* 'может быть' и т. д.

К модальным словам, употребляющимся в функции различных членов предложения, относятся: *бар* 'есть, имеется', *юк* 'нет, не имеется', *мәмкин* 'можно', *мәмкин түгел* 'невозможно, нельзя', *кәрәк* 'должен, нужно', *тейеш* 'необходимо', *түгел* 'нет, не', *буһна кәрәк* (*булырға кәрәк*) 'возможно', *булырға тейеш* 'может быть' и т. д.

Модальные слова выражают отношение говорящего лица к той связи, которая устанавливается им между содержанием высказывания и объективной действительностью. При помощи модальных слов выражается отношение говорящего к содержанию предложения с точки зрения его реальности или нереальности.

В современном башкирском языке модальные слова по своему семантическому содержанию подразделяются на следующие группы:

1) модальные слова, выражающие утверждение и отрицание; 2) модальные слова со значением долженствования и необходимости; 3) модальные слова, выражающие значение возможности; 4) модальные сло-

⁶ Статус вставочных конструкций (вставочных слов и словосочетаний, вставочных предложений), как особой синтаксической категории, весьма убедительно определен И. Ташлиевым; см.: И. Ташлиев. Вставочные конструкции в современном узбекском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1972.

ва, выражающие значение предположения, неопределенности, сомнения и неуверенности; 5) модальные слова, выражающие побуждение.

Остановимся подробнее на каждой из этих групп.

1. Модальные слова, выражающие утверждение и отрицание.

К этим словам относятся: *эйе* 'да', *бар* 'есть, имеется', *юк* 'нет, не-имеется', *элбиттэ* 'конечно', *ысынлап*, *ысынлап та*, *ысындан*, *ысындан да* 'действительно, на самом деле', *дөрөс* 'подлинно', *билдәле* 'конечно', *түгел* 'нет, не', *һис шикһез* 'несомненно', *һис һүҙһез* 'безусловно'. *асылда* 'на самом деле', *якшы* 'ладно, хорошо', *ярар*, *ярай* 'ладно, хорошо' и т. д.

Этот разряд модальных слов выражает твердую уверенность говорящего в реальности и достоверности, или нереальности и недостоверности событий и действий, о которых идет речь в предложении.

Модальное слово *эйе* употребляется для выражения совершенно определенного утверждения, а также согласия и подтверждения. Как правило, оно располагается в начале предложения; примеры — *Эйе, геүләп торған замандар үтте* (Н. Дәүләтшина) '— Да, прошли те шумные времена'. — *Эйе, бөтә кешенән дә кыйбат түләнең дә инде һин* (Н. Дәүләтшина) '— Да, ты платил дороже всех'.

Модальное слово *эйе* очень часто употребляется в сочетании с модальными частицами *бит* 'ведь', *лабаһа* 'конечно'; например: — *Эйе бит, Йөзөкәй, атаһы күрмәгән бит* (Н. Дәүләтшина) '— Правда ведь, Юзукай, отец еще не видел ее'. — *Эйе лабаһа, карғына тоталмас безҙе* (Н. Дәүләтшина) '— Конечно, только снег нас не удержит'.

Модальное слово *юк* 'нет' обозначает общее отрицание, а также несогласие с чем-либо. Оно употребляется преимущественно в диалоге при ответе на поставленный вопрос, при соответствующей интонации выражает категорическое возражение. Функциональной особенностью модального слова *юк* является его употребление как нечленимого предложения, например: — *Урын табыламы һуң?* — *тип һораны ул.* — *Юк* (С. Агиш) '— Работу ты себе нашел? — спросил он. — Нет'.

Модальное слово *юк* в предложении очень часто занимает препозитивное положение, при этом глагольное сказуемое всегда принимает аффикс отрицания. Примеры: — *Юк, мин Әмирхановты был төслә булып тип һис уйыма килтермәгәйнем* (С. Агиш) '— Нет, не представлял я Амирханова таким человеком'. — *Юк, куркмай ул бөгөн урмандан* (Г. Сәләм) '— Нет, он сейчас не боится леса'. Для усиления несогласия и возражения применяется прием повтора модального слова *юк*: — *Юк, юк, Хөрмәт ағай, уттай эш ваҡытында ниндәй эсеу булһын* (Ә. Гәрәев) '— Нет, нет, дядя Хурмат, разве можно пить в такую горячую пору'.

Самой типичной синтаксической функцией модального слова *юк* является выполнение им роли самостоятельного сказуемого; например: — *Күрәһең бит, һакалы ла юк, мыйыҡ тасыҡмаған* (С. Агиш) '— Видишь же, и бороды нет, и усов нет'. *Һинең менән бергәләп башкараһы эштәр юк* (Я. Хамматов) 'У нас с вами нет общих дел'.

Модальное слово *бар* 'есть', так же, как и модальное слово *юк*, выделяется среди других своей исключительной полисемантической и полифункциональностью.

В функции самостоятельного сказуемого оно сообщает о наличии или присутствии каких-либо предметов и явлений действительности, например: *Бына ағайындан хат бар, укып ишеттер* (Н. Дәүләтшина) 'Есть письмо от брата, прочти его'. *Минең кулда ике ат бар* (Н. Дәүләтшина) 'У меня есть два коня'. *Һәр эштең үзенең шиғриәте, үзенең матурлығы бар* (Р. Сафин) 'В каждом деле есть своя поэзия, своя красота'.

Модальное слово *бар* также активно употребляется в составе сложного сказуемого и выражает различные модальные значения. В сочетании с причастием на *-ған* модальное слово *бар* обозначает подтверждение совершения тех действий, о которых сообщается в предложении, например: *Хәлимәнең был турала күп ишеткәне бар* (Н. Дәүләтшина) 'Халима, конечно, слышала об этом много раз'. *Васянең Айбулатка улар хақында күп һөйләгәне бар* (Н. Дәүләтшина) 'Вася, конечно, много рассказывал о них Айбулату'.

В сочетании модального слова *бар* с причастиями на *-аһы, -әһе* выражается значение долженствования и необходимости: *Йөз меңләгән кешене минераль ашламаларҙы белеп файзаланырға өйрәтәһе бар* (газ. «Совет Башкортостаны») 'Необходимо научить сотни тысяч людей правильно использовать минеральные удобрения'.

Модальное слово *бар* в диалогической речи функционирует как нечленимое слово-предложение: — *Была арала ауылға кайтканың бармы?* — *Бар*. — В эти дни ты бывал в деревне? — *Да*'.

Модальное слово *түгел* употребляется для отрицания всего того, что говорится в предложении. Поэтому оно в основном встречается в составе либо глагольного, либо именного сказуемого, чаще же всего употребляется в составе глагольного сказуемого, выраженного причастиями и инфинитивом: *Безгә олатайҙарҙан калған малды бүлешәһе түгел* (Я. Хамматов) 'Нам не делить богатство, которое осталось от дедов'. *Разведкаға безгә бөгөн китергә түгел* (Ә. Гәрәев) 'Нам сегодня не идти в разведку'.

Модальное слово *түгел* также часто употребляется для оформления именного сказуемого с отрицательным значением: *Тимәк, ул әле лә иҫәптән төшкән кеше түгел* (Р. Солтангәрәев) 'Следовательно, он и сейчас не сброшен со счетов'. — *Юк, Файруш, йөрәк бер зә урынында түгел* (К. Даян) '— Нет, Файруш, сердце мое никак не на месте'. *Катын-кыҙҙар хокукһыҙ түгел хәҙер* (Б. Бикбай) 'Теперь женщины не бесправны'.

Отрицательная форма будущего категорического времени образуется наряду с аффиксом *-ма, -мә* также при помощи отрицания *түгел*. Сравните: *мин китмәйәсәкмен* — *мин китәсәк түгелмен*. Примеры: *Без берәүгә лә баш эйәсәк түгелбез* (Я. Хамматов) 'Ни перед кем мы не склоним головы'. *Әгәр тауға күтәрелә алмаһа ла, ул кире киләсәк түгел* (Д. Исламов) 'Если даже он не сможет подняться на гору, он сюда не вернется'.

Модальное слово *түгел* образует отрицательную форму модальных слов *кәрәк, тейеш, мөмкин*: *кәрәк түгел* 'не надо', *тейеш түгел* 'не обязан', *мөмкин түгел* 'невозможно'. Примеры: *Минең төндә өйҙә булмағанды һинән башка бер кем белергә тейеш түгел* (З. Бишшева) 'О том, что я ночью не была дома, никто не должен знать, кроме тебя'. *Батшаны қолатмай тороп, безгә тулы бәхеткә ирешеү мөмкин түгел* (Н. Дәүләтшина) 'Не свергнув царя, нам не добиться своего счастья'. *Ғүмер бергә йәшәп тә кешене үтәнән-үтә аңлап бөтөү мөмкин түгел* (Ш. Насыров) 'Невозможно понять человека до конца, даже прожив с ним целую жизнь'.

При сочетании слова *түгел* с другим модальным словом отрицательного значения образуется форма двойного отрицания с положительным значением: *юк түгел*; например: *Мәғариф өлкәһендә лә уңыштарыбыз юк түгел* (газ. «Совет Башкортостаны») 'Имеются успехи и в области народного просвещения'. *Безгә лә йөрәкле батырҙар юк түгел* (из народной сказки) 'И у нас тоже есть смелые батыры'.

Модальное слово *түгел*, как правило, в качестве самостоятельного сказуемого не употребляется. Однако в диалогической речи встречается употребление этого модального слова в функции слова-предложения:

- *Шулмы идеал бөгөн беззең өсөн?*
- *Юк, түгел* (Ф. Сәләм)
- *Это ли идеал для нас сегодня?*
- *Нет, не идеал?*
- *Анау килгән Кәрим түгелме?*
- *Түгел* (Ф. Исәнғолов)
- *Не Карим ли тот, который идет сюда?*
- *Нет, не он.*

Модальное слово *түгел* употребляется с причастными формами на *-ырзай/-ерзай*, *-ырлык/-ерлек*, *-малы/-мәле*, *-мәслык/-мәслек*, *-кыһыз/-кеһез* в тех случаях, когда они выступают в функции сказуемого: *барырзай түгел*, *барырлык түгел*, *бармалы түгел*, *бармәслык түгел*, *баркыһыз түгел*; например: *Каланың зурлығына һокланып та, ғәжәпләнеп та бөтөрлөк түгел* (З. Бишшева) 'Невозможно не любоваться красотой и масштабами города'. *Икенә-буйына әллә ни саклы сакрымдарға һузылып киткән урманды һис кенә лә үтөп сығырзай түгел* (из народного эпоса) 'Невозможно пройти лес, который раскинулся ширишь и вглубь на многие километры'. *Был капканан һис үтмәлә түгел* (из народной сказки) 'Невозможно пройти через эти ворота'.

В современном башкирском языке широко представлены вводно-модальные слова, выражающие подтверждение реальности или нереальности, истинности или ложности, достоверности и недостоверности событий. Модальное слово *әлбиттә* 'конечно, несомненно, непременно, безусловно, обязательно, разумеется' выражает уверенность говорящего в реальности событий, о которых идет речь в предложении. Модальное слово *әлбиттә* по своему значению и характеру функционирования весьма близко к модальному слову *билдәле* 'известно, естественно'. Как правило, эти слова обычно употребляются в начале предложения, однако возможно их употребление как в середине, так и в конце предложения; например: *Әлбиттә, кан куп койоласак* (Я. Хамматов) 'Разумеется, крови много прольется'. *Билдәле, ул һаман был эшкә иғтибар итмәскә тырышты* (К. Мәргән) 'Разумеется, он старался не обращать внимания на это дело'. *Һүз, әлбиттә, теге летчик тураһында бара* (Ә. Бикчәнтәев) 'Речь, конечно, идет об этом летчике'. *Көндәр аязыһа, экскурсияға китер инек, билдәле* (З. Бишшева) 'Если наступят погожие дни, разумеется, мы поедем на экскурсию'.

Модальное слово *дөрөс* 'верно, истинно, подлинно, действительно' используется говорящим для подтверждения истинности и бесспорности сообщаемой мысли: *Дөрөс, Хисмәтулла бөгөн килде* (Я. Хамматов) 'Правда, Хисматулла приехал сегодня'. *Бынан бер ай элек, дөрөс, улар утызлап кына кеше ине* (А. Карнай) 'Верно, месяц тому назад было всего около тридцати человек'.

2. Модальные слова со значением долженствования и необходимости. Эти модальные значения выражаются словами *кәрәк* 'надо, нужно, необходимо' и *тейеш* 'должно, необходимо'.

Модальное слово *кәрәк* выражает необходимость совершения какого-либо действия в силу объективных условий, не зависящих от субъективного желания говорящего; например: *Буранбайға иртәгә үк полкка китергә кәрәк* (Д. Юлтый) 'Буранбаю завтра же необходимо уйти в полк'.

Это модальное слово (*кәрәк*) активно употребляется и в качестве самостоятельного сказуемого; например: *Матурлыктан элек батырлык*

кәрәк (посл.) 'Прежде всего нужна смелость, и лишь потом красота'. *Безең ғәскәргә намыслы, батыр кешеләр кәрәк* (Я. Хамматов). 'Нашей армии нужны честные и смелые люди'.

Отрицательная форма модального слова *кәрәк* образуется не только посредством сочетания с другим модальным словом *түгел*, но и при помощи аффикса *-ма/-мә*: *һин кәрәк түгелһең* — *һин кәрәкмәйһең* 'Ты не нужен'. Однако отрицательные формы прошедшего времени у модального слова *кәрәк* образуются исключительно с помощью аффикса *-ма/-мә*: *һин кәрәкмәнен* 'Ты не нужен был'. *Мин кәрәккәнмен* 'Я нужен был'. Приведем примеры: *Юк кәрәкмәй миңә бүтән бахет* (А. Игебаев) 'Нет, не нужно мне другого счастья'. *Бына нәмәгә кәрәк буласаҡ был аркан* (М. Кәрим) 'Вот зачем нужен будет этот аркан'. *Мал кәрәк булһа, яз берәр бәрәс табылыр әле* (Н. Дәүләтшина) 'Если нужен будет скот, то весной найдем ягненка'. *Кәрәкмәс миңә алтын тараҡ, һыу һөлөгә булғым килмәй минең* (З. Биешева) 'Не нужна мне золотая гребенка, не хочу я быть русалкой'. *Кәрәкһә, алыр инең әле һин ул мылтыкты, кәрәкмәйҙер* (Д. Юлтый) 'Если бы нужно было, ты купил бы это ружье, — видно, не нужно'.

В атрибутивной функции модальное слово *кәрәк* употребляется в сочетании почти со всеми лексико-семантическими разрядами имен существительных: *кәрәк кеше* 'нужный человек', *кәрәк эш* 'нужная работа'. Наиболее активно оно функционирует со словообразующими аффиксами *-ле, -һез*: *кәрәкле китап* 'нужная книга', *кәрәкһез мәшәкәт* 'ненужные хлопоты'.

Модальное слово *кәрәк* в речи очень часто субстантивизируется, принимая аффиксы принадлежности и множественного числа, а также все падежные показатели: *минең кәрәгем, һинең кәрәгең, уның кәрәге, уларҙың кәрәктәре; кәрәктең, кәрәккә, кәрәкте, кәрәктән, кәрәктәре* и т. д. Приведем примеры: *Хәзер кәрәгегеҙ бөттө* (Б. Бикбай) 'Теперь вы нам не нужны'. *Әйҙә, булмаһа, бирәйек кәрәктәрен* (из народной сказки) 'Давайте, мы им покажем'. *Әлегә кысқырып йөрөүҙең кәрәге юк* (Н. Дәүләтшина) 'Пока не стоит об этом разглагольствовать'.

Модальное слово *кәрәк* может сочетаться с модальными частицами *-инде, -бит, -тер*, а также с послелогоми *шикелле, һымаҡ, кеүек*: *кәрәк инде, кәрәк бит, кәрәктер, кәрәк шикелле, кәрәк һымаҡ, кәрәк кеүек, кәрәк икән, кәрәк имеш* и т. д.

Формы условного наклонения образуются при помощи аффикса *-һа/-һә*: *кәрәкһә* 'если будет нужно'. Аналитическая форма условного наклонения образуется сочетанием слова *кәрәк* и вспомогательного глагола *бул*-, который принимает аффикс условного наклонения: *кәрәк булһа* 'если будет нужно', *кәрәк булған булһа* 'если было бы нужно' и т. д.

В синтаксической функции сказуемого модальное слово *кәрәк* выступает как финитный глагол, принимая аффиксы всех временных форм и наклонений.

Изъявительное наклонение

Настоящее время

Единственное число

1. *Мин кәрәк (мен)* 'Я нужен',
2. *Һин кәрәк (һен)* 'Ты нужен',
3. *Ул кәрәк* 'Он нужен',

Множественное число

- Без кәрәкбез* 'Мы нужны',
Һез кәрәкһегеҙ 'Вы нужны',
Улар кәрәк 'Они нужны'.

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ

Прошедшее время образуется не только посредством аффиксов, но и при помощи вспомогательных глаголов *бул, ине*.

Единственное число

1. Мин кәрәктем, кәрәк булдым (инем)	'Я был нужен',
2. Һин кәрәктең, кәрәк булдың (инең)	'Ты был нужен',
3. Ул кәрәкте, кәрәк булды (ине)	'Он был нужен'.

Множественное число

1. Без кәрәктек, кәрәк булдык (инек)	'Мы были нужны',
2. Һез кәрәктегез, кәрәк булдығыз (инегез)	'Вы были нужны',
3. Улар кәрәкле, кәрәк булдылар (инеләр)	'Они были нужны'.

БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ

Будущее время образуется при помощи аффикса и вспомогательного глагола *бул*.

Единственное число

1. Мин кәрәгермен (кәрәгәсәкмен) кәрәк булырмын	'Я буду нужен',
2. Һин кәрәгерһең (кәрәгәсәкһең) кәрәк булырһың	'Ты будешь нужен',
3. Ул кәрәгер (кәрәгәсәк) кәрәк булыр	'Он будет нужен'.

Множественное число

1. Без кәрәгербез (кәрәгәсәкбез) кәрәк булырбыз	'Мы будем нужны',
2. Һез кәрәгерһегез (кәрәгәсәкһегез) кәрәк
булырһығыз	'Вы будете нужны',
3. Улар кәрәгер (кәрәгәсәк) кәрәк булыр	'Они будут нужны'.

Модальное слово *тейеш* 'необходимо, обязан, должен', в отличие от модального слова *кәрәк*, не употребляется в функции самостоятельного сказуемого, а всегда входит в состав аналитических конструкций: *уқырға тейеш* 'должен учиться', *уқырға тейеш ине* 'он должен был учиться' и т. д.

Аналитические конструкции, состоящие из инфинитива и модального слова *тейеш*, выражают твердую убежденность говорящего в необходимости совершения какого-либо действия: *Без бер-беребезгә терәк булырға тейеш без* (Я. Хамматов) 'Мы должны быть опорой друг другу'. *Без китап укыусыларға донъя әзәбиәтенен иң гүзәл үрнәктәрен еткерергә тейеш без* (журн. «Ағизел») 'Мы должны донести до читателя самые лучшие образцы мировой литературы'.

Аналитическая конструкция с модальным словом *тейеш* имеет все формы лица, числа, времени и наклонений. Формы времени и наклонений образуются при помощи вспомогательных глаголов *бул, ине*: *уқырға тейеш инем* 'я должен был учиться', *уқырға тейеш булһа* 'если он должен учиться', *уқырға тейеш булыр ине* 'он должен был бы учиться', *уқырға тейеш булһа ине* 'если бы он должен был учиться' и т. д.

Таким образом, модальные слова *кәрәк* и *тейеш* по своим структурно-семантическим и синтаксическим свойствам занимают среди других модальных слов особое место, выполняя функции как глагольных, так и именных форм.

3. **Модальные слова, выражающие значение возможности.** К этому разряду относятся модальные слова *мөмкин* 'можно', *ярай* 'можно'. Отрицательная форма слова *мөмкин* образуется при помощи слова *түгел*:

мөмкин түгел 'невозможно', а отрицательное значение модального слова *ярай* передается посредством глагольного отрицания *-ма*: *ярамай* 'нельзя'.

Модальное слово *мөмкин* выражает возможность совершения действия при наличии определенных условий. Модальное слово *мөмкин* в качестве самостоятельного сказуемого не употребляется. Оно функционирует только в качестве компонента составного сказуемого, являющегося аналитической конструкцией, образующейся из инфинитива на *-ырға/-ергә* и модального слова *мөмкин*: *барырға мөмкин* 'можно идти'. Примеры: *Эште дөрөҫ ойшторғанда ғына, продукция сығарылышын байтак арттырырға мөмкин* (газ. «Совет Башкортостаны») 'Только при правильной организации труда можно увеличить выпуск продукции'. *Заводтың музейендә эшселәрҙең данлы революцион традициялары менән танышырға мөмкин* (журн. «Ағизел») 'В заводском музее можно познакомиться со славными революционными традициями рабочих'.

Модальная конструкция *-ырға/-ергә мөмкин түгел* выражает невозможность совершения определенных действий: *Был турала һүз зә булырға мөмкин түгел* (З. Бишева) 'Об этом не может быть даже речи'. *Бында берәй яңылыкта, берәй кызыклы нәмә лә табырға мөмкин түгел* (З. Бишева) 'Здесь невозможно найти ни новостей, ни интересных явлений'.

Очень часто употребляется конструкция, составленная из другой инфинитивной формы на *-ыу* и модального слова *мөмкин*: *барыу мөмкин* 'можно пойти'; например: *Ташлы ер өстөндә лә иген сәсеу мөмкин* (Ғ. Дәүләтшин) 'Хлеб можно сеять и на каменистой земле'.

Аналитическая конструкция, состоящая из инфинитивной формы глагола и модального словаря *ярай*, выражает реальную возможность совершения определенного действия: *Эш бөткәс уйнарға ярай* (Н. Тукай) 'Закончив дела, можно поиграть'. *Был эште иртәнән һуң да башларға ярай* (газ. «Ленинсе») 'Эту работу можно начать и послезавтра'.

Отрицательная форма выражает значение невозможности совершения действий и запрещения: *Миңә бында озак калырға ярамай* (Я. Хамматов) 'Мне здесь долго оставаться нельзя'. *Уйлаған эште ярты юлда калдырырға ярамай* (З. Бишева) 'Задуманное дело нельзя оставить на полпути'.

4. Модальные слова, выражающие значение предположения, неопределенности, сомнения и неуверенности (гипотетические модальные слова).

К гипотетическим модальным словам относятся: *ахыры* (*ахырыһы*) 'кажется, по-видимому', *буғай* 'видимо, кажется', *бәлки* (*бәлкем*) 'может быть, возможно, пожалуй', *моғайын* 'наверное', *ихтимал* 'возможно, вероятно', *күрәһең* 'очевидно, видимо', *булһа кәрәк* 'по-видимому, должно быть, может быть', *булырға тейеш* 'должно быть, по всей вероятности', *белмәйем* 'может быть', *белмәһең* (*белмәһең тағы*) 'возможно, может быть, кто знает'.

Гипотетические модальные слова обозначают различную степень вероятности, возможности совершения действий. По своей семантике они подразделяются на два типа: 1) слова с оттенком большей вероятности и определенности: *күрәһең* 'очевидно', *булырға тейеш* 'должно быть', *ихтимал* 'вероятно, возможно', *булырға мөмкин* 'должно быть, может быть'; 2) слова с оттенком меньшей вероятности и определенности: *бәлки* 'может быть', *буғай* 'кажется', *булырға кәрәк* 'кажется, по-

видимому', *белмәйем* 'может быть'. Примеры: *Күрәһен, олатайым был китап менән дә яҡшы таныш булғандыр инде* (Б. Бикбай) 'Очевидно, мой дед хорошо знал и эту книгу'. *Әйзә, барайыҡ, ул, моғайын, безгә берәй кәңәш бирер* (З. Бишева) 'Давай, пойдем, он, может быть, нам какой-нибудь совет даст'. *Бәлки, ул әлекке хатаһын аңламағандыр* (Я. Хамматов) 'Может быть, он понял свою прежнюю ошибку'. *Документтарҙан күренеүенсә, Хөснөтдинов, һезең арағыҙға булырға тейеш* (Я. Хамматов) 'По документам Хуснутдинов должен быть среди вас'.

Модальные слова *бугай, булырға тейеш, булырға кәрәк, булырға мөмкин, булһа кәрәк*, как правило, по отношению к сказуемому занимают постпозитивное положение. Приведем примеры: *Әйтәһәм килгән һүҙҙәр ошоноң менән бөттө, бугай* (Б. Бикбай) 'Слова, которые я хотел высказать, видимо, на этом иссякли'. *Ул был яҙуҙы ла үзе яҙмаған булырға тейеш* 'Он, по всей вероятности, и эту записку сам не писал'. *Хәмийән бөтөнләй тынысланды булырға тейеш* (М. Кәрим) 'Хамитьян, кажется, совсем успокоился'. *Хәтерем алдаман, көн киләп килә ине булһа кәрәк* (Ф. Хәйри) 'Если память мне не изменяет, кажется, дело состоялось к вечеру'. *Был эш бик насип барып бөтөргә мөмкин* (Д. Исламов) 'Это дело, возможно, закончится очень плохо'.

5. Модальные слова, выражающие побуждение. К этим словам относятся: *зинһар* 'пожалуйста', *рәхим итегеҙ* 'добро пожаловать, извольте, пожалуйста', *беләһегеҙме* 'знаете ли', *ғәфү итегеҙ* 'извините', *күрәһегеҙме* 'видите ли, как видите', *аңлайһығыҙмы* 'понимаете ли', *куй, куйығыҙ* 'оставь, оставьте'.

Эти модальные слова употребляются в речи для того, чтобы побудить слушателя к совершению определенных действий, обратить его внимание на какое-нибудь событие, состояние. Они также выражают призыв, просьбу, желание говорящего.

Синтаксическая особенность побудительных модальных слов состоит в том, что они употребляются, как правило, в тех предложениях, где сказуемым является глагол повелительного наклонения. Остановимся на примерах: *Зинһар, үтенәм, үзегеҙгә калдырығыҙ! Бүтән барыр урыным юк минең!* (Я. Хамматов) 'Пожалуйста, оставьте меня у себя! Больше некуда мне пойти!' *Куйығыҙ, кеше күзенә күрһәтмәгеҙ!* (из эпоса «Алпамыш») 'Оставьте, не показывайте людям'. *Ғәфү итегеҙ, әлегә көтөгөҙ, ултырын тороғоз. Һезең менән һөйләшсәк кеше хәҙергә урынында түгел* (Я. Хамматов) 'Извините, подождите немного, пока сядьте, человека, который с вами должен говорить, пока нет на месте'. *Аңлайһығыҙмы, дошманға совет Рәсәйен баһып алырға ирек бирмәбез!* (Ф. Иҫәнғолов) 'Понимаете, мы не дадим возможности врагу захватить Советскую Россию!' *Рәхим итегеҙ, иптәштәр, күптән көтәбез, кәҙерле иптәштәр* (Ф. Хәйри) 'Пожалуйста, товарищи, давно ждем, дорогие товарищи'.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

1. В современном башкирском языке модальные слова выступают как самостоятельная часть речи; по своему лексическому составу, семантическому содержанию и по функционированию в предложении они представляют особый разряд слов.

2. Следует строго разграничить модальные слова и вводные единицы как явления, относящиеся к разным языковым уровням. Вводными единицами наряду с модальными словами могут быть и другие части речи. Вводные единицы отличаются от модальных слов следующие призна-

ки: 1) в семантическом аспекте вводные слова не выражают модальных отношений, 2) в грамматическом аспекте вводно-модальные слова являются морфологическими омонимами различных частей речи и представляют неизменяемые или застывшие формы, 3) в функциональном аспекте модальные слова подразделяются на две группы: а) модальные слова, выступающие в функции как главных, так и второстепенных членов предложения и б) модальные слова, функционирующие как вводные слова.

3. Модальные слова *бар* и *юк* в диалогической речи часто выступают в функции ответно-отрицательных и ответно-утвердительных слов-предложений⁷. Другие модальные слова также могут выступать в качестве нечленных предложений.

4. Слова, входящие в одну и ту же группу модальных слов (например, гипотетические модальные слова *бэлки*, *моғайын*, *ахыры*), по отношению друг к другу являются синонимами.

5. В состав модальных слов не следует включать слова, выражающие различные эмоции, экспрессию. Категория эмоциональности не является модальной категорией и требует отдельного специального исследования.

Итак, модальные слова в современном башкирском языке представляют особый разряд слов со своеобразной модальной семантикой, функциональными свойствами и структурными особенностями.

Важность исследования модальных слов в тюркских языках, объясняется еще и тем, что, во-первых, они постоянно взаимодействуют с грамматическими средствами выражения модальности, то есть с грамматическим способом выражения модальных значений, во-вторых, модальные слова являются главными носителями модальных значений возможности, необходимости и долженствования, а также предположения.

⁷ Природа отрицательных и утвердительных предложений как модальных категорий убедительно показана в работе: М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963, стр. 55—60.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Н. А. БАСКАКОВ

ТЮРКИЗМЫ В НАЗВАНИЯХ МОСКОВСКИХ УЛИЦ

Задачей настоящей статьи является первоначальная фиксация всех восточных по происхождению названий московских улиц, восходящих к тюркским, монгольским, арабским и персидским названиям, в большинстве своем проникших в русский язык через посредство различных тюркских языков. Наряду с названиями этих улиц нами приводятся их предполагаемые этимологии и дается предварительная классификация по основным типам и моделям.

Все ориентальные элементы в названиях московских улиц по типу могут быть подразделены на три основные группы.

Первую группу составляют названия улиц и площадей, ведущие свое происхождение от имен первых своих обитателей, от названия той или иной народности, либо социальной прослойки или профессии. Таким образом, в данной группе названий различаются три подгруппы.

Вторую группу составляют названия улиц и площадей, в основу которых легли различного рода фамилии и прозвища тюркского происхождения.

Наконец, третью группу составляют названия, происходящие от разных топонимов: а) микротопонимов — названий отдельных участков селений и городов; б) географической номенклатуры; в) оронимов; г) гидронимов; д) ойконимов — названий городов и селений.

Данная классификация названий московских улиц, имеющих тюркское происхождение, по существу охватывает все их основные типы и подтипы.

Основными источниками названий улиц служили для нас два справочника: 1. А. К. Климачева, Г. Д. Рагушина, М. Н. Шуринова. Улицы Москвы. Справочник по состоянию на 1 июня 1969 г. Москва, 1969 (сокращенно I) и 2. А. М. Пегов и др. Имена московских улиц. Москва, 1972 (сокращенно II).

Первая группа тюркских по происхождению названий московских улиц подразделяется на три подгруппы, включающие в себя названия по следующим признакам:

1. По отношению первоначальных обитателей к той или иной тюркской народности:

1) *Татарская улица* (I, 387). В Москве существовали две улицы с таким названием, одна из которых ныне переименована в улицу Землячки (II, 357). Кроме того, имеются два *Татарских переулка* — *Большой* и *Малый* (I, 387) и населенный пункт *Татарово* (I, 387). Названия этих улиц, переулков и населенного пункта в черте города Москвы про-

исходят от этнонима татар — по имени одного из тюркских народов. Этноним восходит к имени хана Татар [сына Бувала (Мувала), внука старшего сына Чингисхана Джучи]. Название монголоязычного или тюркоязычного племени татар встречается в древнетюркских памятниках и в словаре Махмуда Кашгари, откуда, возможно, и происходит имя хана Татара. Название же этнонима татар произошло, в свою очередь, либо от этнонима же tat 'иноплеменик, вольнонаемный воин' (Л. Будагов) + аффикс множественного числа -tar > tat- (t)ar, либо от основы tat-~taty- 'испытывать' («Каракалпакско-русский словарь». М., 1958, стр. 626—627) + аффикс -ar > tat-ar 'испытывающий, опытный советник', либо, наконец, оно связано с основой tataw 'хитрость, своенравие' (Л. Будагов, I, 329) > tata-r 'хитрый, своенравный'.

2) *Туркменский проезд* (I, 401) — от этнонима туркмен, в основе которого лежит общее для всех тюркских народов название türk 'тюрк, турок' < монгольск. түркүн ~ törkün ~ törxöm 'родители и родня замужней женщины', ср. бурятск. түрхөм, множественное число түрхөтүүд 'родные, родственники жены, свойственники' — название народа или племени, из которого монголы брали себе жен: корень этого слова türk ~ törk и послужил основой для наименования тюркских племен «тюрками». Название народа «туркмен», таким образом, происходит от türk + аффикс -men (< персидск. مند -mend). Этот аффикс, возможно, генетически связан с индоевропейск. ~ немецк. mann 'человек' и обозначает свойство, присущее человеку, ср. персидск. хегād خرد 'разум', хегādmand خردمند 'разумный (человек)'.

2. По отношению к той или иной социальной прослойке:

1) *Боярский переулоч* (I, 48) < б о я р и н — слово, имеющее различные этимологии: либо из тюркск. baj 'богатый' + āg 'муж, мужчина'; либо из древнетюркск. bojla 'знатный родовой старейшина' + аффикс множественного числа -lag > bojla (la)g 'болярин > боярин'; либо, что наиболее вероятно, из bojla 'старейшина' + āg 'мужчина' > bojla + āg + русское окончание -ин > б о л я р и н > б о я р и н > б а р и н.

2) *Уланский переулоч* (I, 405); старое название этого переулоча *Уланов* (II, 360) < у л а н 'военный из частей легкой кавалерии, вооруженных пиками' (Д. Ушаков, IV, 927) < тюркск. oylan 'юноша, мальчик, сын; слуга'; в иерархии военных должностей слово это без собственного имени соответствует титулу главнокомандующего правым или левым крылом армии. «Отсюда и название конных уланов» (Л. Будагов, I, 141).

3) *Басманная улица, Басманный переулоч, Басманный 1-й переулоч, Басманный тупик* (I, 34) < б а с м а н 'дворцовый, казенный хлеб'; б а с м а н н и к 'дворцовый пекарь' (В. Даль, I, 52) < тюркск. bas- 'ставить печать', basma 'тисненый, с печатью', > русск. 'басманный ~ басменный ~ тисненый', отсюда б а с м а н 'тисненый хлеб для двора', то есть 'хлеб со знаком, указывающим на то, что он не отравлен'.

4) *Таганская улица, площадь, Таганский проезд, тупик* (I, 384—385) (Таганская улица в 1922 году переименована в Интернациональную) (II, 357) < татарск. тауан 'таган, козла для подвешивания чего-нибудь, качели' (В. Радлов, III, 795—796); ср. киргизск. тауансуу 'подпорка, опора', туркменск. таауап 'треножник', а также — собственное мужское имя букв. 'опора'.

5) *Ямская улица 1-я, 2-я, Ямского поля 1-я ул., 3-я ул., 5-я ул.* (I, 452) < тюркск. jam < персидск. jam یام 'курьерская, запасная лошадь'; jamсу 'курьер, гонец' = русск. 'ямщик' (Л. Будагов, II, 341).

6) *Илимская улица* (I, 134) < тюркск. *jilim* 'смола' < персидск. *jilim* يلم 'клей, древесная смола' (Л. Будагов, II, 364). Название этой улицы связано с производством древесной смолы.

7) *Колпачный переулоч* (I, 159) < тюркск. *qar-laq* > *qal-raq* 'остроконечная войлочная шляпа'. Свое название переулоч получил в связи с находившимися здесь мастерскими по изготовлению колпаков (шляп).

8) *Изумрудная улица* (I, 133) < тюркск. *zumrud* < персидск. *zumrud* 'изумруд'.

9) *Шаганский переулоч* (переименован в Красносельский 2-й переулоч) (II, 365) < татарск. *šağan* ~ *šaḡan* 'клен' или *šaḡan* 'локоть, излучина реки'.

Вторая группа наименований московских улиц состоит из названий, связанных с различного рода фамилиями и прозвищами.

1) *Аксакова переулоч* (I, 18) — по фамилии Аксаков < тюркск. *aqsaq* 'хромо́й'.

2) *Алымова улица, переулоч, проезд* (I, 20) — по фамилии Алымов < тюркск. собственное имя *Alym* ~ *Alim* < арабск. 'alim عالم 'ученый' от глагольной основы 'alama علم + русский аффикс -ов > Алымов.

3) *Алябьева улица* (I, 21) — по фамилии Алябьев, либо < тюркск. *ali bej* < арабск. 'ali عالي 'высокий', собственное мужское имя + *bej* 'родовой старшина, бек, дворянин' (феодалный титул), либо < татарск. *alaba* الابا < 'alufa علوفه 'жалование, награда' (Л. Будагов, I, 765) — слово, которое могло первоначально служить прозвищем. В том и другом случае: *ali bej* ~ *alaba* + русский суффикс -ев > Алябьев.

4) *Бабаевская улица* (I, 29) — по фамилии Бабаев < тюркск. татарск. *baḡaj* 'дедушка' — ласковое обращение, состоящее из *baba* 'дед, отец, старец' + аффикс звательной формы -j > *baba-j* + русский суффикс -ев, образующий фамилии.

5) *Барыковский переулоч* (I, 33) — по фамилии Барыков, либо < тюркск. *baḡuq* < персидск. *bārik* باريك 'тощий, худой', либо < *baḡaq* 'собака с лохматой длинной шерстью, отличающаяся необычайной резвостью и ловкостью и считающаяся лучшей среди охотничьих собак' (ДТС); ср. имя половецкого хана Барак. Фамилия Барыков происходит от *baḡuq*, либо от *baḡaq*.

6) *Бахметьевская улица, Бахметьевский переулоч* (переименованы соответственно в улицу Образцова и Калужский переулоч) (II, 303) — по фамилии Бахметьев: < тюркск. *baḡ* 'богатый' + *Ahmet* < арабск. *Ahmad* احمد букв. 'похвальный' > *Vaḡahmet* > *Va(ja)hmet*, либо < из адаптированного имени *Mahmet* < арабск. *Muhammad* محمد 'Мухаммед, Магомет' > *Vahmet* при известном часто встречающемся соответствии *m* ~ *b*, ср., например, татарск. *musulman* ~ *basurman*.

7) *Бабичева улица* (I, 36) — по фамилии Бабичев. Название происходит либо от тюркск. *baḡ* *baḡsa* 'барчук, сын богача, барич', состоящего из двух слов *baḡ* 'богатый' + персидск. *bāččā* 'дитя, ребенок', позже 'мальчик, слуга'; либо от тюркского же *baḡ* *biče* 'старшая, первая жена, хозяйка', состоящего из того же *baḡ* 'богатый' + *bikā* ~ *bičā* ~ *bikāč* 'княжна, княгиня, госпожа, сударыня' (Л. Будагов). Фамилия Бабичев, таким образом, происходит либо от *baḡ* *bāččā*, либо от *baḡ* *biče* + русский суффикс -ев, образующий фамилии.

8) *Бирюзова маршала улица* (бывшая 6-я улица Октябрьского поля) — по фамилии Бирюзов (I, 41), имеющей в своей основе персидск.

birüzä فروزه 'бирюза', заимствованное из тюркских языков в форме birüzä ~ pırüzä ~ firüzä. Фамилия Бирюзов непосредственно образуется от русской адаптированной основы бирюза + -ов — окончание, образующее фамилии.

9) *Бирюлево поселок, населенный пункт, Бирюлевская улица* (переименована ныне в Дуговую улицу), *Бирюлевская 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я улицы* (I, 41) — по фамилии Бирюлев, происходящей от тюркск. bir üjli 'имеющий один дом, однодворец', состоящего из числительного bir 'один', üj 'дом' + аффикс обладания -li > bir üj-li 'имеющий один дом, однодворец' + суффикс -ев, образующий фамилии.

10) *Булатниковская улица* (I, 51) — по фамилии Булатников < тюркск. bulat < персидск. polat پولاد 'сталь' + русский суффикс -ник, образующий название профессии от производной основы, то есть булатник 'мастер по стали, кузнец' + суффикс -ов, образующий в русском языке фамилии.

11) *Булгаковский переулок* (переименован ныне в Даев переулок) (II, 305) — по фамилии Булгаков, происходящей из тюркского bulıaq — производного имени от глагола bulıa- 'махать, перемешивать, взбалтывать; мутить' (В. Радлов, IV, 1848) + аффикс -q, образующий имя bulıaq 'гордо идущий, празднующийся, бездельник'. Основа данного тюркского глагола сохранилась в русских говорах в различных производных словах, например, булга 'склока, тревога, беспокойство'; булгати́ть ~ булга́чить 'тревожить, беспокоить, будоражить, полошнить, баламутить'; булга́чный ~ булга́чливый ~ булга́тник ~ булга́тень 'человек склочный, суматошный' (В. Даль, I, 140). Фамилия Булгаков, лежащая в основе названия переулка, состоит, таким образом, из bulıaq + суффикс -ов.

12) *Бутаково* — населенный пункт (I, 52) по фамилии Бутаков, восходящей к тюркск. butaq ~ putaq 'ветка, сук, сучок, ответвление дерева' + суффикс -ов, образующий фамилии.

13) *Аркадия Гайдара переулок* (I, 26) — по фамилии-псевдониму Гайдар < тюркск. < персидск. hejdar حیدار 'лев' — эпитет Али, зятя пророка Мухаммеда.

14) *Гоголя улица* — название, которое было дано четырем улицам, переименованным ныне в Таганрогскую, Клинскую, Радиальную 7-ю и Спокойный переулок (II, 310), *Гоголевская улица, Гоголевский бульвар* (I, 84) — по фамилии Гоголь < тюркск., киргизск. kögöl 'селезень' (В. Радлов, II, 1232); якутск. köyüllääх 'хохлатая утка, нырок, хохлушка, малая гагара'; шорск. kögüläs 'соловей'; барабинск. күгүлдij 'кулик' и прочие названия птиц происходят от сложного слова kök ~ gök ~ göök ~ kāvāk 'синий, сизый, серый, голубой' + уменьшительный аффикс -ül > kögül ~ gögül ~ göögül ~ kāvākäl 'синеватый, сизоватый, сероватый' — название по цвету оперения птицы.

15) *Дашков переулок* (I, 94) — по фамилии Дашков, происходящей от тюркск. < daşuq 'возомнивший о себе человек, зазнайка, чванливый' (В. Радлов, III, 936—937), либо < dāşik 'дыра, отверстие, отдушина', ср. фамилию мичмана Дырка в комедии Н. В. Гоголя «Женитьба» (Соч. Н. В. Гоголя, т. II, М., 1889, стр. 374).

16) *Ермолова генерала улица* (I, 114) — по фамилии Ермолов, имеющей тюркское происхождение, родоначальником которой был, по родословной Ермоловых, Арслан Мурза Ермола. Слово *Ермола* происходит либо от тюркск. сложного слова ег 'муж, мужчина' + molla < арабск. mulla ملّا 'ученый, священнослужитель', либо от тюркск. ег 'мужчина, мужественный, герой' + mol ~ bol 'будь' — повеление от гла-

гола *bol-* 'быть'; ср. казахское собственное имя *Erbol* букв. 'будь мужем (смелым)', встречающееся в романе М. Ауэзова «Абай».

17) *Ибрагимова улица* (I, 129) — по фамилии Ибрагимов, происходящей от тюркского, арабского собственного имени *Ibrahim* إبراهيم восходящего к древнееврейскому Авраам.

18) *Измайловская площадь, улица; Измайловский бульвар, вал, проезд, проспект; Измайловское шоссе* и т. д. (I, 132—133) — по фамилии Измайлов, происходящей от тюркск. < арабского собственного имени *Ismail* إسماعيل, соответствующего древнееврейскому библейскому имени Измаил.

19) *Казакова улица* (I, 139), *Казаковский переулок*, переименованный ныне в Богатырский 2-й переулок (II, 320), — по фамилии Казаков от тюркск. *qazaq* 'вольный человек, батрак, бродяга', ср. этноним *казах*.

20) *Кантемировская улица* (I, 144) — по фамилии Кантемир, происходящей от сочетания титула *qaп* 'хан' + *temir* букв. 'железо' > *Qap temir* > собственное имя Кантемир.

21) *Карамышевский проспект, Карамышевская набережная* (I, 145) — по фамилии Карамышев < тюркск., турецк. *qogıtuş* 'защитивший, пощадивший', состоящей из основы *qoğu-* 'защищать' + аффикс причастия прошедшего времени *-tuş* > *qogıtuş* 'защитивший' или турецк. *qagutuş* < *qagu-* 'стареть' + *-tuş* > *qagutuş* 'состарившийся'. Более вероятной представляется первая этимология, поскольку основным элементом фамильного герба этого рода является щит, поставленный на камне.

22) *Карташевский переулок* (переименован ныне в Тульский 2-й тупик) (II, 321) — по фамилии Карташев, восходящей к тюркск. *qardaş* ~ *qarğındaş* 'брат, единоутробный брат или сестра', сложное слово, состоящее из *qarğın* 'живот, утроба' + аффикс соучастия *-daş* > *qarğındaş* > *qardaş* 'единоутробный'.

23) *Ковылинский переулок* (I, 155) — по фамилии Ковылинский — тюркск.: либо от глагола *qotu-* ~ *qowu-* 'волноваться' + аффикс *-l* > *qotu-l* ~ *qowu-l* 'колеблющийся', либо от прилагательного *kögil* ~ *köwıl* 'зеленоватый', ср. *kögölön* ~ *köwölen* 'травка молодая'.

24) *Козлова улица* (I, 157) — по фамилии Козлов < тюркск. *qozu* 'ягненок', *qozıly* *qoj* 'трехлетняя овца', букв. 'овца с ягненком'. Слово *qozu* ~ новоуйгурск. *qoza* в русской адаптации *коза*, так как *qozu* имело бы значение множественного числа от *коза*.

25) *Коцюбинского улица* (I, 160) — по фамилии Коцюбинский, происходящей от тюркского сложного слова *küçü* ~ *kücü* *bej*, состоящего из определения *küçü* ~ *kücü* 'малый, маленький' и *bej* 'бей, бек, дворянин, князь' — титул особы знатного происхождения. Сочетание *küçü* ~ *kücü* *bej* 'малый князь' — обращение к сыну знатного человека, соответствует русскому *барчук*. В фамилии Коцюбинский представлено определение *kücü* в диалектной цокающей форме.

26) *Кочновский переулок* (I, 171) — по фамилии Кочнов, Коченовский, восходящей к русскому слову *кочан* ~ *кочень*, заимствованному из тюркского, ср. турецк. глагольную основу *qidža-qodža-* قوجاماق или чагатайск. *qoşa-* ~ *qoş* قوجاماق 'обнять, обхватить, взять в охапку' с производными *qodžaq* ~ *qoşaq* 'сноп, связка, охапка' (Л. Будагов, В. Радлов). Очевидно, что и основой слова *qoşap* является та же глагольная основа *qoş-* ~ *qoşa-* + аффикс, образующий результат действия *-ap* по аналогии с *qaz-* 'копать', *qaz-ap* 'котловина, котел'.

27) *Кулаковский переулок* (I, 188) — по фамилии Кулаков, происходящей от русского слова *кулак*, восходящего к тюркск., та-

тарск. *qul* рука + уменьшительный аффикс *-aq* > *qul-aq* (М. Фасмер, II, 408).

28) *Кутузова проспект, улица, Кутузовский проспект, переулок* (I, 192) — по фамилии Кутузов, в основе которой лежит тюркск., турецк. *qutuz ~ quduz* 'бешеный, взбалмошный' по данному значению — прозвищу и произошла фамилия Кутузов.

29) *Мансуровский переулок* (I, 21) — по фамилии Мансуров, происходящей от татарского собственного имени Мансур, заимствованного из арабского *mansur منصور* 'победитель, победоносный'.

30) *Мичуринский проспект* (I, 233) — по фамилии Мичурин, представляющей собой фонетический вариант другой формы этой фамилии — Бачурин ~ Бичурин, восходящей к татарскому сложному слову *baĵ ğiga*, состоящему из определения *baĵ* 'богатый, господин' и *ğiga ~ ğoga ~ ğogo ~ ŷoga ~ ŷogo* 'сын богатыря, княжеский отрок, дружинник, соратник, сподвижник богатыря, слуга' (Л. Будагов, I, 674). Фамилия Байчурин ~ Бичурин ~ Мичурин представляет собой русскую адаптацию тюркского прозвища *baĵ ğiga ~ taĵ ğiga* + аффикс *-ин* > Байчурин ~ Бичурин ~ Мичурин.

31) *Наримановская улица* (I, 245) — по фамилии, восходящей к персидскому мужскому собственному имени Нариман < персидск. *pāgī nārī* 'мужественный' + местоимение *tāp* 'тот кто, тот который'.

32) *Нарышкинская аллея, Нарышкинский проспект* (I, 246) — по фамилии Нарышкин, которая восходит либо к тюркск. *paġ* 'самец верблюда, отличающийся выносливостью и силой' < персидск. *paġ* نر в том же значении + аффикс ласкательной формы *-uŷ* > *paġ-uŷ* 'имя собственное мужское', либо к *puġ* 'свет' < арабск. *puġ نور* + тот же аффикс ласкательной формы *-uŷ* > *puġ-uŷ* 'имя собственное мужское'. В русской адаптации это имя дано в уменьшительной форме с русским аффиксом *-ка* > Нарышка ~ Нурышка, от которого и произошла фамилия Нарышкин.

33) *Огарева улица* (I, 273) — по фамилии Огарев, также восходящей к тюркской (турецк., крымско-татарск.) основе *oġar ~ oġar* 'высокий, великий', что подтверждается родословной Огаревых, в которой основатель рода Огаревых Огар характеризуется как «муж роста великого и воин храбрый» (ОГДР, IV, 38).

34) *Сабурово населенный пункт, Сабуровская улица* (I, 339) — по фамилии Сабуров, происходящей от собственного мужского имени Сабур < арабск. *sabur صبور* 'терпеливый', широко распространенного среди татар и других тюркских народов.

35) *Салтыковская набережная, улица* (I, 343) — по фамилии Салтыков, происходящей от прозвища Салтык, ср. русск. «у всякого шлык на свой салтык». Слово *салтык* является тюркским заимствованием и восходит к тюркск. *saltyq ~ salttyq* со значением 'соблюдающий обычай, порядок', которое состоит из основы *salt* 'обычай, порядок, мода', ср., например, ккалп. *salt-sana* 'старые обычаи и представления' + аффикс *-lyq/-tyq* > *salt-tyq* 'соблюдающий обычаи, моду, порядок'. Фамилия Салтыков, таким образом, имеет в основе прозвище *Салтык* + суффикс *-ов*, образующий фамилии.

36) *Саям Адиля улица* (I, 343) — по имени Саям-Адиль, широко употребляемом различными тюркскими народами. Имя это является сложным и состоит из двух: Саям < арабск. *salām سلام* 'мир, привет' и Адиль < арабск. 'adil عدیل 'справедливый'.

37) *Самаринская улица* (I, 343) — по фамилии Самарин, происходящей от русского слова *самара* 'долгополая одежда' (В. Даль, IV, 131), которое представляет собой иранское заимствование через тюркские языки слова *sāpār* 'перекидной мешок для навьючивания на лошадь' (В. Радлов, IV, 508).

38) *Судакова улица* (I, 380) — по фамилии Судаков, происходящей от русского названия рыбы *судак*, восходящего в свою очередь к тюркск. *sudaq* سوداق 'род рыбы в Яксарте (Амударье)' (Л. Будагов, I, 642).

39) *Талалихина улица* (I, 386) — по фамилии Талалихин, происходящей от русского прозвища *Талалыка* 'картавый', заимствованного из тюркского сочетания *tili lal* 'немой'. Оно состоит из тюркск. *tili* 'язык' + аффикс принадлежности 3-го лица -i > *tili* 'его язык' и *lal*, персидск. *lal* لال 'немой', *tili lal* 'его язык немой' + русское окончание -ыка > *Тилилалыка*.

40) *Тараканова переулок* (переименован ныне в Спасоналивкинский) (II, 357) — по фамилии Тараканов, в основе которой лежит слово *таракан* < тюркск. *taɾuqqaŋ*, состоящее из глагольной основы *taɾuq-* 'распространяться, рассеиваться, разбегаться, расплзаться' + аффикс причастия -qan > *taɾuq-qan* > *taɾaqqan* 'расползающийся, разбегающийся'.

Подобная модель для образования названий животных и насекомых широко используется в тюркских языках; ср., например, древнетюркск. *syç-qan* 'мышь' (< *syç-* 'мочиться' + аффикс причастия -qan); алтайск. *djyl-* 'ползать', *djylan* 'змея' и т. п.

41) *Татищева улица* (I, 387) — по фамилии Татищев от русского слова *тать, татище, вор, ворище*, восходящего, по всей вероятности, к тюркскому слову, заимствованному из иранских языков, а именно: *tat* تات 'класс народа, подданных, служащих у вельмож, исключая рабов; празднующийся сброд, из которого собирают волонтеров' (Л. Будагов, I, 329).

42) *Тимирязевская улица, Тимирязевский проезд, переулок 1-й, 2-й* (I, 391) — по фамилии Тимирязев < тюркск. *timër ɣazi* от сложного слова, состоящего из *timër* ~ *temir* 'железо' и *ɣazi*, арабск. *ɣazi* غازي 'воин, воитель за религию, солдат-мусульманин, победитель, победоносный', *timër ɣazi* 'собственное мужское имя', от которого и произошла фамилия Тимирязев.

43) *Токмаков переулок* (I, 394) — по фамилии Токмаков < тюркск. *toqmaq* توقماق 'палица, дубина, колотушка, валец' (Л. Будагов, I, 400).

44) *Толмачев переулок* (ныне переименован в Токмаков) (II, 358), *Толмачевский переулок* (II, 394) — по фамилии Толмачев < тюркск. *til-taš* 'переводчик'.

45) *Тургенева переулок, Тургеневская площадь, Тургеневский проезд* (I, 400—401) < тюркск., монгольск. *türgeŋ* 'быстрый, скорый, спешный; вспыльчивый, горячий, крутой'.

46) *Турчанинов переулок* (I, 401) — по фамилии Турчанинов, от русского слова *турчанин* по аналогии с *датчанин, англичанин, греканин*, происходящего от основы *тюрк*, которая, в свою очередь, восходит к монгольскому слову *türkün* ~ *türgün* ~ *töghöm* в значении «родители, родня замужней женщины», то есть «свойственники».

47) *Тухачевского улица* (I, 401) — по фамилии Тухачевский, происхождение которой может быть объяснено тюркской (чагатайской) основой *tuɣaɣu* 'знаменщик, знаменосец, вестник, рассыльный', состоящей

из основы *tuγ* توغ 'знамя, бунчук, хоругвь' + аффикс -*čy/-či*, осложненный промежуточным гласным. Эту фамилию можно также считать происшедшей от *tuqač~tuṛač* 'круглый крендель, сушки' (Л. Будагов, I, 398); по этому слову могли быть названы деревня или село, а затем по их названию возникла и фамилия Тухачевский.

48) *Ушаковский переулоч* (ныне переименован в Хилков) (II, 360) — по фамилии Ушаков, происхождение которой связано с тюркским *ušač* 'мелкий, малого роста, человек мелкого ума, мелочный человек' (В. Радлов, I, 1773; Л. Будагов, I, 137). Это тюркское слово служит основой и для русского областного слова уша́к 'подкосок, пасынок, подпорка у столба' (В. Даль, IV, 526).

49) *Чагинская улица, Чагинский переулоч* (I, 425) — по фамилии Чагин < турецк. *čaṣa*, туркменск. *čaṣa*, уйгурск. *čaṣa* 'ребенок'; *bala-ča-ṣa* 'дети', старое русское заимствование из половецкого *čaṣa* 'ребенок' в древнерусском языке имело значение «девушка-невольница, пленница».

50) *Чапаева улица, Чапаевский переулоч* (I, 425) — по фамилии Чапаев, в основе которой лежит тюркский глагол *čar-* 'хватать, задевать, приставать' + аффикс -*qaj~ -aj*, указывающий на действующее лицо > *čar-aj* 'стремящийся хватать, приставать, задевать'.

51) *Чертаново* — название района Москвы, *Чертановская улица, Чертановский проезд* 1-й, 2-й, 3-й (I, 430) — по фамилии Чертанов < татарск. *čortan* چورتان 'щука'.

52) *Чичерина улица* (I, 432) — по фамилии Чичерин < тюркск. *če-čeg* 'красноречивый' или *čičeg*, русск. *чи́чер~чи́чера* 'резкий, холодный осенний ветер с дождем' из тюркск. *čič-~čyč-* 'рассеивать, разбрасывать'.

53) *Шаминский проезд* (I, 434) — по фамилии Шамин < турецк. *šama* 'светильник, светильня' < арабск. *šam'a* شمعَة, либо от русск. *ш а м а~ш а м о н я* 'тот, кто шамкает' (В. Даль, IV, 620).

54) *Шереметьевский переулоч* (ныне переименован в Гнездиновский) (II, 366) — по фамилии Шереметьев~Шереметев < турецк. *šegemet* < персидск. *šir mard* شیر مرد 'имеющий скорый, легкий шаг (о лошади); грубый, вспыльчивый человек', по последнему, переносному, значению произошли прозвище, а затем фамилия Шереметьевых.

55) *Шишкина улица* (I, 439) — по фамилии Шишкин < русск. *ши́шка* < крымско-татарск. *šyš-* 'пухнуть, опухать' + аффикс -*qa*, образующий результат действия *šyš-qa* 'результат опухлости, шишка'.

56) *Шубинский переулоч* (I, 442) — по фамилии Шубин < турецк. *džubbe~džürpe* < арабск. *džubba* 'шубка или короткий кафтан без рукавов или с короткими рукавами, надеваемый под большую шубу или верхний плащ' (Л. Будагов).

57) *Юшков переулоч* (переименован ныне в Бобров переулоч) (II, 368) — по фамилии Юшков < тюркск., татарск. *juiš* 'мокрый, сырой; мокрота, сырость'; ср. русск. *ю́ша* 'мокрый зюзя', а *зю́зя* 'промокший от дождя человек, плакса, рева, пьяный, пьяница' (В. Даль, IV, 670) — по одному из этих признаков и было дано прозвище, а затем и фамилия.

Третью группу наименований московских улиц составляют названия, связанные с различным рода топонимами. В зависимости от того или иного типа топонимов эта группа может быть разделена на:

1. Названия по различного рода номенклатуре:

1) *Арбат* — улица, *Арбатская площадь, Арбатский переулоч, Арбатская улица, Арбатецкий переулоч* 1-й, 2-й (I, 25) — по названию

квартала города < тюркск. < арабск. *rabat* رباط 'квартал населенного пункта, район, городской квартал', название связано с арабской цифрой *arba'at* أربعة 'четыре'¹.

2) *Базарская улица* (I, 30) — по названию рынка < тюркск. < персидск. *bazar* بازار 'рынок, торг'.

3) *Балчуг* — улица (I, 32) — по характеру местности < тюркск. *balçuq* بالچق 'грязь, глина, тина, болото'.

4) *Каланчевская улица, площадь, Каланчевский проезд, тупик* — по названию объекта *каланча* < тюркск. *qalandža*, уменьшительная форма от *qala* ~ *qale* 'крепость' < арабск. *qal'a* قلعة 'крепость, город'.

5) *Ордынка* — улица, *Ордынский тупик* (I, 278) < тюркск., монгольск. *orda* 'местопребывание хана, ставка хана, стан, военный лагерь'; турецк. 'армия, корпус'.

6) *Тажинская улица* (I, 385) от русского слова *тайга* 'непроходимый лес, тайга' < тюркск., алтайск. *taɣa* 'гора, покрытая лесом'.

7) *Чонгарский бульвар* (I, 433) < тюркск. *çinçu* ~ *çinçuğ* 'яма, впадина'.

2. Названия улиц, связанные с оронимами:

1) *Алтайская улица* (I, 20) — по географическому названию *Алтая* < тюркск. *al taɣa* 'высокие горы, покрытые лесами' (М. Фасмер, I, 72).

2) *Балканский переулок* (I, 31) — по географическим названиям *Балканы* и *Балканский полуостров* < тюркск. *balqa* 'большая высокая горная цепь, поросшая лесами' (М. Фасмер, I, 116).

3) *Жигулевская улица* (I, 116) — по географическому названию *Жигули*, *Жигулевские горы*, пороги < тюркск., татарск. *džigüli* 'запряженный, гужевой', слово, состоящее из основы *džigü* 'запряжка' + аффикс обладания -*li* > *džigüli* 'имеющий запряжку, запряженный, гужевой' > 'бурлак, тянувший бечеву'. Название дано местности, где протекала река, по которой бурлаки тянули грузы.

4) *Крымский вал, переулок, проезд, тупик* (I, 186) < тюркск. *qugut* قويم 'яма, окоп' (Л. Будагов, II, 51).

3. Названия улиц, связанные с гидронимами:

1) *Байкальская улица* (I, 30) — по названию озера *Байкал* < тюркск. *baj köl* 'заколдованное озеро' — сложное слово, состоящее из определения *baj* 'заколдованный' (ср. алтайск. *baj söz* 'запретные слова', *bajlaya* *söstör* 'заговоры', в других языках *baj quš* 'сова, заколдованная птица' и т. д.) и *köl* 'озеро'.

2) *Яузская улица, Яузский бульвар* (I, 454); *Яузская набережная* (переименована ныне в Извилистую набережную) (II, 368) — по названию реки *Яузы* < тюркск., татарск. *jawuz* ياوز 'злой, дурной, вредный' (Л. Будагов, II, 345).

4. Названия улиц, связанные с ойконимами:

1) *Артековская улица* (I, 26) — по названию населенного пункта в Крыму *Артек* < тюркск. *artuq* ~ *artuq* 'высший, лучший' (Л. Будагов, I, 25).

2) *Астраханский переулок* (I, 28) — по названию города *Астрахань* < тюркск. *hadži tarhan* — сложное слово, состоящее из имени собст-

¹ Об этимологии *Арбат* см.: Н. И. Веселовский. *Рабат* — странноприимный дом. — «Древности Восточные», т. II, вып. 1. Протоколы, СПб., 1909; В. К. Трутовский. Происхождение названия *Арбат*: *рабат* — торгово-ремесленное предместье. — Там же; В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 28—31 (о слове *рабад* ~ *рабат*).

венного Hadži < арабск. hadži حاجي 'путешествовавший в Мекку на поклонение, пилигрим' (Л. Будагов, I, 510) и титула taɣhaп ترخان 'человек, свободный от податей и повинности' (Л. Будагов, I, 349).

3) *Бакинская улица* (I, 30) — по названию города Баку; этимология не выяснена.

4) *Балаклавский проспект* (I, 31) — по названию города Балаклава < тюркск. baluq awlaw 'ловля рыбы' — сложного слова, состоящего из baluq 'рыба' и awlaw 'ловля' < aw 'сеть, невод' + аффикс, образующий глагол от имени -la > awla- 'ловить неводом, сетью' + аффикс субстантивной формы глагола -w > awlaw 'ловля рыбы неводом' + аффикс принадлежности 3-го лица -u > aw-la-w-u как форма связи с определением baluq awlawu 'ловля рыбы неводом'.

5) *Казанский проспект, переулок, тупик* (I, 139) — по названию города Казань < тюркск., татарск. qazaп 'котловина, котел' < qaz- 'копать' + -ap (аффикс результата действия).

6) *Касимовская улица* (I, 148) — по названию города Касимов < тюркск. Qasım 'собственное мужское имя' < арабск. qasim قاسم 'разделяющий (горе)' (Х. К. Баранов, 817).

7) *Карачарово, Карачаровская улица* 1-я, 2-я, 3-я, *Карачаровское шоссе, Карачаровский проезд* 1-й, 2-й, *тупик* 1-й, 2-й (I, 145—146) — по названию селения Карачарово < тюркск. qaɣa dʒaɣ 'черный яр'.

8) *Кунгурская улица* (I, 189) — по названию города Кунгур < тюркск. qıŋɣuɣ ~ qoŋɣuɣ ~ qıŋɣı ~ qoŋɣı, букв. 'темно-серый, смуглый'; название тюркского племени, по которому назван город около Хивы' (Л. Будагов, I, 86).

9) *Очаково, Очаковское шоссе, Очаковская улица, Очаковская большая улица, Очаковский переулок* 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й; *проезд* (I, 283—284) — по названию города Очаков < тюркск. oçaq ~ odʒaq 'очаг'.

10) *Самаркандский бульвар* (I, 344) — по названию города Самарканд — от чагатайского и иранского samaɣ سمار 'таз, кувшин, котел' (Л. Будагов, I, 634) или samaɣ صامار 'чаша; впадина, небольшое озеро' (Л. Будагов, I, 691) + персидск. kent 'селение, город' > samaɣ + kent > Самарканд; ср. Казань из татарск. qazaп 'котел, котловина'.

11) *Самарский переулок, тупик* (I, 344) — по названию города Самара < чагатайск., иранск. samaɣ, имеет то же происхождение, что и Самарканд.

12) *Саратовская улица, Саратовский проезд* (I, 346) — по названию города Саратов < тюркск. saɣu taw < saɣu 'желтый' + taw 'гора'.

13) *Ташкентская улица, Ташкентский переулок* (I, 388) — по названию города Ташкент < тюркск. taş kent < taş 'камень, каменный' + персидск. kent 'селение, город' > taş kent 'каменный город'.

14) *Хива* — улица (переименована в Добровольскую улицу) (II, 362) — по названию города Хива. Этимология неизвестна.

15) *Царицынская улица* (переименована ныне в Котляковскую улицу) (II, 363) — по названию города Царицын < тюркск. saɣu syŋ < saɣu 'желтый, светлый' + syŋ < персидск. sep 'камень' > saɣu syŋ 'желтый камень'.

16) *Чесменская улица* (I, 430) — по названию города Чесмен < тюркск. çeşme, татарск. çışmä < персидск. čāšmā چشمه 'источник, ключ, водоем'.

Н. С. ДЖИДАЛАЕВ

ОБ ОДНОМ РЯДЕ БУЛГАРСКИХ СЛОВ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ

(VIRI, VIR, VIRIN, VIVRA/VIURA, VIRXU)

Сведения о древних тюркских языках болгарской группы настолько скудны и в лингвистическом отношении малоинформативны, что нет реальной возможности установить, выступают ли в данном случае несколько разных языков (булгарский, хазарский, савирский, гуннский) или же только один, носители которого в силу экстралингвистических обстоятельств получили известность в истории под различными названиями.

Языковое единство так называемых волжских и дунайских болгар и совершенно очевидная близость болгарского языка с современным чувашским признаны почти всеми специалистами. Отношение же хазарского языка к болгарскому окончательно еще не выяснено. Имеющиеся материалы по хазарскому языку¹ не дают достаточных оснований для установления его близкого родства с болгарским. Однако, учитывая эти материалы, нельзя с какой-либо категоричностью говорить и об отсутствии такой близости².

Поэтому любые новые сведения о языках болгарских тюрков представляют несомненный научный интерес, ибо они могут внести определенную ясность в болгарскую языковую проблему.

Непосредственных письменных памятников по болгарским языкам, за исключением собственно болгарского, не сохранилось. Важным источником информации по этим языкам по-прежнему продолжают оставаться языки, носители которых в прошлом имели (или могли иметь) тот или иной контакт с гуннами, савирами, булгарами, хазарами и т. д. Определенный интерес в этом смысле, на наш взгляд, могут представить дагестанские языки. Судя по всему, у нас имеются объективные основания ожидать сохранения в этих языках древних заимствований из болгарской языковой среды.

По сообщениям исторических источников, в первые века нашей эры на территорию современной Дагестанской ССР стали проникать различные тюркские племена и племенные объединения, известные в истории как гунны, савиры, болгары, хазары³. Эти племена на

¹ См.: Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, стр. 237—238.

² См.: А. М. Щербак. О рунической письменности в юго-восточной Европе. — «Советская тюркология», 1971, № 4, стр. 80; М. Р. Федотов. К вопросу о древнечувашской письменности. — «Советская тюркология», 1972, № 5, стр. 108.

³ См.: М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962; «История Дагестана», I. М., 1967, стр. 116, 127—131 (см. там же литературу по вопросу).

территории Дагестана образовали со временем государственное объединение — «Гуннское царство»⁴. Исследователи единодушны во мнении, что родиной хазар был приморский Дагестан. Археологический материал позволяет предположить довольно значительную инфильтрацию носителей хазарской культуры в глубь предгорий Дагестана и дербентской зоны на юге⁵.

Все это, а также многочисленные сообщения исторических сочинений, как и ряд косвенных (лингвистических и этнографических) данных, на которых нет возможности останавливаться в настоящей работе, позволяют говорить о существовании глубоких связей предков дагестанских народов с булгарскими тюрками.

Дагестанская языковая территория отличается благоприятной в интересующем нас плане особенностью: в сравнительно небольшом ареале исторически представлено множество языков, каждый из которых мог иметь «автономный» контакт с языками булгарских тюрков. В силу своеобразия исторически сложившихся условий развития и функционирования дагестанские языки могли стать своего рода аккумуляторами древнетюркских заимствований. С одной стороны, агглютинативный строй дагестанских языков (аналогичный тюркскому) мог явиться благоприятным фактором для проникновения и закрепления в них тюркского морфологического, синтаксического и словообразовательного инвентаря, с другой — специфичность особенностей фонетической системы и структуры слова дагестанских языков позволяет сравнительно «легко» выявить заимствованный тюркский (иносистемный) лексический элемент.

Сравнительный анализ ряда тюркизмов в дагестанских языках показал, что в некоторых из них действительно имеются древнетюркские элементы, конкретный источник заимствования которых можно указать с большой долей вероятности⁶.

В данном сообщении мы остановимся на небольшом числе булгарских слов, выявленных в одном из дагестанских языков — лакском, носители которого исторически обитали в центральной горной части Дагестана в окружении носителей других дагестанских языков. На основании краткого историко-этимологического анализа постараемся объяснить, почему эти лексические единицы квалифицируются как булгарские.

⁴ Ягуб-бек-Лазарев. Гунны Дагестана. Тифлис, 1859; «История Дагестана», I. М., 1967, стр. 116—117, 127.

⁵ М. Г. Магомедов. Хазарские поселения в Дагестане. — «Советская археология», 1975, № 2, стр. 215—217 (см. там же литературу по вопросу).

⁶ Нам приходилось уже говорить о древнетюркских элементах в лакском языке (см.: Н. С. Джидалаев. К вопросу о языке древних тюрков Восточного Кавказа. — «Советская тюркология», 1971, № 5; его же. О диахронии тюркско-дагестанских языковых контактов. — «Советская тюркология», 1970, № 3). О древнетюркских элементах в удинском языке писал В. Л. Гукасян (см.: В. Л. Гукасян. Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков. Автореф. докт. дисс. Баку, 1975).

Однако конкретный источник заимствования до сих пор устанавливался скорее экстралингвистически — методом исключения, то есть, прежде всего, доказывалась тюркская принадлежность искомым лексическим единицам; потом, на основании того, что эти единицы по своему фонетическому облику (конечно, с учетом возможных звуко-трансформаций на почве заимствующего языка) не могли быть, например, ни азербайджанскими, ни кумыкскими и т. д., допускалось, что они скорее всего были заимствованы из хазарской (булгарской) языковой среды. Поэтому не случайно В. Л. Гукасян древнетюркские элементы в удинском языке относит к заимствованиям из савиро-хазарской среды, исходя из того, что удины могли контактировать прежде всего с савирами, проникшими в Закавказье с Северного Кавказа.

1. *Viri*. Это слово в лакском языке является составным компонентом сложных слов (словосочетаний): *virī ču* 'юноша', 'молодой человек', 'кавалер', 'жених', 'новобрачный', 'молодец', 'удалец', 'герой'. В современном лакском языке в этом словосочетании *virī* выступает как бы определением исконно лакского слова *ču* 'мужчина', 'муж', 'взрослый человек'⁷; *virī šag* 'девушка', 'созревшая девушка', 'невеста', 'новобрачная'; здесь *šag* исконно лакское слово, означающее «женщина», «жена».

В обоих приведенных словосочетаниях лексическое значение компонента *virī* в современном лакском языке не ощущается, ибо он не имеет самостоятельного употребления. Однако *virī* как имя существительное в современном лакском языке имеет форму множественного числа: *virtal* (<*virī*+*tal*; конечное *i* при присоединении аффикса множественного числа *-tal* редуцируется, что обычно для лакского языка) 'юноши', 'молодые люди', 'молодцы', 'герои' и т. д. Это позволяет весьма определенно предположить, что *virī* употреблялось в лакском языке и в форме единственного числа и могло иметь те же лексические значения, которые имеют словосочетание *virī ču* и форма множественного числа от него *virtal*.

Кроме того, слово *virī* в лакском языке служит основой полной формы прилагательного *virisa* (*-sa* — аффикс прилагательного) 'юный', 'молодой', 'свежий', 'бодрый', 'зеленый', 'находящийся еще в соку' и т. п., а также наречной формы *virinu* (*-nu* — аффикс наречия) и глагола, образуемого с помощью вспомогательного глагола *ban* 'сделать': *virī ban* 'омолодить', 'освежить', 'способствовать омоложению (растения, дерева и т. п.)'; путем присоединения к *virī* словообразовательного аффикса *-šivi* образуется другое существительное *virīšivi* 'состояние молодости, свежести' и т. п.

Приведенный анализ, таким образом, позволяет выделить *virī* как самостоятельную лексическую единицу со следующими значениями: «юноша», «молодой человек», «кавалер», «жених», «новобрачный», «молодец», «удалец», «герой», «девушка», «созревшая девушка», «невеста», «новобрачная»; «юный (-ая)», «молодой (-ая)»; «свежий (-ая)», «бодрый (-ая)», «зеленый (-ая)» и т. п.

Данное слово на лакской почве этимологически отнюдь не прозрачно; не этимологизируется оно и на основании данных других генетически родственных дагестанских языков, например, аварского, даргинского, лезгинского. Все это позволяет заключить, что *virī* не исконно дагестанское, а заимствованное слово.

Сопоставительный анализ слова *virī* с данными тюркских языков (с учетом известных между различными тюркскими языками и диалектами звукосоответствий, а также вполне закономерных семантических сдвигов, происходивших в различных языках по-разному) убеждает нас, что *virī* — слово тюркское. Ср.: лакск. *virī*, др.-тюрк. *уғу* 'сын, мальчик, юноша, мужское потомство', *уғу оғул* 'сын, мужское потомство', *уғулан* 'рожать мальчика', *уғуу//уғуу* 'зерно, семя, косточка', 'род, потомство' (ДТС), тел. *orinči* (*orin*+*či*) 'наследник, младший сын' (Радлов, Словарь), башк. *irīw* 'род', тув. *игуу* 'ребенок, девочка, сестра, младший брат (сестра)'; кумык. *urluq//urūw//ugug* 'семя', азерб. *игиу//игуи* 'род, потомство, родня, поколение', ног. *игуу//игуу* 'род, поколение, родственник', уйг. *оғу* 'сын', уйг. д. *игуг* 'потомок, отпрыск', як. *гу:* 'родня', то-

⁷ Не следует это слово путать с распространенным в лакском языке заимствованным тюркским словообразовательным аффиксом *-či*.

фал. *uɣug* 'ребенок', чув. *văgă* 'семя, семечко, семена'. В плане семантики интересным представляется монг. *ŭg* 'семя, зерно, плод, дитя, ребенок'⁸.

При определении источника заимствования этого слова необходимо учесть следующее.

Известно, что в лакском языке представлен большой пласт азербайджанских и кумыкских заимствований. Однако *viɣi* нельзя считать заимствованием из этих языков, и не только потому, что нет удовлетворительного объяснения семантического сдвига и изменения окончаний (см.: азерб. *uɣu*/*uɣu* 'род, потомство, родня, поколение', кумык. *uɣluq*/*uɣuw*/*uɣug* 'семя'). При допущении азербайджанского или кумыкского происхождения этого слова необходимо объяснить трансформацию азербайджанского и кумыкского анлаутного *u-* в *u-* (точнее в *vi-*) в лакском языке. Сравнительно-исторический анализ данных лакского и других генетически родственных языков указывает на то, что лакскому языку не было присуще протезирование *u-* перед губными гласными. На это указывают, в частности, тюркские заимствования с анлаутным губным гласным, который в лакском языке остается без протезирования. Ср.: лакск. *ɬlaq* 'вьючное животное', азерб. *ɬlag* 'вьючное животное', кумык. *ɬlag* 'козленок'; лакск. *ustaluɣ* 'мастерство, умение', азерб. *ustalyg* 'мастерство, умение', кумык. *ustalyq* 'мастерство, умение' и т. д. Любопытно также сравнить: лакск. *uɣuq* 'потомство, икра (рыб, лягушек)' и азерб. *uɣu* 'род, потомство, поколение', кумык. *uɣug* 'семя'; азербайджанскому и кумыкскому *o* в лакском языке соответствует *u*: лакск. *uɣtaq* 'компаньон', азерб. *ortaɣ* 'компаньон', кумык. *ortaɣ* 'компаньон'; лакск. *uʒaɣ* 'очаг', азерб. *oʒaɣ* 'очаг', кумык. *oʒaɣ* 'очаг' и т. д.

С лакским *viɣi* сопоставимо кумыкское *õɣit* 'мальчик', 'подросток' (см. *jaʃ õɣit*), и поэтому можно было бы допустить в данном случае кумыкскую версию происхождения этого слова, семантически не вызывающую возражений. Однако, как показывают факты, и небный вариант губного гласного *õ* в лакском остается без протезы. На это опять-таки указывают сами же заимствованные тюркизмы. Ср., например, лакск. *urɬak* 'утка', азерб. *õrdäk* 'утка', лакск. *uxtaɬsa* 'гордый', азерб. *õtkām* 'гордый' и т. д.

Слово *viɣi* в лакский язык проникло из болгарского, одной из характерных особенностей которого является замещение в начале слова общетюркских этимологических губных гласных дифтонгами или дифтонгоидными сочетаниями, выражающимися комплексом *v* + гласный, например, *وج* 'три', *وان* 'десять', *وطر* 'тридцать' и т. д.⁹ Нам, правда, не удалось обнаружить в небольшом количестве известных болгарских слов соответствия лакскому *viɣi*. Но чувашские *văgă* 'семя', *ăgu* 'род', 'племя' убеждают в том, что *viɣi* — действительно болгарское слово.

Факты языка свидетельствуют о том, что делабиализация этимологического губного гласного (в результате протезирования *u-*) в болгарском протекала неодинаково. На это же указывают данные чувашского языка, в котором губной гласный переходил в *i*, *y*, *ě*, *a*, *ä* и т. д., мог

⁸ См.: В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 49.

⁹ Подробнее об этом см.: М. Р. Федотов. К вопросу о древнечувашской письменности, стр. 108—114.

он остаться и без изменений¹⁰. Вполне возможно, что и в самом болгарском языке слово *viġ* было с гласными *i* или *y*, ибо мы не видим причин перехода *ä* или *u* в *i* на лакской почве.

2. *Viġ*. Это слово представлено в лакском языке: 1) как составной компонент словосочетания — сложного слова *virtil üġċ* (букв. *viġ*-а 'дитя') 'дитя', 'ребенок'. Здесь *virtil* — форма родительного падежа имени *viġ*, которая отдельно в современном лакском языке не употребляется и не имеет семантической прозрачности; определяемый компонент *üġċ* (исконно лакский) 'ребенок', 'дитя', 'мальчик' и т. п. Ср. аналогичное образование в лакском же языке: *lăqlul üġċ* (букв. 'живота, утробы ребенка', *lăqlul* — форма родительного падежа имени существительного *lăqā* 'живот, утроба', *üġċ* 'ребенок, дитя') 'родной сын, родная дочь, родное (собственное) дитя'; 2) как основа субстантивированной формы прилагательного, обычной для лакского языка: *viġsa* (-*sa*— аффикс прилагательного) 'внутренности человека, животного'; 3) как составной компонент сложного слова *viġdak* 'ядро, сердцевина, мякоть плода, внутренность, нутро', *dak* (исконно лакское) 'сердце'. Отдельно *viġ* в этом значении в современном лакском языке не употребляется и не имеет лексического значения. Нетрудно заметить здесь типичный для лакского языка случай редупликации. В подобных композитах обычно один из компонентов — заимствованный.

Таким образом, слово *viġ* в лакский язык первоначально проникло в значениях: «сердце», «серцевина», «нутро», «внутренности», «утроба», «ядро», «мякоть», «родной» и т. д.

В плане семантики интерес в данном случае представляют факты различных тюркских языков. Ср. хотя бы др.-тюрк. *öz* 'сердце, сердцевина, живот, внутренности, внутренние органы тела'; *uġuŋ özlüg* *парн.* 'родственники, свойственники'; *özäk* 'кровеносный сосуд, шейная артерия' (ДТС); азерб. *özäk* 'ячейка, ядро, сердцевина, стержень' («Азербайджанско-русский словарь»), кумык. *özek* 'серцевина, ядро, овраг, ручей' («Кумыкско-русский словарь»), тур. *öz* 'внутренность, сердцевина, сущность, лучшая, отборная часть чего-либо, собственный, родной'.

На болгарское происхождение лакского *viġ* указывает чувашское *vaġ* 'живот', 'желудок', 'внутренность', *vaġ tuxni* 'грыжа', *vaġ appi* 'паховая грыжа', *vaġa* 'серцевина дерева' (Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка, стр. 168—172). Идентичность чув. *vaġ* и др.-тюрк. *öz*, азерб. *özäk*, кумык. *özek*, тур. *öz* очевидна. В чувашском на месте этимологических общетюркских губных гласных выступает обычный протетический *v*-. Соответствие чувашского (и вообще общеполгарского) *r* общетюркскому *z* — известный чувашский (общеполгарский) ротацизм.

В собственно болгарском фонде непосредственное соответствие лакскому *viġ* обнаружить не удалось, хотя и нельзя не отметить болгаро-гунское название реки Днепр: *Var*, которое этимологически вполне вписывается в вышеприведенное гнездо. В плане семантики, кроме приведенных примеров, интерес могут представить также кумык. *özen* 'речка, река', кирг. *özäk* 'серцевина, сердцевина дерева, узкая река', *özup* 'река, речка', башк. *üzän* 'русло реки', *üzäk* 'долина в горах, сердцевина' и чув. *văġ* 'долина, середина, чрево'¹¹.

¹⁰ См.: А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 276—280, 179; Т. М. Матвеев. Краткий обзор чувашских диалектов. — В сб.: «Материалы по чувашской диалектологии». Чебоксары, 1960, стр. 39—43.

¹¹ См.: Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваша. Казань, 1902, стр. 51.

3. *Virgin*. Это слово представлено только в одном лакском идиоматическом выражении (глаголе) *virin izaɪp* 'возбудиться (в половом отношении)', 'чувствовать возбуждение', 'чувствовать себя молодым, испытывать чувство второй молодости, помолодеть', 'стать моложе (о человеке)', 'стать новым, обновленным, обновиться (о человеке, растениях)' и т. п. Здесь трудно установить, какие из этих значений «прямые», а какие — «переносные», образные. В данном сочетании глагол *izaɪp* вспомогательный, спрягаемый глагол, *virin-* же несет смысловую нагрузку, хотя в современном лакском языке он отдельно не употребляется и не имеет лексического значения.

Сопоставительный анализ с данными тюркских языков убеждает нас в том, что *virin* тюркское слово. Ср. др.-тюрк. *ugup-* 'напрягаться, подниматься', *ugundi* 'возбудился', *ugup-* 'возбудиться' (ДТС; МК), уйг. *ugupč* (*ugup* + *č*) 'возбуждение' (Радлов, Словарь).

Данные чувашского языка достаточно красноречиво указывают, что слово *virin* болгарское; ср. чув. *vāgan, vāgat* 'возбудиться' («Русско-чувашский словарь»).

4. *Vivra (viura)* 'род сладостей в виде густой массы из поджаренных и размолотых семян льна, меда и масла', 'кашица из толокна с маслом, кашица из толокна, раскрошенного овечьего сыра' и т. п. В переносном смысле *viura* означает всякую «бурду», «жигу». Факты различных тюркских языков (с учетом существующих между тюркскими языками звукосоответствий) указывают на то, что это слово по форме и по содержанию болгарское. Ср.: др.-тюрк. *ügřä* 'мучное блюдо', 'жидкая каша', *süt ügřä* 'молочная каша' (ДТС), ног. *üjge* 'похлебка, суп из крупы', башк., тат. *üjğä* 'похлебка, суп', узб. *uvga/ugra* 'похлебка, лапша', узб. д. *uğra/ougra* 'лапша', уйг. *ögřä* 'вермишель', караим. галиц. *iuge* 'каша, крупа', алт. *üge* 'кашица из толченой крупы и молока', якут. *üoge* 'болтушка из листовенничной заболони, кусков рыбы и незначительного количества муки', тат. д., шорск. *ügä* 'жидкая каша, кашица из мелкой крупы на молоке' (Радлов, Словарь). Этимологическая близость приведенных слов и вполне возможные семантические сдвиги очевидны¹². Очевидно и то, что лакское *viura/viura* (если только допустить, что это заимствование из болгарского языка с характерной для него протезой *v-*, соответствующей общетюркским губным гласным) закономерно вписывается в указанное тюркское этимологическое гнездо.

5. *Viğxi* 'кратковременный дождь; дождь, который мгновенно начинается и перестает'; *viğxi ɣaɣal* имеет то же значение; здесь *viğxi* является как бы определением к лакскому слову *ɣaɣal* 'дождь (вообще)'. Тюркское, и в частности болгарское, происхождение этого слова менее очевидно, к тому же ни среди известных болгарских слов, ни в чувашском языке корреспондента этого слова обнаружить не удалось. В связи с этим следует сделать некоторые замечания.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что *viğxi* не этимологизируется на лакской (дагестанской) почве. Яркое выражение соответствия губного *v* в лакском с губными гласными в тюркских языках отсутствует; нет также, как мы видели в вышеприведенных сопоставлениях, и почти «буквального» совпадения значений в лакском и тюркских языках. Тем не менее приводимые ниже примеры достаточно убедительно

¹² См. также: Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1976, стр. 324—325, 402—403, 415.

свидетельствуют о том, что *viŋxi* в лакский язык проникло из болгарской языковой среды. Ср. др.-тюрк. *irkin jaŋtig* 'дождь, идущий не переставая, в течение нескольких дней', *irkin suv* 'скопившаяся вода, лужа', *irk-* 'собрать, скапливать' (ДТС), тур. д. *ügk-* (*ügken*) 'скопление воды', *irk-* 'скопяться (о воде)', осм. *irk* 'о запруженной воде', башк. *ugk-* 'хлынуть', ног. *ugk-* 'запрудить, приостановить воду', *jaŋtig ugkildi* 'дождь перестал на время'.

В данном случае лишь в турецком примере губной гласный соответствует болгаро-чувашскому протетическому *u-*. Соответствие турецкого *y* и *i* в других тюркских языках — по-видимому, обычное внутритюркское варьирование¹³.

¹³ См.: Э. В. Севортян. Этимологический словарь, стр. 371—378.

ОНОМАСТИКА

Г. Ф. САТТАРОВ

НАЗВАНИЯ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ТАТАРИИ, ПРОИЗВОДНЫЕ ОТ ДРЕВНИХ ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН

Значительная часть названий населенных пунктов (главным образом деревень, сел, поселков и городов) Татарской АССР восходит к личным именам и прозвищам, составляющим наиболее древний пласт антропонимии. Такие категории названий, как фамилия и отчество, появившиеся в татарской антропонимии значительно позднее имен и прозвищ, на образование татарских ойконимов влияния почти не оказали. Поэтому при рассмотрении татарских антропонимов, составивших основу топонимов, приходится обращаться к личным именам и прозвищам, бытующим в самых различных формах официальных и неофициальных. В русском языке те же ойконимы, образованные от личных имен и прозвищ, обычно переоформляются с помощью суффиксов *-ов*, *-ев*, *-ин*. Ср. названия, например, отдельных татарских населенных пунктов Татарской АССР в татарском и русском написаниях: *Азнакай* — *Азнакаево*, *Айдар* — *Айдарово*, *Байморза* — *Баймурзино*, *Бэчек* — *Васюково*, *Сатмыш* — *Сатмышево*, *Юлтимер* — *Юлтимерово*, *Качкын* — *Качкиново*, *Селек* — *Сулюково*, *Чунай* — *Чупаево*, *Ямаш* — *Ямашево* и т. д. Исключения составляют лишь наименования типа *Вахитов* — *Вахитово*, *Ильчи* *исемендаге поселок* — *Поселок имени Ильича* и другие, возникшие в послеоктябрьский период.

В недрах позднего родового строя сложился ряд географических названий, образовавшихся от личных имен. С формированием феодализма появилась значительная часть принадлежностных названий, основу которых составляло имя владельца земли и укрепления, возведенного для охраны его владений¹. Исходя из имеющихся данных, можно заключить, что от личных имен первопоселенцев или владельцев сел и деревень образовано абсолютное большинство ойконимов Татарии. Несколько меньше, по сравнению с ойконимами, антропонимы использовались в оронимии и микропонимии. В гидронимии же личные имена встречаются крайне редко, причем только в наименованиях мелких рек и озер. Это объясняется тем, что гидронимы представляют собой в целом более древний разряд географических собственных имен, нежели оронимы, ойконимы и микропонимы.

Соотношение антропотопонимов, произошедших от женских и мужских личных имен, в интересующем нас регионе составляет приблизительно 1 к 100. Это прежде всего обусловлено социальным разделением полов в условиях феодального общества, в котором господствующее по-

¹ В. А. Никонов. Введение в топонимику. М., 1965, стр. 30.

ложение всегда занимал мужчина; определенную роль в этом сыграли также известное разделение труда между мужчиной и женщиной в до-революционном обществе и религия ислама.

В зависимости от происхождения собственные имена делятся на апеллятивные и антропонимические. К последним относятся и антропотопонимы, возникшие в результате превращения антропонимических единиц (личных имен, прозвищ, фамилий и отчеств) в различные топонимические единицы, то есть перемещения их из антропонимического класса ономастики в топонимический ее класс. Подобные внутриномастические образования, затрудняя и осложняя работу исследователя, требуют от него решения тесно взаимосвязанных трех лингвономастических и культурно-исторических задач: 1) изучения причин, времени и путей превращения антропонимов в антропотопонимы (задача собственно антропотопонимическая), 2) всесторонней интерпретации антропонимов, лежащих в основе антропотопонимов (задача антропонимическая) и 3) исследования доантропонимических апеллятивных значений антропонимов (задача этимологическая). Подобное исследование окажет, в свою очередь, серьезную помощь в выявлении и реконструкции древнейших личных имен, неупотребительных в современной татарской антропонимии.

Установить антропотопонимы, восходящие к употребительным и в настоящее время личным именам, не составляет особой трудности. Едва ли кто-нибудь из носителей татарского языка усомнится, например, что названия таких сел и деревень Татарии, как *Айдар*, *Байморза*, *Бәкер*, *Гали*, *Габдрахман*, *Илһам*, *Иштуган*, *Миңлегәл*, *Мортаза*, *Мөслим*, *Хафиз*, *Хәсән*, *Әпсәләм* и другие, произошли от личных имен. Поэтому в данном случае нами исследовались географические наименования (главным образом названия сел и городов ТАССР), восходящие к семантически неясным, затемненным (древним) личным именам.

Антропотопонимы, образованные от древних тюрко-татарских личных имен, в современном татарском языке не употребляющихся, можно разделить на две группы:

1. Антропотопонимы, восходящие к древним тюрко-татарским отглагольным личным именам;

2. Антропотопонимы, восходящие к древним тюрко-татарским личным именам, образованным от существительного.

Изучению отглагольных топонимов в тюркских языках посвящен ряд публикаций: А. А. Абдрахманова, С. Атаниязова, Г. И. Донидзе, А. А. Камалова, Дж. Г. Киекбаева, О. Т. Молчановой, В. Н. Поповой, Ю. А. Султаньяева, Р. З. Шакурова и др. Что же касается отглагольных антропонимов и производных от них антропотопонимов, то они изучались меньше. Несмотря на то, что исследованию субстантивации определенных форм татарского и других тюркских языков уделялось значительное внимание (см., например, труды Г. А. Алпарова, Э. В. Севортяна, В. Н. Хангильдина и других ученых), вопросы образования личных имен на основе этих форм продолжали оставаться почти неизученными. Между тем «собственные имена в глагольной основе, частые в тюркских языках»², безусловно, заслуживают быть предметом специальных ономастических изысканий.

Большинство форм наклонений, залогов и времен татарского глагола активно участвовало в образовании личных имен, особенно тех из них, которые уже полностью архаизировались.

² В. А. Никонов. Имя и общество. М., 1974, стр. 250.

Подавляющее большинство известных нам татарских (и вообще тюркских) отглагольных собственных имен возникло в очень далеком прошлом под воздействием верований и суеверий. И примитивные суеверия, и могущественные религии придавали имени мистическое значение³: «Важным моментом, по старинному представлению тюркских народов, является наречение имени, имеющее магическое влияние на дальнейшую судьбу человека»⁴. Языческая вера в магическую силу слова получила языковое воплощение в личных именах, отражающих определенные обрядовые действия и процессы, выражавшиеся при помощи различных форм глагола. Такова одна из наиболее вероятных предпосылок и основ возникновения отглагольных личных имен, многие из которых дошли до наших дней благодаря возникшим на их основе антропотопонимам.

Древние тюрко-татарские личные имена с глагольной основой и производные от них антропотопонимы Татарской АССР можно подразделить на четыре подгруппы.

1. Антропотопонимы, восходящие к древним тюрко-татарским личным именам, образованным от глаголов повелительного и желательного наклонений.

В древности у тюркских народов, в том числе и у татар, в бездетных семьях и в семьях, где все дети умирали, совершался обряд испрашивания, вымаливания ребенка у божества⁵ (*бала келәве*), обращения к нему с мольбой о сохранении жизни новорожденному и т. п. В эти мольбы родители вкладывали и свои сокровенные пожелания: чтобы ребенок жил долго, был здоровым, счастливым, богатым, смелым, сильным, красивым и т. п. Имена, возникшие в подобных случаях, выражались в основном глаголами 2-го и 3-го лица единственного числа повелительного наклонения, а также его залогами.

В словообразовательном отношении такие антропонимические единицы были простыми и сложными.

Простые имена выражаются глаголами 2-го и 3-го лица единственного числа повелительного наклонения: *Яшә* 'живи', *Торсын* 'пусть живет, пусть остается', *Туктасын* 'пусть прекратится, пусть остановится' и т. п.

Сложные имена имеют двухкомпонентную структуру и создаются главным образом по следующим моделям: «имя существительное + глагол 2-го лица единственного числа повелительного наклонения»: *Уразбак* (*ураз* 'счастье' + *бак* 'смотри, гляди'), *Жанбак* (*жан* 'душа' + *бак*, в переносном смысле: 'родись'), *Ишкил* (*иш* 'пара, чета, товарищ, друг' + *кил* 'приди, явись', перен. 'родись'), *Таңат* (*таң* 'заря, рассвет' + *ат* 'рассветай') и т. д.; «имя существительное + глагол 3-го лица единственного числа повелительного наклонения»: *Ирбулсын* (*ир* 'мужчина, муж' + *булсын* 'пусть будет', то есть 'пусть будет мужчина'), *Ишбулсын* (*иш* + *булсын*), *Айбаксын* (*ай* 'луна' + *баксын* 'пусть взглянет, взойдет') и т. д.; «наречие + глагол 2-го лица единственного числа повелительного наклонения»: *Төгәлкара* (*төгәл* 'ровно, точно, целый' + *кара*

³ В. А. Никонов. Имя и общество, стр. 28.

⁴ В. М. Жирмунский. Введение в изучение эпоса «Манас». — В сб. «Киргизский героический эпос „Манас“». М., 1961, стр. 100.

⁵ Подобные «моления», имеющие различные формы и столь же разнообразное содержание, существовали и у других народов. См.: «Татары Среднего Поволжья и Приуралья». М., 1967, стр. 351—352.

‘смотри, гляди’, перен. ‘родись’). *Терекил* (*тере* ‘живой’ + *кил* ‘приди, явись’), *Исэнтуг* (*исэн* ‘здоровый, живой’ + *туг* > *ту* ‘родись’) и т. д.; «деепричастие + глагол 2-го лица единственного числа повелительного наклонения»: *Сатыбал* ‘купи’, *Сөөпкил* (*сөөп* ‘любя’ + *кил* ‘приди, явись’) и т. д.; «имя прилагательное + глагол 3-го лица единственного числа повелительного наклонения»: *Котлыкисэн* (*котлы* ‘счастли- вый’ + *килсен* ‘пусть придет, появится’) и т. д.

Тюркские сложные личные имена, оформленные глаголами повелительного наклонения, имеют не только обычный (см. приведенные примеры), но и инверсированный порядок компонентов. В работе «Чувашские языческие имена» (Казань, 1905) В. К. Магницким зафиксированы древнечувашские (в большом количестве также булгарские и татарские) личные имена со следующими обратными конструкциями по модели «глагол 2-го лица единственного числа повелительного наклонения + имя существительное»: *Килбай* (*кил* ‘приди, явись’ + *бай* ‘богатый’), *Килбаш* (*кил* ‘приди, явись’ + *баш* ‘голова’), *Килташ* (*кил* ‘приди, явись’ + *таш* ‘камень’), *Килбарс* (*кил* + *барс* ‘тигр’), *Торбай* (*тор* ‘живи’ + *бай*) и т. д.

В Татарии имеется несколько селений, наименования которых восходят к личным именам, образованным от глаголов повелительного и желательного наклонений.

Название села *Янсурин* («Янсуринское») Апастовского района, как утверждают местные старожилы, якобы восходит к личным именам *Ян* и *Сурин*. На самом же деле оно происходит от имени *Янсорыйм*, которое в результате чередования *м ~ н* и перехода *о > у* обрело современный облик. Это имя состоит из компонентов *ян ~ жан* ‘душа’ (ребенок) и *сорыйм* (форма 1-го лица единственного числа желательного наклонения глагола *сорау* ‘просить’). У сибирских татар и казахов еще и поныне употребляется имя *Сораган* < (*Ходайдан сораган* ‘Выпрошенный у бога’).

Название деревни *Бакшанды* Сабинского района восходит к личному имени *Бакшанды* (*Бакшанлы*), образованному по грамматической модели «глагол 2-го лица единственного числа повелительного наклонения + прилагательное» и состоящему из компонентов *бак* ‘смотри, гляди’ (родись) и *шанлы* (диал. *шанды*) ‘славный, великий, доблестный, геройский’.

2. **Антропотопонимы, восходящие к древним тюрко-татарским личным именам, образованным от косвенных залоговых форм глагола.** В старотатарском языке при оформлении некоторых отглагольных личных имен со значением, выражающим различные пожелания, повеления и высказывания в адрес новорожденного, употреблялись следующие залоговые формы глагола:

а) **возвратный залог:** *Биклән*⁶, нарц. ‘запрись’, *Уразлан* ‘осчастливився’, *Сөөн* ‘обрадуйся’ и т. п.;

б) **взаимно-совместный:** *Малбагыш* досл. ‘помогай пасти скот’, *Йортбагыш* ‘помогай смотреть за домом’ (отсюда старинная татарская фамилия *Юртбагышев*), *Утэш* ‘помоги выполнить, осуществить’ и т. п.;

в) **страдательный:** *Таңатыл* досл. ‘заря, займись’, *Ултабыл* досл. ‘сын, найдись, то есть родись’ и т. п.;

г) **понудительный:** *Саулат* ‘заставь выздороветь, сделай здоровым’, *Ишәүләт* ‘заставь умножиться, увеличь’ и т. п.

⁶ В «Дивону лугат ит-турк» Махмуда Кашгари (т. I, Ташкент, 1960) слово *Bäklän* помещено с пометой «мужское имя» (стр. 415).

Личные имена, образованные с помощью указанных залоговых форм, в современной татарской антропонимии не употребляются⁷. Некоторые из них сохранились главным образом потому, что превратились в названия сел и деревень. Таковы наименования деревень *Багыш* (Апастовский р-н), *Колбагыш* (Сабинский р-н), сел *Малбагыш* (Азнакаевский р-н), *Биклән* (Тукаевский р-н), *Сауыш*, *Олы Саурыш*, деревень *Түбән Саурыш* (Сабинский р-н), *Уел* (Зеленодольский р-н).

3. Антропотопонимы, восходящие к древним тюрко-татарским личным именам, образованным от форм глагола изъявительного наклонения. В качестве формантов преобладающей части древних тюрко-татарских отглагольных личных имен, следовательно, и производных от них антропотопонимов, выступают простые формы всех времен изъявительного наклонения. В структурном отношении такие личные имена в основном бывают сложными (двухкомпонентными), а вторая часть их обычно выражается глаголами указанной формы. Можно отметить четыре вида антропотопонимов подобного происхождения.

К **первому виду** относятся антропотопонимы, восходящие к именам, образованным от глагола настоящего времени изъявительного наклонения, главным образом по модели «имя существительное + глагол 3-го лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения», где между компонентами существует предикативная связь. Примеры: *Ирбула* (*ир* 'мужчина' + *була* 'будет', то есть 'станет мужчиной'), *Иштота* (*иш* 'пара, чета, товарищ, друг' + *тота* 'держит', то есть 'имеет друга, товарища'), *Янкилә* (*ян* ~ *жан* 'душа' + *килә* 'приходит, является') и т. п. Антропотопонимов данного вида в регионе выявлено чрезвычайно мало, лишь названия сел *Уразбага* (*Ураз* 'счастье' + *бага* 'смотрит') Зеленодольского и *Бикүти* («Бик-Утево») (в старотатарском языке *бик* 'крепко, сильно' + *үти* 'выполняет') Буинского районов.

Второй вид антропотопонимов составляют антропотопонимы, восходящие к именам, образованным от глаголов прошедшего категорического времени изъявительного наклонения по основной модели «имя существительное + глагол 3-го лица единственного числа прошедшего категорического времени изъявительного наклонения». Примеры: *Тәңребирде*, *Хакбирде*, *Аллабирде*, *Ходайбирде*, *Мәүләмбирде*; это имена-синонимы, у которых начальные компоненты *тәңре*, *хак*, *алла*, *ходай*, *мәүлә* означают «бог», а вторые — «дал»; *Ишбирде* (*иш* 'пара, чета, товарищ, друг' + *бирде* 'дал'), *Туйкилде* (*туй* 'свадьба' + *килде* 'пришла'), *Уразбакты* (*ураз* 'счастье' + *бакты* 'взглянуло') и т. д. В некоторых аналогичных конструкциях порядок компонентов меняется: *Бирдебәк* (*бирде* 'дал' + *бәк* 'князь'), *Килдеураз* (*килде* 'пришло' + *ураз* 'счастье'), *Бактыураз* (*бакты* + *ураз*) и т. д.

В современном татарском языке некоторые личные имена, выраженные формами глагола первого лица множественного числа прошедшего категорического времени изъявительного наклонения, полностью субстантивировались: *Куандык* (апеллятивное значение «мы обрадовались» от глагола *куану* 'радоваться, обрадоваться'), *Сөендек* (апеллятивное значение «мы обрадовались» от глагола *свену* 'радоваться, обрадоваться'), *Сагындык* (апеллятивное значение «мы истосковались» от

⁷ В некоторых тюркских языках личные имена, образованные при помощи залоговых форм глагола, употребляются и в настоящее время. В узбекской антропонимии такими именами, например, являются: *Сөйен*, *Ялғаш*, *Урал*, *Очил*, *Ўташ*, *Яйра* (см.: Я. Менажиев и др. Исимиғизнинг маъноси нима? Тошкент, 1968, стр. 75—93), а в казахской — *Арын*, *Байқат*, *Есіл*, *Қуан*, *Орал*, *Өтеш*, *Сырлан* и т. п. (см.: Т. Жанузақов. Қандай есімді ұнатасыз. Алматы, 1968, стр. 12—33).

глагола *сагыну* 'истосковаться, соскучиться по кому- или чему-либо') и т. д.

Рассмотренные антропотопонимы не представлены в современном татарском антропонимиконе, но некоторые из них превратились в антропотопонимы и сохранились до наших дней в качестве названий сельских населенных пунктов, например: *Колабирде*, *Килдебак*, *Аллабирде*, *Туйкилде*, *Тәүгилде*, *Килдеши*, *Бирдебак*, *Кешкилде*, *Хужамбирде*, *Янбахты*, *Тәрбит* (*Тәңребирде*), *Килдеураз*, *Янгилде*, *Сөендек*. Последние девять из этих названий были известны еще в период Казанского ханства⁸. Антропокомонимы *Кешкилде* и *Хужамбирде* к настоящему времени уже исчезли.

Третий вид составляют антропотопонимы, восходящие к именам, образованным от глагола прошедшего результативного времени изъявительного наклонения или причастия прошедшего времени.

В древних тюрко-татарских личных именах с конструкцией «имя существительное + глагол 3-го лица единственного числа прошедшего результативного времени изъявительного наклонения» выражается прошедшее действие, результат которого имеет продолжение и в настоящем: *Иштуган* досл. 'пара, чета, товарищ, друг родился', то есть 'ребенок родился', *Иртуган* 'мужчина родился', *Ходайбурган* 'бог дал', *Коткунган* 'душа вселилась', *Саутуган* 'здоровым, благополучным родился' и т. д. Некоторые древние имена этой конструкции сохранили до наших дней лишь один, конечный свой компонент (выраженный формой на *-ган*), утратив свою первую часть (выраженную в основном именем существительным), и этот конечный компонент, субстантивировавшись, стал вполне самостоятельным личным именем. Таковы: *Боерган* 'повелел', *Туктаган* 'перестал, прекратился', *Утэгэн* 'исполнил, выполнил' и т. д.

В татарском языке глагол на *-ган* совмещает функции формы 3-го лица единственного числа прошедшего времени изъявительного наклонения (например, *ул барган* 'он уже сходил') и причастия прошедшего времени (например, *барган кеше* 'сходивший человек'), что отражено и в соответствующих личных именах типа *Боерган*, *Утэгэн*, *Туктаган*, *Сатылган*, *Сораган*, *Ишэйгэн*, *Табылган*, *Телэгэн* и т. д. Нельзя не признать в этой связи справедливость утверждения, что «для понимания многих древних имен важно представить ту первобытную картину мироздания, какую рисовал себе древнейший человек»⁹. Поскольку исходной в последних именах являлась структура имен типа: *Ходай боерган* 'бог повелел', *Утэгэн* < *Ходай утэгэн* 'бог исполнил', *Туктаган* < *Улем туктаган* 'смерть прекратилась, остановилась' и т. д., то можно считать, что эти имена-эллипсисы образовались от глаголов 3-го лица единственного числа прошедшего результативного времени изъявительного наклонения (они восходят к предикативным сочетаниям слов). Имена типа *Сатылган*, *Сораган*, *Ишэйгэн*, *Табылган*, *Телэгэн* и т. д. соотносятся с первоначальными структурами, такими, как *Сатылган бала* 'проданный, проданный ребенок', *Ишэйгэн бала* досл. 'прибавившийся ребенок', *Табылган бала* 'найденный, приобретенный ребенок', *Телэгэн бала* 'желанный ребенок', в которых начальный компонент является причастием прошедшего времени (такие имена восходят к конкретизирующим словосочетаниям).

⁸ См.: Е. И. Чернышев. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам). — «Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья». Казань, 1971, стр. 284—291 (далее — Черн.).

⁹ А. В. Суперанская. Общая теория имени собственного. М., 1973, стр. 326.

В старотатарском языке причастие прошедшего времени образовывалось также при помощи аффикса *-мыш*, что несвойственно современному литературному языку¹⁰. Такие причастия, в свою очередь, служили базой для образования глаголов прошедшего результативного времени изъявительного наклонения, полностью совпадающих в третьем лице единственного числа с причастиями прошедшего времени на *-мыш*. Личные имена, возникшие на этой основе: *Утәмеш* 'исполнивший', *Чикләмеш* 'ограничивший', *Бикләмеш* 'заперший, закрывший' (ср. русские и старотатарские фамилии *Беклемишевы*), *Теләмеш* 'желанный', *Әлдәрмеш* < *Алдырмыш* 'преуспевший', *Карамыш* 'взглянувший, посмотревший', то есть 'родившийся', *Сатмыш* 'проданный', *Туктамыш* 'прекратившийся', *Иртумыш* (*ир* 'мужчина' + *тумыш* 'родился'), *Коткунмыш* (*кот* 'душа' + *кунмыш* 'вселилась'), *Жантумыш* (*жан* 'душа' + *тумыш* 'родилась') и т. д.

В исторической антропонимии татарского языка многие личные имена на *-мыш* бытовали параллельно со своими синонимическими парами на *-ган*; например: *Айтумыш* // *Айтуган*, *Бикләмеш* // *Бикләгән*, *Иртумыш* // *Иртуган*, *Коткунмыш* // *Коткунган*, *Карамыш* // *Караган*, *Сатылмыш* // *Сатылган*, *Туктамыш* // *Туктаган*, *Теләмеш* // *Теләгән*, *Утәмеш* // *Утәгән*, *Жантумыш* // *Жантуган* и т. д.

В современной татарской антропонимии личные имена на *-мыш* и *-ган* отсутствуют. В исследуемом регионе они сохранились лишь в качестве антропотопонимов (например, в названиях сел и деревень: *Туктамыш* в Сабинском и Высокогорском, *Атамыш* — в Арском, *Катмыш* — в Мамадышском и Муслимовском, *Утәмеш* — в Апастовском и Тетюшском, *Карамыш* — в Черемшанском, *Сатмыш* — в Апастовском, *Боярган* — в Буинском и Мензелинском, *Сатылган* — в Апастовском и Камско-Устьининском, *Баскан* и *Утәгән* — в Агрызском, *Иштуган* — в Кукуморском районах) и в основе старинных татарских фамилий (например, *Алмышев*, *Карамышев*, *Туктамышев*, *Утәмишев*, *Иртуганов*, *Айтуганов*, *Иштуганов*, *Ходайбиргәнов*, *Теребиргәнов*, *Утәгәнов*, *Янтуганов* и т. д.).

К четвертому виду относятся антропотопонимы, восходящие к именам, образованным от глагола будущего времени изъявительного наклонения или причастия на *-р/-мас*.

В татарском языке первая положительная форма причастия будущего времени образуется при помощи аффикса *-р*, а отрицательная форма — при помощи аффикса *-мас*. Это причастие составляет основу будущего 1-го (предположительного) времени изъявительного наклонения. Таким путем образованы следующие личные имена: *Туктар* 'прекратится, прекращающийся, имеющий свойство прекращаться', *Алдар* 'обманивающий, обманщик', *Басар* 'овладеет', *Таймас* 'не поскользнется, не оступится', *Таймасхан* 'не оступающий хан', *Коттаймас* 'душа не дрогнет, не оступится', *Котаймас* 'не разживется, не осчастливится' (отсюда фамилия *Кутаймасов*, букв. «Несчастливец»¹¹), *Еламас* 'не заплачет', *Курыкмас* 'не испугается', *Алмас* досл. 'не возьмет', то есть 'смерть не возьмет его', *Улмәс* 'не умрет', *Улмәсхан* 'не умирающий хан', *Улмәсбай* 'не умирающий богач', *Улмәсбикә* 'не умирающая княгиня', *Сөярбәк* 'любимый князь', *Сөяргол* 'любимый раб', *Сөярбикә* 'любимая княгиня', *Хансөяр* 'хан будет любить', *Жантуар* 'душа родится', *Көнтуар* 'солнце взойдет', *Таңатар* 'рассветет', *Малтабар* 'богатство наживет', *Илбагар* 'страну будет кормить, править' и т. д.

¹⁰ В. Н. Хангилдин. Татар теле грамматикасы. Казан, 1959, стр. 232.

¹¹ Ф. С. Фасеев. К расшифровке хуннских фрагментов. — «Источниковедение и история тюркских языков». Казань, 1978, стр. 131.

Большинство упомянутых древних личных имен у татар в качестве антропонимов в настоящее время не употребляется. Однако сходные с ними в структурно-типологическом отношении личные имена, такие, например, как *Илсәяр* 'страна, родина будет любить', *Илгизәр* 'страну, родину будет проходить', *Гөлүсәр* 'цветок будет расти' и т. д., образовавшиеся в 30-х годах нашего века по модели старинных имен — *Үлмәс*, *Таймас* и *Талмас*, — являются достаточно широко распространенными в современной татарской антропимии.

В основе названий ряда населенных пунктов Татарии лежат древнетюрко-татарские личные имена, образованные с участием указанных выше форм причастия будущего времени и глагола будущего 1-го времени изъявительного наклонения. Такими антропокомонимами являются: *Малтабар* — в Мензелинском, *Туктар* — в Альметьевском и Сабинском, *Туктар Урдалысы* — в Лениногорском, *Басар* — в Сармановском, *Хансәяр* — в Бавлинском, *Янсәяр* — в Пестречинском, *Коттаймас* — в Арском и *Тыңламас* — в Актанышском районах.

4. **Антропонимы, восходящие к древним тюрко-татарским личным именам, образованным от инфинитива на -мак.** В старотатарском языке личные имена образовывались также при помощи архаичной для современного татарского литературного языка формы инфинитива на -мак. Например: *Бармак* 'пойти, идти', *Килмәк* 'прийти, прибыть' (отсюда удмуртская фамилия *Кельмаков*; ср. с русской «Прибылов»), *Бирмәк* 'давать' (отсюда татарская и русская фамилия *Бирмяков*, *Бирмаков*), *Баймак* (*Баймактай*) 'богатеть, разбогатеть' (отсюда название башкирского города *Баймак* и татарских фамилий *Баймаков* и *Баймактаев*¹²) и т. д.

Антропотопонимы подобного происхождения в Татарии не сохранились. Однако документально известно, что в Казанском ханстве на Зюрейской дороге за рекой Вяткой было татарское село *Сорамак* (Черн., стр. 288), название которого произошло от старотатарского личного имени *Сорамак* 'спросить, выпросить'.

Как мы видим, в старотатарском языке отглагольные личные имена находились в достаточно активном употреблении и были широко распространены, о чем свидетельствуют многочисленные и разбросанные по всей территории Татарской АССР антропотопонимы (главным образом антропокомонимы), возникшие на основе подобных личных имен. В современном же татарском языке употребление отглагольных личных имен наблюдается значительно реже, нежели в башкирском, казахском, киргизском, кумыкском, туркменском и узбекском языках. Таким образом, именник каждого тюркоязычного народа наряду с общими чертами обнаруживает своеобразные, отличительные особенности, «изучение тех и других раскрывает многие непрочтенные страницы прошлого»¹³.

На некоторых из антропотопонимов Татарии, возникших на базе древних тюрко-татарских личных имен, образованных от существительных и вышедших из употребления в современном татарском языке, целесообразно остановиться особо.

Адай («Адаево») — название татарских сел Актанышского и Кукморского районов Татарской АССР — восходит к древнему тюрко-татарскому личному имени *Адай*, в основе которого лежит древнетюркское существительное *adaɣ*: 1) 'птенец', 2) перен. 'дитя, птенчик'. Уже в древнетюркском языке были в обиходе личные имена *Adaɣ* и *Adaɣ tutuɣ*¹⁴.

¹² ЦГА ТАССР. Казенная палата, 1834, фонд 3, ед. хр. 53.

¹³ В. А. Никонов. Имя и общество, стр. 91.

¹⁴ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 8 (далее — ДТС).

Азнакай («Азнакаево») — название рабочего поселка и района ТАССР. Основа данного антропотопонима — старотатарское личное имя *Атнакай*, претерпевшее незначительные фонетические изменения в результате перехода $t \rightarrow d \rightarrow z \rightarrow 3$, свойственного мензелинскому говору среднего диалекта татарского языка. В близком к этому говору башкирском языке имеются, например, такие распространенные имена, как *Азнабай*, *Азнагол*, *Азналы*, *Азнабикэ*, *Азнасолтан*¹⁵ и т. д. Личное имя *Атнакай* (> *Азнакай*) состоит из компонентов *атна* (> *азна*) + *кай*. Персидское слово *آدینه* (*adine*) старотатарским языком усвоено в виде *атна*: 1) 'неделя' и 2) 'пятница' (святой день мусульман, праздник). У татар и башкир некогда существовал обычай нарекать данным словом-именем мальчиков, иногда и девочек, родившихся в этот день. К слову *атна* ~ *азна* ~ *этнэ* добавлялся компонент *-кай* или какой-либо другой, например: *Атнакай* // *Азнакай* // *Азнакай*, *Атнабай* // *Азнабай* // *Азнабай* // *Этнабай*, *Атнагол* // *Азнагол* // *Азнагол* // *Этнагол*, *Атнахужа* // *Азнахужа* // *Этнахужа*, *Атнакилде* // *Азнакилде* // *Азнакилде* // *Этнакилде* и другие — мужские имена; *Атнабикэ* // *Азнабикэ* // *Азнабикэ* // *Этнабикэ*, *Атнасолтан* // *Азнасолтан* // *Азнасолтан*, *Атнажамал* // *Азнажамал* // *Этнажамал* и другие — женские имена.

Айбаш — название татарской деревни Высокогорского района; восходит к личному имени *Айбаш*, употреблявшемуся в старотатарском языке. Имя *Айбаш* состоит из компонентов *ай* 'луна' (ср.: *Айбулат*, *Айтимер*, *Айбэк*, *Айтуган*, *Айбикэ*, *Айсылу* и т. д.) и *баш* 'голова' (ср.: *Акбаш*, *Карабаш*, *Алтынбаш*, *Алабаш*, *Арзубаш* и т. д.), игравших активную роль в образовании древнетюркских личных имен. Именем *Айбаш* в старину нарекали мальчика, родившегося в начале (лунного) месяца; в этом имени отражалось и пожелание родителей, чтобы сын вырос «ясноголовым», то есть умным. Имя *Айбас* у казахов бытует поныне¹⁶.

Аксар («Аксарино») — название татарского села Заинского района; восходит к древнетюрко-татарскому личному имени *Аксары*, в котором конечный гласный *ы* отпал. Среди записей булгаро-татарских надгробий XV—XVIII веков встречаются имена *Аксары* и *Жансары*¹⁷. *Аксар* ~ *Аксары* встречаются и среди личных имен чувашей-язычников¹⁸. У казахов и киргизов и в настоящее время употребительно имя *Аксары*, известна и татарская фамилия *Аксарин*. Видимо, этим именем называли мальчика, родившегося со светло-желтыми (*аксыл* ~ *ак сары*) волосами (ср.: древнетюркские личные имена *Алтынсары* досл. 'золотисто-желтый', *Таңсары* ~ *Таңсар* 'желтый, как рассвет', 'желтый, цвета утренней зари', *Туксары* 'совершенно, полностью желтый', *Байсары* ~ *Байсар* 'богато, обильно желтый'). Прилагательное *сары* 'желтый' в тюркских сложных именах употреблялось в качестве как начального, так и конечного компонента: *Сарыбай*, *Сарыбакты*, *Сарыбулат*, *Сарыбаш*, *Сарыхан*, *Сарыбуга*; *Коласары*, *Жамансары*, *Байсары*, *Кызылсары*, *Аксары* и т. д.

Алабуга («Елабуга») — название города и района ТАССР; восходит к древнетюркскому личному имени того же звучания. Город Елабуга возник во второй половине XVI века на месте одного из древнебулгарских городов¹⁹.

Слово *алабуга* в тюркских языках, в том числе и в татарском, означает «окунь». В древнетюркском *бога* ~ *буга* ~ *бука* имело значение

¹⁵ Т. Х. Кусимова. Башкорт исемдәре. Өфө, 1976, стр. 23, 75.

¹⁶ См.: Т. Жанузак. Тайны имен. Алма-Ата, 1974, стр. 13.

¹⁷ Г. В. Юсупов. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960, стр. 108.

¹⁸ В. К. Магницкий. Чувашские языческие имена. Казань, 1905, стр. 26 (далее — Магн.).

¹⁹ «Большая Советская Энциклопедия», т. 9. М., 1972, стр. 215.

«бык-производитель» (ДТС, стр. 125). У сибирских (тарских) татар быка и сейчас называют *бога*. А голова окуня очень похожа на голову пестрого (*ала*) быка, и отсюда его название *алабуга*, досл. 'пестрый бык'. На основе древнего обычая наречения именем у тюркских народов, связанного с пожеланиями родителей (например, с пожеланием, чтобы ребенок был сильным и крепким, как бык), возникли такие личные имена, как *Букатимер*, *Тимербука*, *Акбука*, *Бишбука*, *Айбуга*, *Илбука*, *Юлбука*, *Тайбуга*, *Сарыбуга*, *Ташбуга*, *Бугаарслан* > *Бугуруслан* (отсюда происходит название города Бугуруслан Оренбургской области), *Карабуга*, *Алабуга* и т. п. Деревни с названием *Алабуга* были известны также в Тамбовской и Тобольской губерниях²⁰.

Борнак («Бурнак») — татарское село в Балтасинском районе, известное еще в период Казанского ханства (Черн., стр. 285). Это название восходит к древнетюркскому обрядовому имени *Борнак*, в основе которого лежит словосочетание *борыны ак* 'у него (нее) нос белый', 'белоносый'. В шежере башкирского племени юрматы говорится: «И назвали его Бурнаком потому, что положили его на круп [досл. в объятия] беломордого коня и дали ему имя, так как не было [у дочери Чачли Дэрвиш-бия] больше детей [досл. сына и дочери]»²¹. Как свидетельствует этот текст, у башкир и татар существовал обычай давать кличку *Борыны ак* (в устной речи, как правило, стягивается в *Борнак*) коню, у которого было белое пятно на морде или на носу. Ср.: зоонимы *Муйнак* < *муены ак* — кличка собаки с белой шеей (холкой), *Караборын* < *кара борын*, досл. 'черномордый' — кличка собаки с черным носом и т. д. Мальчику же по упомянутому выше ритуалу давали имя *Борнак*.

Илкен («Илькино») — татарская деревня Елабужского района; *Илтен-Бота* («Ильтень-Бута») — Альметьевского района. Эти наименования также восходят к древнетюркским личным именам. В древнетюркском языке слово *ilk* означало «прежде, вначале» (в современном татарском языке слово *элек* означает: 1) «раньше, до, прежде», 2) «давно, в старину, в прежнее время», 3) «назад, тому назад», 4) «прежде, сперва, сначала, вначале») ²²; *ilki* — 1) «первый, начальный»; 2) в знач. сущ. «начало»; *ilkin* — 'сначала' (ДТС, стр. 208). Все эти три формы семасиологически однородны²³. В древности первого ребенка-мальчика, по всей вероятности, и в татарской семье, нарекали именем *Илкен* 'начальный', перен. 'первенец' (ср.: «Первач», «Первуня», «Первуха», «Первенец» и т. п. древнерусские личные имена). Имя *Илкен* существует и в перечне языческих имен чувашей (Магн., стр. 43). У азербайджанцев поныне имеется личное имя *Илкин* 'первый, первенец'²⁴.

Звуковой переход *к ↔ т* наблюдается в диалектах татарского языка и в настоящее время, например, в арском говоре среднего диалекта татарского языка *титек* вместо татарского литературного *китек*: 1) 'отломленный, отколотый', 2) 'осколок, щербина'; в мишарском (западном) диалекте *келәү* вместо татарского литературного *теләү* 'желать, пожелать, хотеть'; в восточном диалекте (распространен среди коренного татарского населения Западной Сибири) *итмәк* вместо татарского литературного *икмәк* 'хлеб' и т. д. Ср.: чув., *ишкет*, алт., тув. *эшки*, узб. *эшкак*, башк., тат. *ишкәк*, каз., ккалп., ног. *эскек*, хак. *иски* 'весло' от *иш-*

²⁰ П. П. Семенов. Географическо-статистический словарь Российской империи, т. I. СПб., 1863, стр. 39.

²¹ Р. Г. Кузеев. Башкирские шежере. Уфа, 1960, стр. 32.

²² См.: «Татарско-русский словарь». М., 1966, стр. 681.

²³ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, стр. 349.

²⁴ А. Гафуров. Лев и Кипарис (о восточных именах). М., 1971, стр. 194.

'грести (работать веслом)'²⁵. Так, в Альметьевском районе ТАССР сохранился антропокомоним *Илген-Бота*, восходящий к имени *Илкен-Бота*, досл. 'первый верблюжонок'. В этом же районе имеется русское село Бута, название которого восходит к древнетюрко-татарскому личному имени *Бота* 'верблюжонок'. В древнетюркском языке слово *botu* имело самостоятельное употребление в значениях: 1) «верблюжонок», 2) перен. «дитя, детка, любезный» (ДТС, стр. 115). Слово и имя *Бота* в современном татарском языке не употребляется. В основном значении оно бытует в современном казахском, киргизском, башкирском, туркменском, каракалпакском, узбекском и уйгурском языках. У тюрков, в том числе и у татар, с давних времен занимавшихся скотоводством, существовал обычай нарекать детей названием детенышей домашних животных, что было одной из форм проявления категории ласкательности и уменьшительности. Примеры таких имен: *Бота* 'верблюжонок', *Тайбарс* (*тай* 'годовалый жеребенок' + *барс* 'тигр'), *Тайбуга* (*тай* 'годовалый жеребенок' + *буга* 'бык-производитель'), *Колын* досл. 'жеребенок', *Колынкай*, *Колынтай*, 'жеребеночек', *Каратай* (*кара* 'черный' + *тай*), *Актай* (*ак* 'белый' + *тай*), *Түләк* 'весенний ягненок', *Кузый* 'осенний ягненок', *Бүлтерек* 'волчонок', *Көчек* 'щенок' и т. п.

Рассмотренные здесь антропотопонимы Татарии представляют собой результат трехступенчатой трансформации, характерной для номинативной системы старотатарского языка: имя нарицательное → личное имя → антропотопоним. Многие древнетюркские и старотатарские апеллятивы и личные имена дошли до наших дней только благодаря такому перевоплощению. Вот почему «материал топонимии, антропонимии и этнонимии имеет значение главным образом для исследования лексики, а в некоторых случаях и фонетики»²⁶ изучаемого языка.

²⁵ В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 72.

²⁶ Э. Р. Тенишев. О методах и источниках сравнительно-исторических исследований тюркских языков. — «Советская тюркология», 1973, № 5, стр. 124.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

З. А. АЛИЗАДЕ

ОТНОШЕНИЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК К ФРАЗЕОЛОГИИ

(НА ПРИМЕРЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА)

Фразеология относится к числу сравнительно молодых областей советского языкознания. Вместе с тем, как указывает Б. А. Ларин, «предпосылки фразеологии были подготовлены в орфографии и стилистике. В практике словарного дела уже давно (в России более трех столетий тому назад) приводятся и поясняются словосочетания с особым значением, не сводящимся к обычному значению его компонентов»¹.

В настоящее время фразеология — интенсивно развивающаяся отрасль лингвистики вообще и тюркского языкознания в частности. Проблемы фразеологии привлекают внимание специалистов многих научных направлений, в том числе фольклористов, лексикологов, грамматистов и стилистов. В освещении и решении целого ряда вопросов фразеологии особенно велика роль русских языковедов. Однако, несмотря на широко развернувшиеся исследования (уже в 1964 году библиографический указатель литературы по фразеологии включал более 500 названий²), в определении объекта фразеологии, ее объема и сферы охвата отсутствует единая точка зрения³.

Относительно лексико-грамматических особенностей фразеологических сочетаний высказывают различные мнения. Некоторые из них в обобщенной форме рассматриваются нами ниже.

Целый ряд языковедов, в том числе В. Ф. Рудов, С. Г. Гаврин, П. Вовчок, М. М. Васильев, А. К. Кочетков, Г. А. Дементьева, отмечает, что при фразеологических исследованиях недопустим односторонний подход, то есть нельзя исследовать фразеологию в каком-либо одном аспекте — семантическом, грамматическом или стилистическом. Следуя путем теоретических обобщений, необходимо учитывать как семантическую структуру, так и стилистико-выразительные возможности фразеологизмов, то есть их структурные и функционально-речевые особенно-

¹ Б. А. Ларин. История русского языка и общее языкознание. М., 1977, стр. 129.

² См.: Б. Г. Таирбеков. О библиографическом указателе литературы по фразеологии. — «Ученые записки Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова», 1966, № 5, стр. 86.

³ См.: А. М. Бабкин. Проблемы фразеологии и задачи составления фразеологического словаря русского языка. — В кн.: «Проблемы фразеологии». М.—Л., 1964, стр. 7.

сти, вкладывая при этом в понимание предмета фразеологии узкий смысл⁴.

Н. М. Шанский, Л. И. Ройзензон, М. М. Авалиани, М. М. Копыленко, В. Л. Архангельский, Р. Н. Попов, Е. А. Малиновский и другие рассматривают, например, фразеологию в широком смысле, относя к фразеологическим единицам также крылатые слова, поговорки, словосочетания терминологического характера⁵.

В свое время В. В. Виноградов, говоря об основных типах фразеологических единиц в русском языке, высказал следующую мысль: «Фразеологические группы, образуемые реализацией несвободных, связанных значений слов, составляют самый многочисленный и семантически веский разряд устойчивых сочетаний слов в русском языке. Тип фраз, образуемых реализацией несвободных значений слов, целесообразнее назвать фразеологическими сочетаниями»⁶.

В этой же работе В. В. Виноградов подвергает анализу взгляды ученых (начиная с А. А. Шахматова), занимавшихся проблемой фразеологических единиц, и дает их классификацию, выделяя три типа фразеологизмов (фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания), и, независимо от их структуры, в качестве основного признака принимает эквивалентность фразеологизма слову⁷.

Б. Г. Таирбеков, стремясь объяснить трудности уточнения объекта фразеологии, пишет, что состав фразеологии любого языка не является аморфным; и, поскольку в каждом языке имеются фразеологические единицы разных типов, находящиеся в различном отношении к структуре языка, исследователи не смогли выработать единого представления об объекте фразеологии⁸.

Среди дискуссионных проблем особое внимание привлекает вопрос о правомерности включения в число объектов фразеологии пословиц и поговорок. В азербайджанском языкознании также имеется ряд высказываний относительно объекта фразеологии и по другим теоретическим вопросам. Остановимся на некоторых из них в связи с предметом нашего исследования: отношением пословиц и поговорок к фразеологии.

Проводившиеся в области фразеологии исследования (главным образом лексикографами) многие годы носили эпизодический и случайный характер. Со временем интерес к фразеологическим исследованиям заметно возрос. Стал выше и их научный уровень. Однако во многих случаях исследования осуществлялись на материале иностранных языков. К числу последних относятся содержательные работы Н. Н. Амосовой, И. И. Чернышевой, А. В. Кунина, в которых теория базируется на точных

⁴ В. Ф. Рудов. О некоторых взаимоотношениях фразеологии со словарным составом языка. — «Ученые записки Таганрогского пединститута», вып. 3, 1957; С. Г. Гаврин. Вопросы лексико-семантического и грамматического анализа фразеологических единиц современного русского языка». Автореф. канд. дисс. М., 1962; П. Вовчок. К вопросу о природе идиом. — «Ученые записки Уральского госуниверситета», вып. 20, филологическая серия. Свердловск, 1958; Г. А. Деметьева. Семантико-стилистические особенности фразеологических выражений в современном русском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1955.

⁵ См.: Н. М. Шанский. Лексикология современного русского языка. М., 1964; его же. Фразеология современного русского языка. М., 1963; Е. А. Малиновский. Устойчивые словесные комплексы в произведениях С. А. Есенина. Автореф. канд. дисс. Самарканд, 1971.

⁶ В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1972, стр. 29.

⁷ Там же, стр. 25.

⁸ Б. Г. Таирбеков. Межъязыковая транспозиция пословиц и поговорок (на материале произведений В. И. Ленина). Автореф. канд. дисс. Баку, 1965.

4 «Советская тюркология», № 2.

лингвистических выводах⁹, однако их выводы и не всегда применимы к азербайджанскому языку.

Достижения русской фразеологии связаны с именем академика В. В. Виноградова¹⁰. Отличаются новизной и содержательностью также работы В. Л. Архангельского, А. М. Бабкина, М. М. Копыленко, М. Т. Тагиева¹¹.

Монография М. Т. Тагиева посвящена глагольным фразеологическим словосочетаниям. Опираясь на метод изучения фразеологии через ее окружение, автор выявляет природу семантического окружения фразеологизмов, привлекая к исследованию различные семантические группы слов. М. Т. Тагиев пишет: «Методом анализа по окружению автор пытался изучить сложную систему связей фразеологических единиц, выявить объективно существующие структурные типы сочетаемости и сосредоточить внимание на так называемой собственно структурной связи»¹².

Хотя М. Т. Тагиев относит приводимые им примеры к фразеологическим сочетаниям в узком смысле, то есть к идиомам, при принятом им критерии к фразеологическим сочетаниям могут быть отнесены также пословицы и поговорки. Последние, как известно, не являются свободными словосочетаниями, они отличаются внутренним лексико-семантическим единством, а их семантическое окружение обеспечивает замкнутость структуры. Из авторских примеров также видно, что словосочетания могут употребляться в двух планах. Если словосочетание сохраняет свое номинативное лексическое значение, оно считается свободным словосочетанием; если же оно приобретает переносное значение, то становится фразеологической единицей. Как отмечает автор, валентное отношение компонентов свободного словосочетания требует, чтобы субъект был выражен лицом: «Дети просят каши». Если же субъект связан с собственно предметной семантикой, то компоненты словосочетания связаны валентностным отношением. В этом случае все сочетание, в соответствии с требованиями модели (конфигурации), образуется на основе своей структурной связи: «Ботинки просят каши». Такое сочетание автор считает фразеологической единицей.

Поскольку эта мысль М. Т. Тагиева не была им достаточно четко развита и изложена, некоторые языковеды не согласились с ним. Как отмечает В. Л. Архангельский (его точку зрения разделяет и Ф. Г. Гусейнов), в исследовании М. Т. Тагиева окружение глагольной фразеологии не подверглось полному анализу. В. Л. Архангельский указывает, что «почти не изученными остались проблемы лексического и семантического окружения глагольных фразеологических единиц»¹³. Как видим, недостаточная определенность критерия, характеризующего окружение, не позволяет считать его надежным средством выделения фразеологических единиц.

⁹ См.: Н. Н. Амосова. Основы английской фразеологии. Л., 1963; И. И. Чернышева. Фразеология современного немецкого языка. М., 1964; А. В. Кунин. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря. Автореф. докт. дисс. М., 1964.

¹⁰ См.: В. В. Виноградов. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. М.—Л., 1947.

¹¹ В. Л. Архангельский. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов-на-Дону, 1964; А. М. Бабкин. Русская фразеология, ее развитие, источники и лексикографическая разработка. Автореф. докт. дисс. Л., 1968; М. М. Копыленко. Исследования в области славянской фразеологии древнейшей поры. Л., 1967; М. Т. Тагиев. Глагольная фразеология современного русского языка. Баку, 1966.

¹² М. Т. Тагиев. Указ. раб., стр. 3.

¹³ Цитируется по книге: Ф. Г. Гусейнов. Русская фразеология. Баку, 1977, стр. 9.

Б. А. Ларин, обращавшийся к пословицам и поговоркам в связи с изучением развития русской фразеологии, отмечает, что среди них имеются фразеологические словосочетания, обладающие различной степенью слитности, и фразеологичность этих сочетаний может быть вскрыта с помощью историко-сравнительного анализа¹⁴.

Б. А. Ларин пишет: «Несвободные словосочетания, в разной степени слитные по значению, относятся к ведению фразеологии. А предложения? Как будто не относятся. Но фразеологические словосочетания как раз и отличаются от „свободных” именно тем, что они часто выражают завершенную мысль и тогда эквивалентны предложению. Следовательно, здесь линейного рубежа нет, фразеологические словосочетания могут быть и полными предложениями»¹⁵.

Таким образом, Б. А. Ларин, с одной стороны, говорит о существовании среди пословиц фразеологических единиц различной степени связанности, а с другой — высказывает мысль о превращении всего предложения в заставшую синтаксическую конструкцию, которая, являясь нечленимым целым с резко измененным функциональным значением, представляет собой эквивалент предложения.

По Б. А. Ларину, устойчивые словосочетания характеризует возникновение представления о них как о цельном предложении, состоящем из нескольких тесно связанных слов. Внутренняя связь между словами в составе словосочетания обусловлена их семантическим единством, цельностью значения. Трактовка этих нечленимых выражений определяется лингвистическими и экстралингвистическими факторами. Однако французский ученый Ш. Балли считает, что в стилистико-семантическом плане решающим критерием для устойчивых сочетаний являются лингвистические факторы. Он сопоставляет нечленимые словосочетания с синонимичными их лексическими единицами и принимает в качестве основного критерия потерю отдельными словами — компонентами словосочетания, своего исходного значения, а также возможность метафоризации и выражения одного значения. Автор в качестве внешнего фактора указывает неизменяемость порядка слов и невозможность замены компонентов словосочетания. В результате длительного исторического развития, в течение которого происходил переход от конкретного содержания к абстрактному, от частного значения к типизированному, обобщенному, — пословицы и поговорки приобрели характер идиом. При этом выражаемое семантическое содержание передается уточненными абстрагированными условно-символическими формулами. Автор указывает, что, таким образом, фразеологические словосочетания, независимо от их структуры, служат историческому развитию и обогащению языка. Интерес представляет и приводимый в подтверждение этой мысли пример: «Буду богат, буду рогат, кого захочу, того избоду»¹⁶.

Привлекает внимание точка зрения Ф. Г. Гусейнова, высказанная относительно пословиц и поговорок при исследовании русской фразеологии. Автор, учитывая динамичность и статичность семантической связанности компонентов пословиц и поговорок, приходит к выводу об отсутствии у них собственно структурных связей. Он пишет: «В отличие от фразеологических единиц, пословицы не имеют ни собственно структурных, ни ситуативно структурных связей. Отсутствие собственно структурных связей у пословиц вытекает из их структурной выполнен-

¹⁴ См.: Б. А. Ларин. Указ. раб., стр. 138.

¹⁵ Там же, стр. 128.

¹⁶ Там же, стр. 130, 131, 133, 138.

ности, состоящей в том, что структура пословиц, как план выражения, оказывается достаточной для выражения плана содержания. Пословицы лишены и непосредственных ситуативно-структурных связей. Если употребить их в сочетании с другими единицами, то они утрачивают свою специфику, разрушаются: ср.: „семь раз отмерь — один раз отрежь” и „семь раз отмерь материю и один раз отрежь ее”. Стало быть, устойчивые сочетания распадаются на структурно невыполненные и структурно выполненные. Если единица структурно не выполнена, то она имеет собственную дистрибуцию и может характеризоваться в плане синтагматического развертывания. В случае же структурной выполненности единица не имеет дистрибуции»¹⁷.

Пример, использованный Ф. Г. Гусейновым, не отражает характера всех пословиц и поговорок. Без рассмотрения различных типов пословиц и поговорок, на основании лишь одного факта нельзя составить полного представления обо всех их моделях. Приведенная поговорка вначале как раз и употреблялась с добавлением определенных слов и лишь со временем подверглась редукции. В настоящее время эта поговорка употребляется при стремлении выполнить те или иные решительные действия, при необходимости тщательного обдумывания предстоящих действий; само же выражение приобретает метафорический характер, теряет свою дистрибуцию и превращается в замкнутую модель. Поэтому высказанное Ф. Г. Гусейновым положение имеет несколько односторонний характер и не может быть распространено на все пословицы и поговорки.

Как указывает в своем исследовании Г. Х. Ахунзянов, среди татарских языковедов также отсутствует единая точка зрения относительно объекта, объема и границ фразеологии¹⁸.

Разногласия по вопросу об отношении пословиц и поговорок к фразеологии существуют и среди азербайджанских лингвистов. Б. Г. Гусейнов в своей кандидатской диссертации пишет, что до настоящего времени фразеология, имеющая важное значение для развития языка, не исследована на подлинно научных основах. Что же касается пословиц и поговорок, то автор причисляет их к фразеологическим единицам¹⁹.

В азербайджанском языкознании первые наблюдения над фразеологией проводились С. Джафаровым. Позднее, если не считать разработки этого вопроса в отдельных научных статьях и учебниках, грамматическая природа фразеологических единиц наиболее основательно была исследована К. Алиевым. В его кандидатской диссертации дана классификация фразеологизмов, включающая также пословицы и поговорки. Более того, автор, указывая на широкие стилистические возможности пословиц и поговорок, отмечает, что они составляют важную ветвь средств художественного изображения и имеют особое значение для индивидуализации и типизации характеров в произведениях художественной литературы²⁰.

В своей статье «Место фразеологии в стилистике» К. Алиев, рассматривая проблему отношения пословиц и поговорок к фразеологии и справедливо критикуя Г. А. Байрамова, пишет, что последний берет за основу классификацию фразеологических единиц, предложенную

¹⁷ Ф. Г. Гусейнов. Указ. раб., стр. 10.

¹⁸ Г. Х. Ахунзянов. О стилистических особенностях образных выражений (на материале татарского языка). Автореф. канд. дисс. Казань, 1964, стр. 6.

¹⁹ Б. Г. Гусейнов. Лексико-фразеологические вопросы перевода с английского на азербайджанский язык. Автореф. канд. дисс. Баку, 1967, стр. 14, 16.

²⁰ К. Алиев. Стилистические особенности фразеологии в художественной литературе. Автореф. канд. дисс. Баку, 1966, стр. 3—27.

В. В. Виноградовым. Однако эта классификация, построенная на материале русского языка, не отвечает особенностям других национальных языков. При этом и «сам В. В. Виноградов не выступал против включения в фразеологию пословиц, народных поговорок, метких слов и афоризмов»²¹.

Пути возникновения идиоматических выражений, составляющих основу широкого и многообразного фразеологического фонда языка, их семантические группы, отношение к частям речи и целый ряд других вопросов были изучены в диссертации Н. Р. Рагимзаде. Для установления фразеологических единиц автор считает необходимым учитывать наряду с их устойчивостью также ограниченную грамматическую связанность. По мнению Н. Р. Рагимзаде, фразеологические единицы характеризуются такими особенностями, как метафоричность, семантическая полнота, устойчивость, невозможность дословного перевода на другой язык, способность выступать в качестве эквивалента слова и т. д. Вместе с тем, как подчеркивает автор, это вовсе не означает, что все словосочетания, употребляющиеся в переносном значении и не могущие быть дословно переведенными на другой язык, должны считаться фразеологическими единицами.

В состав фразеологии ею включаются некоторые сложные слова, пословицы и поговорки, а также устойчивые словосочетания. Раскрытие особенностей фразеологических единиц, установление их границ, определение объекта фразеологии имеет, по ее мнению, принципиальное значение.

Н. Р. Рагимзаде отмечает, что фразеология азербайджанского языка обладает характерными особенностями. Автор выделяет две большие группы фразеологических единиц: а) образные выражения, характеризующиеся лексико-семантической неделимостью (идиомы) и б) устойчивые словосочетания.

Касаясь различий в путях образования идиоматических выражений, Н. Р. Рагимзаде пишет, что часть из них возникла в результате метафоризации свободных словосочетаний, другая — на основе пословиц и поговорок, некоторые же — путем заимствования.

Автор указывает, что при переходе в состав идиоматических выражений пословицы и поговорки подвергаются членению: одна часть остается свободной, а другая, выступая в форме идиоматического выражения, приобретает способность независимого употребления²².

Рассматривая пути расширения процесса идиоматизации за счет пословиц и поговорок, исследователь делает подчас и неверные выводы. Во-первых, приведенный ею пример: *Сəнə бир аш биширим ки, үзүндə бир гарыш јағ дурсун* 'Приготовлю тебе такой плов, что на его поверхности образуется слой масла толщиной в пядь' не является ни пословицей, ни поговоркой; во-вторых, выражение *аш биширмэк* 'приготовить плов' не идиома, а свободное словосочетание, сохранившее свое номинативное лексическое значение. В другом же примере представляется оправданной мысль о том, что выпадение одной из семантических параллелей в поговорке: *Елə бил Надири тахтда көрүб, Сүлејманы гундагда* 'Как-будто видел Надира на троне, а Сулеймана в пленках' придает пословице *Елə бил Надири тахтда көрүб* характер идиомы. Однако идиоматичность вовсе не исключает того факта, что указанное выра-

²¹ К. Ј. Әлијев. Услубијјатда фразеолокијанын јери. — «Азәрбајҗан дилчијлији мәсәләләри». Бақы, 1967, стр. 38.

²² Н. Р. Рагимзаде. Идиоматические выражения в азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс. Баку, 1967, стр. 9, 11.

жение является поговоркой, а, напротив, подтверждает его, так как смысл поговорки интенсифицируется с переносом семантической нагрузки на первый компонент синтаксической параллели. При этом лексическим единицам, составляющим первый компонент синтаксической параллели, имеющей форму сложносочиненного предложения, придется нести семантическую нагрузку обоих компонентов, выражая при этом дополнительные смысловые оттенки, тогда как второй компонент носит только факультативный характер и его выпадение не ослабляет общего содержания поговорки. Эти синтаксические параллели факультативного характера обладают различными особенностями. Например: 1. *Догруја завал јохдур, әјријә аман* 'Правда не знает бед, а кривда пощады' или того же содержания: *Һагг јерини тапар, һа һа гә чәзәја чатар* 'Правда пробьет себе дорогу, а неправду постигнет кара'. 2. *Јағышдан чыхдыг, јағмура дүшдүк, кечәл дән чыхдыг, дангара дүшдүк* 'Вышли из-под дождя, попали под ливень, убежали от лысого, попали к кривому'. 3. *Тәнбәл дејәр: вер, јејим, өрт, јатым, көзлә, чаным чыхмасын* 'Лентяй говорит: дай — поем, укрой — посплю, стереги, чтобы я не испустил дух'. 4. *Јаға-јаға сел олар, аха-аха көл* 'Дождь (со временем) образует сель, стекающаяся вода — озеро'. 5. *Ев сөзсүз олмаз, кор әзәбсыз* 'Дом не бывает без слов (раздоров), могила — без страданий'. 6. *Ит һүрәр, карван кечәр, јел гајадан нә апарар?* 'Собака лает, а караван идет, что может унести ветерок со скалы?'. 7. *Икид өләр, ады галар, мұхәннәтин нәји галар?* 'Храбрец умрет, имя его останется, а что останется после предателя?'. 8. *Артыг таһаһ даш јарар, даш гајыдар, баш јарар* 'Чрезмерная корысть расколет камень, камень отскочет — расколет голову'. 9. *Әл әли јујар, әл дә дәнәр, үзү јујар* 'Рука руку моет, рука, в свою очередь, моет лицо'.

Число подобных примеров может быть умножено. Если в приведенных примерах опустить выделенную часть, то есть второй компонент синтаксических параллелей, то это не отразится на общем содержании пословицы. Подобные синтаксические параллели имеют различные свойства; так, одни из них (1, 4, 5) состоят из двух компонентов, другие (6, 7, 9) — из трех, третьи (2) — из четырех, являясь составными частями сложных предложений.

Иногда в составе факультативного компонента синтаксической параллели употребляются личные имена. Однако сочетания с собственными именами не вносят никакой дополнительной информации в общее содержание пословицы или поговорки и легко могут быть опущены. Часто собственные имена используются лишь с целью придания выражению звучности (рифмовки), например: *Тојдан сонра һағара, хош кәлдин, Бајрам аға* 'После свадьбы — (ни к чему) барабан, добро пожаловать (здравствуй), Байрам аға'. Эта поговорка может вполне употребляться и без второго компонента.

Среди азербайджанских языковедов проблемами фразеологии систематически занимается Г. А. Байрамов — автор капитальной монографии «Основы фразеологии азербайджанского языка»²³. В этой работе автором исследуются пути образования и развития фразеологических сочетаний, их структурные и лексико-семантические особенности, отношение к письменным памятникам, формирование самого термина «фразеология» и его использование и т. д.

²³ Г. Байрамов. Азербайжан дили фразеолокијасынын әсаслары. Баки, 1978.

Устанавливая рамки фразеологии, Г. А. Байрамов обращается и к некоторым спорным вопросам, связанным с пословицами и поговорками, в том числе к правомерности отнесения пословиц и поговорок к фразеологии.

Как уже отмечалось выше, в языкознании можно выделить две полярные точки зрения по этому вопросу. Языковеды, рассматривающие фразеологию в широком смысле слова, считают включение пословиц и поговорок в число фразеологических единиц необходимым на том основании, что они входят в систему языка в готовой форме, превращаясь из первоначально свободных сочетаний лексических единиц с номинативным значением в метафорические сочетания. По их мнению, пословицы и поговорки обладают лексико-семантической и синтаксической цельностью.

Вторая группа языковедов, толкующая фразеологию в узком смысле, полагает, что пословицы и поговорки не являются объектом фразеологии. К последней группе наряду с целым рядом русистов и тюркологов может быть отнесен и Г. А. Байрамов, не разделяющий мнения С. Джафарова, А. Курбанова, Н. Р. Рагимзаде, К. Алиева. Г. А. Байрамов, вопреки мнению упомянутых авторов, считает, что порядок компонентов пословиц и поговорок не закреплен в связи с их предикативным характером и агглютинативным строем азербайджанского языка²⁴. Однако с этим согласиться нельзя, ибо азербайджанские пословицы и поговорки отличаются устойчивым порядком слов; они характеризуются даже такими придающими устойчивость особенностями, как ритм, рифма, аллитерация, и могут подвергаться изменениям лишь в определенных стилистических целях. Г. А. Байрамов связывает возможность замены компонентов пословиц и поговорок синонимами и другими лексическими единицами с устным народным творчеством и в какой-то мере с диалектными особенностями.

Синонимия как в лексике, так и во фразеологии является показателем богатства словарного состава того или иного языка. В данном случае речь идет о структурных синонимах, такие синонимы связаны с заменой одного из компонентов фразеологической единицы другим компонентом, относящимся к той же части речи и употребляющимся в той же позиции при условии сохранения грамматической структуры словосочетания. Использование подобных синонимов часто диктуется необходимостью создания стилистического разнообразия. Что же касается синонимичных замен компонентов в пословицах и поговорках, имеющих диалектный характер, то это случаи исключительные, и здесь необходимо подчеркнуть, что пословицы и поговорки опираются на живой народный разговорный язык, который питается из неисчерпаемого источника общенародной лексики и не является благоприятной средой для закрепления диалектных особенностей. Тем не менее нельзя не отметить своеобразие образования и употребления ряда пословиц и поговорок в диалектах азербайджанского языка. Тот же факт, что в произведениях художественной литературы в стилистических целях порой включаются пословицы и поговорки, содержащие диалектные слова, вовсе не дает оснований для обобщающих выводов.

Нельзя также согласиться с Г. А. Байрамовым, утверждающим, что, поскольку пословицы и поговорки имеют устойчивый лексический состав, отличаются образностью и метафоричностью, они, будучи состав-

²⁴ Г. А. Байрамов. Основы фразеологии азербайджанского языка. Автореф. докт. дисс. Баку, 1970, стр. 38.

ной частью устного народного творчества, являются объектом только фольклористики²⁵, тогда как пословицы и поговорки — объект изучения разных ярусов языкознания — лексикологии, морфологии, синтаксиса. Такое многостороннее их рассмотрение позволяет выявить тонкости и особенности общенародного языка. Отнесение же пословиц и поговорок к области фольклористики наблюдается в ряде работ и других исследователей.

Следует отметить, что каждое свободное, устойчивое и предикативное словосочетание, как и вообще любую синтаксическую единицу, можно рассматривать в различных аспектах. Это позволяет проследить историческое развитие языка и выявить потенциальные выразительные возможности лексико-синтаксических единиц. Именно с этой точки зрения и следует подходить к данному вопросу. Высказанная Г. А. Байрамовым точка зрения неправомерна еще и потому, что любой фольклорный жанр отражает характерные особенности общенародного языка: его лаконичность, образность, мудрость высказываний, обобщающих социальный и исторический опыт народа.

Таким образом, пословицы и поговорки должны изучаться всеми областями языкознания, ибо сохранившиеся в них своеобразные черты могут приобрести характер исторических фактов языка, способствующих раскрытию формирования его лексико-семантических и морфолого-синтаксических особенностей.

Г. А. Байрамов отмечает, что «фразеологическими значениями слов являются фразеологически зависимые значения компонентов устойчивых словосочетаний азербайджанского языка, которые, обозначая конкретные понятия, непосредственно не зависят от контекста. Они не подвергаются структурным изменениям»²⁶. В то же время в приводимых Г. А. Байрамовым примерах фразеологические единицы в зависимости от контекста выражают разные значения. Так, сочетание *алдән кетмак* в одном предложении употребляется в значении «утратить», а в другом — «чрезмерно любить», то есть приобретает омонимичный характер, ускользнувший от внимания исследователя.

В разделе, озаглавленном «Пословицы и поговорки как источник обогащения фразеологии языка», Г. А. Байрамов выделяет три типа пословиц и поговорок, обогащающих фразеологию. В качестве примера второго типа им приводятся обобщенно-личные предложения: *Исти аша сојуғ су төкмәзләр* 'В горячий плов не льют холодную воду'; *Оху атыб, јајыны кизләтмәзләр* 'Выпустив стрелу, лук не прячут'. Г. А. Байрамов считает, что эти выражения становятся фразеологическими единицами только после изменения их структуры и превращения в определенно-личные предложения. Отмечая существование различных повествовательных фразеологических предложений, Г. А. Байрамов считает таковыми и предложения, не подвергающиеся никаким структурным изменениям, например: *Гулағым сәндәдир* досл. 'Мое ухо у тебя', *Көзүм сәнин әлиндәдир* досл. 'Мой глаз в твоих руках' или *Онун көзү сәнин әлиндәдир* досл. 'Его глаз в твоих руках'.

Следует отметить, что и предыдущие предложения, и те, которые автор приводит в качестве примеров фразеологизмов, не подвергаются никаким изменениям и ярко отражают особенности фразеологических словосочетаний. Эти предложения обладают закрытой структурой, употребляются в азербайджанском языке в готовой форме, характери-

²⁵ Г. А. Байрамов. Указ. автореф., стр. 40.

²⁶ Там же, стр. 29.

зуются образностью и метафоричностью. Следовательно, многие пословицы и поговорки без каких-либо изменений могут использоваться в качестве фразеологических единиц. Г. А. Байрамов же опровергает возможность такого их употребления: «...пословицы и поговорки азербайджанского языка, употребляясь преимущественно в готовом виде (курсив здесь и ниже наш. — З. А.), сходны благодаря этому с фразеологическими единицами. Но они не представляют собой предложения различных структурных типов, разложимые синтаксически и семантически. Они не являются составной частью мысли, не стали единицами языка. В силу этого мнение о том, что пословицы и поговорки входят в фразеологию азербайджанского языка, в целом звучит неубедительно»²⁷.

По мнению Г. А. Байрамова, отнесение пословиц и поговорок к фразеологии азербайджанского языка неубедительно, однако ответа на вопрос, как их следует квалифицировать, он не дает.

Нельзя согласиться также с утверждением Г. А. Байрамова, что фольклорные речевые единицы не являются непосредственным компонентом авторской речи и поэтому их следует считать не фразеологическими единицами, а эллиптическими вариантами пословиц и поговорок²⁸.

В противоположность такому выводу Г. А. Байрамова отметим, что пословицы и поговорки используются во всех типах предложений и во многих случаях выступают в функции обстоятельства, сохраняя свою цельность. Например: «*Аллаһдан бујруг ағзыма гујруг истәјән коса сөз чевирмәдән пулу алды, күчә јухары базар башына доғру аддымлады*» (С. Рәхимов) 'Безбородый, желавший «от бога повеление, а мне в рот курдюк», не раздумывая, взял деньги и зашагал по улице вверх к базару'. В этом предложении поговорка входит в состав причастного оборота, являющегося определением при подлежащем, в качестве неопределенного прямого его дополнения, и ей полностью присущи особенности фразеологической единицы. Сохраняя черты эллиптического предложения, поговорка употреблена в данном случае в качестве члена предложения.

Г. А. Байрамов ставит знак равенства между фразеологическими сочетаниями и эллиптическими предложениями, не учитывая того обстоятельства, что эллиптические предложения могут выступать в качестве фразеологических сочетаний, хотя последние принадлежат к иной языковой категории: «*Валлаһ, бәкмәз алмышам, бал чыхыб*», — *дејә, Заур дүшүндү вә өз-өзүлә зарафат еләди*, — *бах Заур, кими алмаг-бошамаг сөһбәти олмасын* (Анар) 'Произнеся «Клянусь, покупал бекмез, оказался мед», Заур задумался и пошутил над собой: смотри, Заур, пусть не будет разговоров о браке-разводе'. Здесь полное предложение, входящее в состав деепричастного оборота, вместе с этим оборотом употребляется в функции обстоятельства образа действия, оказывая влияние на структуру и семантику всего предложения в целом.

— *Уста баба, инди нечә еләјәк ки, «нә шиш јансын, нә кабаб», һәм сән гачыб гуртарасан, һәм дә биз хатаја дүшмәјәк?* (М. Ибраһимов) '— Уста баба, как теперь поступить, чтобы «ни шампур не сгорел, ни шашлык», чтобы и ты спасся, и мы не попали в беду?'. В этом примере поговорка является составной частью сложноподчиненного предложения, то есть, употребляясь в функции придаточного образа действия, является вторым, подчиненным компонентом сложноподчиненного предложения.

²⁷ Г. А. Байрамов. Указ. автореф., стр. 43—44.

²⁸ Там же, стр. 42.

— *А Масма, белә шеји кәрәк, мин өлчүб, бир бичәсән* 'Ай, Масме, такую вещь следует делать, тысячу раз отмерив, один раз отрезав'. В данном случае пословица выступает в функции сказуемого.

Онлар бә'зән «бал тутан бармаг јалар» мисалына эмәл олараг Пасы тәрәфдән «пешкәш» дә алырдылар (С. Рәхимов) 'Иногда они, следуя поговорке «схвативший мед облизнет палец», получали от Пасы «подношения»'. Здесь поговорка, употребленная без каких-либо изменений в составе деепричастного оборота, выступает в качестве первого компонента сложного дополнения, а весь оборот выполняет функцию обстоятельства образа действия.

Таким образом, пословицы и поговорки могут употребляться в функции члена предложения, выступать в качестве любого компонента простого и сложного предложений, и число примеров, подтверждающих это, можно умножить. И эти примеры свидетельствуют о неправомерности утверждения Г. А. Байрамова, согласно которому пословицы и поговорки не могут выполнять функцию компонентов предложения.

Как известно, образование фразеологических единиц, представляющих собой устойчивые словосочетания, рассматривается как результат развития, изменения значения свободных словосочетаний. Однако их сходные черты в процессе последующего развития остаются устойчивыми, то есть их компоненты выполняют одну и ту же грамматическую функцию, основываются на одних и тех же грамматических связях. Таким образом, они занимают устойчивую позицию, независимо от узкого или широкого контекста, и при отсутствии формальных признаков и центрообразующего слова укрепляется их семантико-грамматическое единство.

Следует заметить, что не все пословицы и поговорки могут быть включены во фразеологию в целом (в узком или широком смысле) или же в ее части, называемые «макроконтекстом» и «микрoконтекстом»²⁹. И, хотя пословицы и поговорки и составляют объект исследования фразеологии, однако существуют специфические принципы их классификации.

В настоящее время фразеология стала объектом систематического изучения, однако само это понятие все еще нуждается в исследовании многих ее аспектов.

Часть языковедов ограничивает фразеологию по объему, включая в нее лишь существующие в языке идиомы. Многие исследователи считают, что основным критерием выделения фразеологических единиц (имеются в виду только идиомы)³⁰ является их эквивалентность слову. Однако в ряде исследований отмечается неполнота этого критерия. Например, эквивалентом таких фразеологических сочетаний, как «вить веревки», «держать в черном теле», «заедать век», «прибрать вожжи к рукам» и других, не могут быть отдельные слова, ибо все эти сочетания означают одно: «ограничивать свободу действия кого-либо»³¹.

Во всех языковедческих работах устойчивые словосочетания характеризуются аналогично: как возникающие на национальной почве и выражающие этические и духовные суждения народа. С переходом их синтаксической формы в лексикализованное выражение они, как и многие

²⁹ А. В. Кунин. Указ. автореф., стр. 7.

³⁰ См.: Б. А. Ларин. Указ. раб., стр. 126.

³¹ В. М. Глухов. Образование многозначных глагольных фразем. — В кн.: «Проблемы образования фразеологических единиц», Тула, 1976, стр. 121.

сложные слова, подвергаются семантическим изменениям, что объясняется семантическим развитием, при этом составляющие их лексические единицы как бы спаиваются друг с другом³², образуя монолитные словосочетания.

Согласно А. Н. Кононову, во фразеологических словосочетаниях семантическое слияние компонентов приводит к возникновению нового понятия³³.

Таким образом, пословицы и поговорки, составляющие особый пласт фразеологии, являются выражениями, имеющими форму предложений и передающими законченную мысль. Эти выражения характеризуются следующими признаками:

1. Пословицы и поговорки могут иметь различные эмоционально-экспрессивные значения.

2. При переходе словосочетания во фразеологическую единицу его прежняя внутренняя форма начинает носить оценочный характер, семантическая нагрузка отдельных лексических единиц ослабевает за счет усиления общего значения; сочетание становится носителем нового качества в лексической системе языка.

3. Выражение приобретает характер языковой модели. Согласно характеристике С. Г. Гаврина, такая модель «1) ... носит абстрактно-логический характер, т. к. всегда является некоторой идеализацией объекта; 2) ... обладает свойством объяснительной силы; 3) ... упрощает внутреннюю структуру объекта; 4) ... инвариантна по отношению к речевым единицам, создаваемым по этой модели»³⁴.

4. Между семантическим содержанием модели и ее грамматической структурой возникает внутренняя взаимосвязанность, что обусловлено общей закономерной взаимосвязью между формой и содержанием.

5. Порядок слов остается устойчивым. Иногда наблюдается замена лексических единиц в составе выражения равноправными или синонимичными словами.

6. Пословицы и поговорки, составляя особый пласт фразеологических сочетаний, обладают особенностями именно данного национального языка, и никакого другого.

7. Пословицы и поговорки могут быть эквивалентом слова или предложения. В таком случае происходит процесс полной метафоризации.

Дальнейшее исследование семантических связей между лексическими единицами в составе пословиц и поговорок позволит их классифицировать на основе выражаемых ими значений, определяющих отношение последних к фразеологии, по семантическим особенностям.

³² Э. В. Севортян. К соотношению грамматики и лексики в тюркских языках. — В кн.: «Вопросы теории и истории языка». М., 1952, стр. 322.

³³ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 373.

³⁴ С. Г. Гаврин. Проблема фразеологического моделирования. — В кн.: «Проблемы образования фразеологических единиц». Тула, 1976, стр. 59.

Л. ЛЕВИТСКАЯ

НОВОЕ В ТАТАРСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

За последние годы татарскими диалектологами многое сделано для того, чтобы собранные ими новые материалы¹ стали достоянием широких кругов тюркологов. Особенно хочется отметить интересные работы о языке астраханских татар². Под этим названием, как известно, объединены несколько этнических групп, различающихся по языковым и этнографическим признакам. Язык одной из этнических групп — юртовских татар — уже стал предметом первого монографического исследования. Опубликованная Л. Ш. Арслановым статья представляет собой фактически небольшую монографию (68 стр.) по материалам экспедиции 1972 года, посвященную описанию фонетической, грамматической и лексической систем языка юртовских татар.

В кратком введении к своей работе Л. Ш. Арсланов пишет, что юртовские татары расселены по селам Наримановского района Астраханской области. Живут они и в Астрахани, главным образом в бывшей слободке Зацарево. Юртовские татары считают себя ногаями; поволжские татары и карагаши (другая этническая группа ногайцев) называют их *караиле нугайлары*.

Многие исторические факторы (длительная изоляция от остальных групп ногайцев — дагестанских и черкесских, интенсивные контакты с поволжскими татарами, узбеками, казахами, туркменами, калмыками, русскими) оказали влияние на формирование языка юртовских татар и содействовали сохранению в нем некоторых архаических черт и появлению инноваций.

Так, например, система вокализма в этом языке сложилась как результат взаимодействия ногайской и татарской систем: в ней имеется шесть губных гласных *о, օ, у, օ, օ, у*, при этом *о* и *օ* характерны главным образом для речи лиц старшего поколения, обычно же они замещаются на *у* и *у*. Гласные *օ* и *օ*, как правило, делабиализуются, и Л. Ш. Арсланов усматривает здесь мишарское влияние. Следствием татарского влияния является также ограничение сферы *е* из-за сужения в *и* в первом слоге и расширения в *ә* во втором слоге.

¹ См.: Д. Г. Тумашева. Диалекты сибирских татар. Опыт сравнительного исследования. Казань, 1977; Л. Т. Махмутова. Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка. М., 1978.

² Л. Ш. Арсланов. Язык юртовских татар (по материалам экспедиции 1972 года). — В сб.: «Материалы по татарской диалектологии». Казань, 1976, стр. 3—71; его же. К вопросу о карагайском языке. — «Советская тюркология», 1977, № 4, стр. 73—81.

В системе согласных примечательны следующие факты: отсутствие заднеязычного *ң* (этимологический *ң* трансформировался в *н*; *ң* выступает лишь как комбинаторный вариант перед *ʁ*); расширение сферы *ш* за счет ногайского *с*, который сохранился только в говорах ряда сел в речи женщин преклонного возраста.

Из грамматических особенностей языка юртовских татар особого внимания заслуживают формы дательно-направительного падежа личных местоимений: *маға, маған, миға, миған* 'мне', *уға, уғай, унаған, анағай, анаға, уғар* 'ему'; отрицательная форма 1-го лица множественного числа будущего неопределенного времени: *бармастык, бармамыз* 'мы не пойдем'; форма на *-ған йук* в функции отрицательной формы прошедшего категорического времени и некоторые другие.

Раздел «Лексика» начинается с перечня лексических, семантических и фонетических диалектизмов. Л. Ш. Арсланов выявил ряд интересных лексических соответствий между языком юртовских татар и восточным диалектом татарского языка, что представляется вполне естественным на фоне исторических связей ногайцев и татар Западной Сибири; отмечены и лексические схождения с мишарской лексикой.

Исследование завершается кратким словарем языка юртовских татар, построенным по тематическому принципу: термины родства, названия домашних и диких животных, названия растений, кушаний, времен года и дней недели, хозяйственных построек, домашней утвари, орудий труда, одежды, обуви, конкретных предметов, болезней, отвлеченных понятий, терминов земледелия, процессов, действий, признаков и, наконец, служебные слова. В словарных статьях часто приводятся иллюстративный материал и соответствия из разных тюркских языков, главным образом ногайского и татарского.

Желательно, чтобы работа по изучению языка астраханских татар была продолжена. Хотелось бы видеть полное описание диалектов основных этнических групп, выступающих под этим общим названием. Материалы о языке юртовских татар и карагашей интересны и сами по себе: как содержащие новые данные по истории ногайского языка, имеющие значение и для сравнительно-исторической грамматики в целом, так и в связи с изучением развития тюркских диалектов в разноязычной среде.

Учитывая возможность и желательность появления новых публикаций Л. Ш. Арсланова, посвященных этой важной проблематике, позволим себе высказать ряд частных критических замечаний, касающихся уже изданных материалов.

В разделе «Фонетика» читателю, не специалисту по татарскому и ногайскому языкам, не совсем ясно, что имел в виду автор, когда писал: «Фонема *ж*, в отличие от ногайского языка и его диалектов, является переднеязычным щелевым согласным» (стр. 18). Судя по «Грамматике ногайского языка» (Черкесск, 1973), ногайский *ж* — шумный, звонкий, щелевой, переднеязычный согласный (стр. 41). В начальной позиции он употребителен в языке кубанских ногайцев (стр. 8), а в литературном языке в ногайских словах встречается только в середине слова (стр. 41), в анлауте же выступает *й*-. Аналогичное распределение *й* и *ж* существует, по-видимому, и в языке юртовских татар.

Появление варианта аффикса множественного числа *-нар/-нәр* после *н*, *м*, *ң* объясняется как результат татарского влияния, но этот же случай ассимиляции отмечен и в «Грамматике ногайского языка» (стр. 51). Л. Ш. Арсланов считает форму на *-гандый* в языке юртовских татар причастной и указывает на ее аналог в мишарском диалекте. Однако

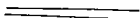
деепричастие (а не причастие! — Л. Л.) на *-гандай* существует и в ногайском языке («Грамматика ногайского языка», стр. 259).

Не всегда достаточно ясна интерпретация лексических диалектизмов: так, к слову *бибэм* 'обращение к младшей сестре или брату' приводится соответствие из говора мордвы-каратаев (а в словаре — кумык. *биби* и тат. *бэбэй*), но почему-то опущено ног. *бебе* 'брат', 'братец'. Среди русских заимствований правильно названо *шыбатар*, но в качестве его источника, видимо, чисто случайно указано «сапожник», а не «чеботарь».

К словам, вошедшим в краткий словарь языка юртовских татар, не всегда приводятся эквиваленты, существующие в ногайском и татарском языках. Так, при *қара турғай* почему-то опущено ног. *кара торғай* 'скворец', при *чира чебен* 'комар' — тат. диал. *чебен* (то же) и *черекей*, *черекий* (то же), при *шуртан* 'щука' — ног. *шортан* (то же), при *ыры* 'яма для хранения картофеля' — ног. *ур* (то же), при *кашак* 'стамеска' — ног. *кашав* 'стамеска', 'рубанок', при *тиген* 'бесплатно' — ног. *тегин* (то же).

Более последовательная иллюстрация лексических и семантических совпадений и различий помогла бы полнее раскрыть генетические связи словаря юртовских татар: выделить его ногайскую основу и показать источники ее пополнения — татарский литературный язык, его диалекты и т. д.

Исследования Л. Ш. Арсланова, посвященные языкам этнических групп, населяющих Нижнее Поволжье, несомненно, содержат новые ценные для тюркского языкознания сведения.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Р. Г. ФАХРУТДИНОВ

ОБ ИМЕНИ И ТИТУЛЕ ПРАВИТЕЛЯ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

Имя и титул первого, известного по историческим источникам, правителя Волжской Булгарии представляют значительный научный интерес.

В известной энциклопедии персидского географа начала X века Ибн-Русте «Ал-а'лак ан-нафиса» («Дорогие ценности»), созданной, как принято считать¹, около 903—913 годов, указывается: «Царь болгар Алмуш по имени, исповедует ислам»². А. П. Ковалевский в обоих подготовленных им по Мешхедской рукописи изданиях «Рисаля» («Записка») знаменитого Ибн-Фадлана передал имя болгарского царя *Алмуша* с конечным *ш* (ش)³. В таком же написании имя первого главы Булгарского государства фигурирует в современной исторической, научно-популярной и художественной литературе⁴. Однако еще Х. Д. Френ в первом издании Ибн-Фадлана по «Словарию» Йакута ал-Хамави (XIII век) приводил это имя в форме *Алмус* с конечной *с* (س)⁵. Х. Д. Френа поддержали французский арабист М. Д'Оссон⁶ и русский востоковед-

¹ И. Ю. Крачковский. Арабская географическая литература. — «Избранные сочинения», т. IV. М.—Л., 1957, стр. 159.

² Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омар ибн-Даста. СПб., 1869, стр. 22. Выдающийся голландский ориенталист М. Я. де Гук в 1892 году в своей знаменитой «Библиотеке арабской географии» (VII том) исправил имя *Ибн-Даста* на *Ибн-Русте* и в этой форме оно прочно утвердилось в науке.

³ (А. П. Ковалевский) «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу». Перевод и комментарий под редакцией акад. И. Ю. Крачковского. М.—Л., 1939, стр. 65, 88, прим. 8; стр. 100, прим. 228; *его же*. «Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг.». Харьков, 1956, стр. 121, 129, 160, прим. 14—15, лл. 197а, 202б (текст). Имя *Алмуш* упоминается Ибн-Фадланом дважды: в самом начале произведения при сообщении о том, что халифом получено письмо от Алмуша, и в другом месте текста при передаче разговора арабских послов с военачальником огузов, назвавшим имя болгарского царя. А. П. Ковалевский в первом издании Ибн-Фадлана вначале указал имя ал-Хасана, болгарского царевича, привезшего письмо отца в Багдад (стр. 55), но во втором издании в соответствии с текстом (л. 197а) назвал уже имя самого царя (стр. 121).

⁴ Автор данной статьи в своих прежних работах также писал *Алмуш*, основываясь на авторитетном издании А. П. Ковалевского.

⁵ Ch. M. Fraehn. Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgaren aus Ibn-Foslan's Reiseberichte. — «Memoires de L'Academie Imper. des Sciences», VI serie, t. I. SPb., 1832, стр. 566.

⁶ См.: Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, т. II. М., 1967, стр. 27, прим. 21. Мураджа Д'Оссон — турецкий армянин по происхождению, проживавший во Франции.

иранист Ф. Б. Шармуа⁷. В полном издании «Словаря» Иакута, осуществленном немецким арабистом Ф. Вюстенфельдом, это имя записано как *Алмас* (Алмас Ибн-Шилки *ألماس بن شلكي*)⁸. В этой же форме имя болгарского царя передано и в рукописи Иакута, хранящейся в Институте востоковедения Академии наук СССР⁹. Таким образом, в знаменитом «Словаре» ал-Хамави, из которого ученые узнали о путешествии Ибн-Фадлана и о существовании Волжской Булгарии еще до обнаружения Мешхедской рукописи (1924), имя болгарского царя было записано в форме *Алмас* (или *Алмус*). Кстати, и Д. А. Хвольсон, передавший форму *Алмуш* по Ибн-Русте, отметил также и форму *Алмс* по Иакуту¹⁰, а М. Я. де Гье, повторяя издание Ибн-Русте, писал, что имя болгарского царя правильнее читать *Алмс*¹¹. Французский арабист Ш. Дефремери при первом издании отрывков из ал-Бакри (XI век) еще в 1849 году читал имя царя *Алмас* (или *Алмус*)¹². Того же чтения придерживался и лингвист Н. И. Ашмарин¹³. Видный татарский библиограф-литературовед и историк Г. Фахрутдинов в своем известном своде памятников древнетатарской литературы под названием «Асар» именует болгарского царя *Алмасом*¹⁴. Наконец, крупный советский историк-арабист Б. Н. Заходер остановил свой выбор на написании *Алм.с.*, как на более вероятном варианте¹⁵, передаваемом в транскрипции скорее всего формой *Алмас*, ибо у (,) всегда выступает после согласного. Существование разночтения *Алмас* и *Алмуш* связано, очевидно, с отсутствием или наличием диакритических знаков у конечной буквы (ср. *س* и *ش*), обусловленном погрешностями переписки оригинала¹⁶.

С именем правителя болгар связан и его титул, впервые упомянутый Ибн-Фадланом, также ставший объектом изучения и дискуссий. Ибн-Фадлан дважды упоминает этот титул: «Когда прибыло письмо Алмуша, сына Шилки йылтывара, царя „славян“...»¹⁷. На его (болгарского царя. — Р. Ф.) минбаре еще до моего (Ибн-Фадлана. — Р. Ф.) прибытия уже провозглашали от его имени хутбу: „О Аллах! Сохрани (в благополучии) царя йылтывара, царя болгар!“»¹⁸. В самой «Рисале» (Мешхедская рукопись) в первый раз это слово написано *بلاطوار* —

⁷ F. B. Charmoy. Relation de Mas'oudy et d'autres auteurs musulmans sur les anciens Slaves. — «Memoires de L'Academie Imper. des Sciences», VI serie, t. II, SPb., 1834, стр. 45.

⁸ F. Wüstenfeld. Jacut's geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin. St. Petersburg und Paris, Bd. I. Leipzig, 1866, стр. 723.

⁹ См.: (А. П. Ковалевский). «Путешествие...», стр. 174.

¹⁰ Д. А. Хвольсон. Известия..., стр. 92, прим. 33.

¹¹ См.: Б. Н. Заходер. Указ. раб., стр. 27. Б. Н. Заходер обратил внимание на то, что «Худуд ал-алам» (X век) хотя и относит отрывок о болгарском царе к буртасам, но называет его *М. с.*, то есть (*Ал.*) *м. с.*, именем, которое встречается в других источниках о булгарах.

¹² Там же, стр. 27.

¹³ Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваша. — «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете» (ИОАИЭ), т. XVIII, вып. 1—3. Казань, 1902, стр. 62.

¹⁴ Г. Фахрутдинов. Асар («Памятник») (на татарском языке), т. I, кн. 1. Казань, 1900, стр. 20.

¹⁵ Б. Н. Заходер. Указ. раб., стр. 26.

¹⁶ Аналогичное разночтение встречается и при написании имени отца Алмаса: *Шилки* и *Силки*.

¹⁷ А. П. Ковалевский. Книга..., стр. 121. Ибн-Фадлан часто называет болгар «ал-сака-либа» («славяне»), употребляя в данном случае это слово как общее название северных народов.

¹⁸ А. П. Ковалевский. Книга..., стр. 132.

Б.л.твар¹⁹, во второй — **يلطوار** — **И.л.твар**²⁰. В первом издании Ибн-Фадлана А. П. Ковалевский прочитал его как **Балтавар**²¹, во второй раз, как уже упоминалось, — **йылтывар**, с начальной строчной буквой, ибо он полагал, что это титул, а не собственное имя. Форма **Б.л.твар** приводится позднее, в сочинении автора газневидских мемуаров Абу-л Фазл Бейхака «Тарих-и Бейхак» в связи с сообщением о том, что болгарский эмир в XI веке послал деньги для строительства двух мечетей в Хорасане. Имя эмира — Абу Исхак Ибрахим ибн Мухаммад ибн Б.л.твар²². Следовательно, в передаче Ибн-Фадлана Якутом, в одном случае по Мешхедской рукописи и позднее в «Тарих-и Бейхак» написано **Б.л.твар**, а в другом — в той же Мешхедской рукописи зафиксировано написание **И.л.твар**. К сожалению, сам А. П. Ковалевский не пытался выяснять этимологию этого слова.

В свое время были предприняты попытки толкования его значения. Х. Д. Френ, читая это слово как **يلطمار** (**Балтамар**), считал его арабской транскрипцией русского имени **Владимир**²³. Позднее, вслед за русским писателем и арабистом О. И. Сенковским, он прочитал это слово уже как **блатаваз**, **владавац**, толкуя его как «владелец», а имя **Силки**, отца Алмаса, читал как «Василько» (сокращенно «Силько») ²⁴. Подобное толкование имени и титула тюркского царя мусульманского государства на основе славянских понятий вызывает недоумение. Однако интерпретация Х. Д. Френа, очевидно, благодаря его непререкаемому авторитету в мировом востоковедении, была принята такими известными арабистами и ориенталистами, как П. С. Савельев²⁵, А. Я. Гаркави²⁶, В. В. Григорьев²⁷, Б. Н. Заходер²⁸. С возражением против этого в свое время выступил Н. И. Ашмарин, заявивший, что южнославянской формы «владавац» не существует²⁹. В свою очередь он предложил читать это имя **بكتوان** (**Биктуан**), сопоставив его с именем князя **Бихтунь** в так называемом «Болгарском именнике». Первая часть слова **Биктуан**, то есть **бик** толковалась как «князь», вторая — **туан** — «рожденный», а в целом это слово означало, по мнению Н. И. Ашмарина, родовое имя³⁰. Нумизмат Р. Р. Фасмер предложил форму **بلنوار** (**Б.л.звар**), отождеств-

¹⁹ А. П. Ковалевский. Книга..., л. 197а (текст).

²⁰ Там же, л. 204а (текст).

Академик А. Н. Кононов, ознакомившись с данной статьей в рукописи, предложил свое чтение последнего слова: «eltāwār < eltābār 'титул военачальника у азов — одного из древних тюркских племен («Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 171); соответствие — переход согласного b > w — заурядное явление в тюркских языках». (Прим. ред.).

²¹ (А. П. Ковалевский). «Путешествие...», стр. 55, 58, прим. 8, 68.

²² Б. Н. Заходер. Указ. раб., стр. 46.

²³ С. М. Frähn. Ibn-Foszlān's und anderer araber Berichte über die Russen älterer Zeit. SPb., стр. LXI.

²⁴ Ch. M. Frähn. Drei Münzen der Wolga-Bulgaren aus dem X. Jahrhundert — «Memoires de L'Academie Imper. des Sciences», VI serie, t. I. SPb., 1832, стр. 182; *его же*. Die ältesten arabischen Nachrichten..., стр. 555.

²⁵ П. С. Савельев. Мухаммеданская нумизматика по отношению к русской истории. СПб., 1847, стр. 118 («Дополнения»).

²⁶ А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века). СПб., 1870, стр. 106.

²⁷ В. В. Григорьев. Волжские булгары. — В сб.: «Россия и Азия». СПб., 1876, стр. 83.

²⁸ Б. Н. Заходер. Указ. раб., стр. 107. В другом месте он передает эту форму: **Б(?) т. л. т. в** поставив первую согласную букву с вопросительным знаком, предполагая предлог **би**, подобно сочетанию **би-Владимир**, **би-хакан** (там же, стр. 147, прим. 68).

²⁹ Н. И. Ашмарин. Указ. раб., стр. 32. Н. И. Ашмарин при этом ссылался на болгарского лингвиста И. Шишманова.

³⁰ Там же, стр. 62.

вляя ее с именем *Барман* на монетах³¹. Следует заметить, что ни один из этих авторитетных исследователей не смог, к сожалению, предложить оптимального решения вопроса.

Оригинальную точку зрения высказал крупнейший татарский ученый-востоковед прошлого столетия Ш. Марджани. В своем «Мустафад ал-ахбар...» он пишет, что титул болгарского царя по Ибн-Фадлану следует читать *بلکوار* как *Б.л.квар*, более полно — *Белеквар*. Это сочетание двух слов: *Белек* 'знание', 'ум' и *вар* (или *бар*) неспрягаемый глагол 'есть'. *Белеквар* означает человека, обладающего знаниями, ученого человека³². Превращение *к* (ك) в эмфатическое *т* (ط) Ш. Марджани объяснял следующим образом: «Вследствие сильной схожести букв *к* и *т* в письме *куфи*, наличие *т* в рукописях, взятых из Ибн-Фадлана, могло быть результатом неправильной переписки оригинала. Во времена Ибн-Фадлана в Багдаде и в других мусульманских городах применяли письмо *куфи*»³³. Следовательно, *к* в середине слова в письме *куфи*, по Ш. Марджани, постепенно превратилось в *т*, отсюда и трансформация *بلکوار* (*Б.л.квар*) в *باطوار* (*Б.л.твар*) по Ибн-Фадлану. В исторических драмах видного современного татарского поэта-драматурга и ученого-филолога Н. Исанбета фигурирует *Белгуар* — сокращенная форма *Белеквара* по Ш. Марджани³⁴. Ш. Марджани ссылается также на сообщение представителя классической школы арабской географии X века ал-Истахри: «Их (булгар. — Р. Ф.) цари на своем языке называются „Белек“ и „Бак“»³⁵.

В связи с этим академик А. Н. Кононов и Ш. Ф. Мухамедьяров обратили наше внимание на титул военачальника одного из племен Восточнотюркского каганата, зафиксированный в орхоно-енисейских надписях в форме *эльтебер* (eltäbär) (см. прим. 20). Признавая справедливость этого замечания, отметим, что данная форма может представлять собой параллель с ибн-фадлановским *йылтывар* и что происхождение титула болгарского предводителя связано с титулами вождей или князей древнетюркских племен. Слово *эльтебер* (eltäbär) впервые встречается в памятнике Кюль-Тегина (732 год) в качестве титула военачальника азов, который был взят в плен Кюль-Тегиним: *az ältäbäriḡ tutdy* 'схватил эльтебера азов' (Большая надпись)³⁶. В конце этой же Большой надписи в качестве предводителей тюркских племен, прибывших на похороны Кюль-Тегина и приведших с собой камнерезчиков для изготов-

³¹ Р. Р. Фасмер. О монетах волжских болгар X века. — ИОАИЭ, т. XXXIII, вып. I. Казань, 1925, стр. 58—59.

³² Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар («Собрание сведений по истории Казани и Булгара») (на арабском языке), т. I. Казань, 1897, стр. 11.

³³ Там же, стр. 12. То обстоятельство, что высказанное Ш. Марджани предположение, как и вообще его имя, не популярно в востоковедении, объясняется главным образом распространенностью его трудов лишь в узком кругу татарских историков. Они не переведены ни на один другой язык. Поэтому Ш. Марджани не был известен ни зарубежным, ни выдающимся отечественным востоковедам и арабистам, таким, как В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский, А. П. Ковалевский, Б. Н. Заходер и др. Следует подчеркнуть, что «Мустафад» содержит интересные суждения о средневековой истории народов Восточной Европы и ценнейшие сведения из не дошедших до нас восточных источников.

³⁴ Н. Исанбет. Избранные произведения (на татарском языке), т. I. Казань, 1960, стр. 311, 313, прим. 3, стр. 368.

³⁵ Ш. Марджани. Указ. раб., стр. 16.

³⁶ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 32 (текст), 42 (перевод). См. также: И. В. Стеблева. Пoesия тюрков V—VIII веков. М., 1965, стр. 82, 120; «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 171.

ления надгробия, названы *тойгуны* и *эльтеберы*³⁷. А. Н. Бернштам относит *эльтеберов* к представителям классовой верхушки в крупных племенах³⁸. Следовательно, *эльтебер* — слово довольно широко распространенное, его параллель известна в регионе, более близком к волжским булгарам, находящемся в пределах территории их раннего расселения. Согласно «Истории агван» Моисея Каганкатваци (X век), великий князь гуннов-бсгар VII века Алп-Илитвер (алп-эльтебер, алп-эльтебер), будучи вассалом хазарского кагана, назывался также «царем севера», «царем туркестанским» и даже «каганом»³⁹. Он являлся главой зависимого от хазар княжества в Северном Дагестане, население которого этнически было тесно связано с булгарами или же в большей своей части состояло из болгар. В названии *эльтебер* М. И. Артамонов видит титул *йылтывар*, который присваивался вассальным князьям⁴⁰. Известно, что в период Ибн-Фадлана булгарский *йылтывар (эльтебер)* официально находился в зависимости от хазарского кагана. Здесь нам хотелось бы внести небольшие коррективы в чтение булгарского *يلطوار*: не следует ли первую его часть, то есть *يل*, передать как *il (эль)*? Оставляя на будущее окончательное выяснение этимологии этого слова, позволим себе высказать предположение, что оно состоит из двух частей: *эль (il, ил)* + *тебер (täbär, табар)*⁴¹. Что же касается наличия в Мешхедской рукописи, у Якута и Бейхаки формы с начальным *б (Б.л.твар)*, то это написание нужно рассматривать как очередную ошибку арабских переписчиков, которые, не поняв чуждое им и весьма редкое тюркское слово, вместо буквы *ي* написали *ب* то есть опустили одну из диакритических точек. В заключение закономерно сделать вывод, что *йылтывар (эльтебер)*, зафиксированное Ибн-Фадланом, бесспорно, следует считать титулом, а не именем собственным⁴².

Можно ли отождествлять указанный титул со званием главы государства, то есть идентичен ли он с понятиями «царь», «хан» и т. д.? Для этого необходимо выяснить, какие параллельные титулы правителя Волжской Булгарии встречаются на протяжении всей ее истории в восточных источниках.

Ибн-Фадлан, посетивший Булгарию в X веке и неоднократно беседовавший с ее правителем, в своей «Рисале» обычно называет его *ал-малик (الملك)* или просто *малик (ملك)*, что в переводе с арабского означает «царь». Так он называет Алмаса тридцать пять раз, хотя ни

³⁷ С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 33, 43.

³⁸ А. Бернштам. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI—VIII веков. М., 1946.

³⁹ М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 52, 184—191, 207, 278. Первая часть названия «алп-эльтебер», то есть «алп» широко распространенное слово: им назывались вожди и богатыри у тюркских народов.

⁴⁰ Там же, стр. 244—245.

⁴¹ Значение термина *эль* или *il* толкуется довольно широко: «племенной союз», «государство», «народ», форма существования орды и племен и т. д. Об этом в различные время писали: В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский, В. В. Бартольд, В. Томсен, А. Н. Бернштам, С. П. Толстов, Л. Н. Гумилев. Относительно значения второй части указанного титула хотелось бы привести мнение М. И. Артамонова: титул *табар* или *тавар* носили послы дунайских болгар, прибывшие в 869 году в Константинополь (М. И. Артамонов. История хазар, стр. 245—246).

⁴² В молитве за булгарского царя: «Боже, благослови царя Балтавара, царя болгар» (в последнем издании: «О Аллах! Сохрани царя йылтывара, царя булгар») рижский арабист Ф. Вестберг видел упоминание имени собственного (Ф. Вестберг. К анализу восточных источников. — ЖМНП, СПб., 1908, февраль-март, стр. 403). А. П. Ковалевский же в связи с этим справедливо замечает, что царь в ту пору еще не имел мусульманского имени, и в данном случае титул заменяет его собственное имя (А. П. Ковалевский. Книга., стр. 197, прим. 389).

разу не обращается к нему с этим титулом. Царями же называет Ибн-Фадлан подчиненных Алмасу предводителей других болгарских племен или княжеств, то есть князей и правителей соседних народов, огузов, хазар, русов, имевших и свои, местные титулы, на что указывает и сам путешественник, конкретизируя понятие «царь» у этих народов: «Царя тюрок гузов называют йабгу, и это — титул повелителя»⁴³; «Что же касается царя хазар, титул которого хакан... Его называют „большой хакан“, а его заместителя „хакан бек“»⁴⁴. Очевидно, такой же конкретизацией титула болгарского царя является *йылтывар* (*эльтебер*): «Когда прибыло письмо Алмуша, сына Шилки йылтывара, царя славян...»; или «О Аллах! Сохрани (в благополучии) царя йылтывара, царя болгар!». Когда после названия *йылтывар* Ибн-Фадлан добавляет: «царя славян» или «царя болгар», он поясняет этим титул болгарского правителя, подобно тому, как конкретизирует названия царей у хазар и огузов.

Другие титулы болгарских правителей домонгольского периода в источниках по восточной географии не упоминаются. Только в «Тарих-и Бейхак» Абу Исхак назван эмиром, что означает «князь». Кстати, возможно, что *бак* (*бек*?) по ал-Истахри является синонимом слова «эмир». «Князьями» называют болгарских вождей и русские летописи в связи с историческими событиями 1164, 1220, 1228 годов⁴⁵. Конечно, словом «князь» предводителей болгар именовали русские летописи, имея при этом в виду не только главу государства, но и правителей отдельных областей. Так, при описании похода Святослава на болгарский город Ошель в 1220 году упоминаются князь этого города и князья других городов, пришедших на помощь Ошелю. Так было и в самой Руси: великий князь (глава государства) и князья отдельных княжеств. Но какова была градация по названиям подобных должностей в самой Волжской Булгарии, ответить чрезвычайно трудно ввиду отсутствия источников, за исключением, пожалуй, упоминания в 1024 году Бейхаки об «эмире Абу Исхаке».

Ал-Гарнати, второй арабский путешественник, посетивший Волжскую Булгарию в 1135 и 1151 годах, то есть более чем через двести лет после Ибн-Фадлана, также называет предводителя болгар общим словом «царь»⁴⁶, хотя в одном месте он употребляет титул «эмир», но не для именованной главы государства, а в качестве титула правителя болгарской колонии в городе Саксине в низовьях Волги: «А в середине города живет эмир жителей Булгара»⁴⁷. Слово «эмир» встречается и позднее — в период Золотой Орды — в одном из надгробий конца XIII века, расположенном на территории современной Казани и поставленном на могиле некоего Хасан-бека, имя которого сопровождается довольно пышной титулатурой: «Это место погребения великого и знатного повелителя, помощника повелителей, эмира чтимого, победоносного»⁴⁸. Таким образом, эмир — один из титулов в феодальной иерархии Волжской Булгарии. Однако это отнюдь не свидетельствует о том, что так некогда назывался

⁴³ А. П. Ковалевский. Книга., стр. 128.

⁴⁴ Там же, стр. 146.

⁴⁵ ПСРЛ, т. I. М., 1962, стр. 352, 451; т. IX. М., 1965, стр. 230 (здесь 1160 г.); т. X. М., 1965, стр. 83—84; т. XV. М., 1965, стр. 236 и ряд других летописей.

⁴⁶ «Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.)». Публикация О. Г. Большакова, А. Л. Монгайта. М., 1971, стр. 31.

⁴⁷ Там же, стр. 27.

⁴⁸ Ш. Марджани. Указ, соч., стр. 28; Н. И. Ашмарин. Об одном мусульманском могильном камне на архиерейской даче в Казани. — ИОАИЭ, т. XXI, вып. I. Казань, 1905, стр. 94—95; Г. В. Юсупов. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960, табл. 2.

глава государства. Во всяком случае, в источниках X века этот титул не упоминается, отсутствует он и у Ибн-Фадлана. Полагаем, что глава государства в это время по старой тюркской традиции назывался *эльтебер* (*eltäbär, илтабар?*). Позднее же это слово могло быть вытеснено словом «эмир», использованным в «Тарих-и Бейхак» именно в таком значении⁴⁹. *Эльтебер* же как древнетюркское слово было со временем забыто и в период широкого распространения ислама вытеснено арабским словом «эмир».

Титул «хан», которым титуловались правители Золотой Орды, а впоследствии Казанского, Крымского, Касимовского, Астраханского и Сибирского ханств, отсутствует в письменных источниках, относящихся к домонгольскому времени булгарской истории. Очевидно, он вошел в обиход с образованием Золотой Орды. Но и в этот период он не использовался в самой Волжской Булгарии, ибо она к тому времени уже утратила свою государственную самостоятельность, и там поэтому были не ханы, а князья, о которых, помимо указанного выше эпиграфического памятника, упоминают и русские летописи. Так, при описании похода русских князей на город Булгар в 1370 году в летописи говорится о булгарском «князе Асане»⁵⁰, а при повторении похода в 1376 году — о «князях Асане и Махмате Салтане»⁵¹. В известном сражении в Лыскове в 1411 году между московскими и суздальскими князьями на стороне последних выступили также булгарские и жукотинские князья⁵², то есть князья городов Булгара и Жукотина (Джукетау). Необходимо отметить, что титулом «хан» в летописи именуются правители Золотой Орды, но никак не правители Волжской Булгарии — в то время вассального княжества Джучиева улуса⁵³.

Справедливости ради следует отметить, что в татарских рукописях и исторических повествованиях слово «хан» фигурирует в тех случаях, когда говорится о городе Булгаре и в целом о Волжской Булгарии не только золотоордынского, но и домонгольского периода. Имеются списки булгарских ханов, составленные Х. Д. Френем, К. Ф. Фуксом, Ш. Марджани, в которых преобладающее число этих правителей относится к домонгольской эпохе⁵⁴. В ряде источников, например, в известной «Таварихе Булгарии» Ибн-Шарафутдина⁵⁵ и в так называемой «Елабужской рукописи»⁵⁶ упоминается Айдар-хан, при котором, как считается, приняла Булгария мусульманство. Целый ряд татарских исторических

⁴⁹ Это подтверждается и тем, что еще дед упомянутого эмира назывался *Б.л.твар* (читай: *Эльтебер*. — Р. Ф.).

⁵⁰ ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, стр. 17; т. XI. М., 1965, стр. 12; т. XV. М., 1965, стр. 92; т. XVIII. СПб., 1913, стр. 109.

⁵¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 25; т. XI, стр. 25; т. XV, стр. 117; т. XVIII, стр. 117—118.

⁵² ПСРЛ, т. XI, стр. 215; т. XV, стр. 485.

⁵³ О наличии ханов в Волжской Булгарии золотоордынского периода писал Н. Ф. Калинин, прочитавший на булгарской перстневой печати XIV века из Госмузея ТАССР надпись «Ильгам-хан» (Н. Ф. Калинин. Булгарская перстневая печать XIV века в фондах музея. Казань, 1956). Это утверждение вызывает сомнение прежде всего потому, что начертанное на печати слово *مال* с ясной конечной *ل* (л) следует читать как «мал» (деньги, богатство). Слово хан имеет начертание *خان*. Имя же Ильгам на печат-

ти вообще не читается. Как отмечает сам Н. Ф. Калинин, в этой надписи остались не прочитанными отдельные буквы (мы бы сказали — слова), и данная печать требует дальнейшего серьезного изучения.

⁵⁴ Сведения об этих списках собраны в работе: С. М. Шпилевский. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877, стр. 38—40.

⁵⁵ *Хисамутдин ибн-Шарафутдин*. Таварихе Булгария («История Булгарии») (на татарском языке). Казань, 1902, стр. 15.

⁵⁶ С. М. Шпилевский. Указ. раб., стр. 32.

источников, таких, как «Дафтар-и Чингиз-намэ» (II и VI главы под названиями «Дастан Аксак-Тимур» и «Дастан фи-т-тарих»; последняя глава известна также под названием «Татарская летопись») в многочисленных своих вариантах⁵⁷, рукопись по И. Г. Георги⁵⁸, а также татарский перевод «Ферхег-намэ», «Беан дастан уд-Тарих», «Таварих уд-Даваир», «Повесть о несгораемой царевне»⁵⁹, рукопись, принадлежавшая Нурмухамеду, сыну Ахмедзяна⁶⁰, свидетельствуют о разрушении Аксак-Тимуром города Булгара при Абдулле-хане⁶¹. Эти же рассказы приводятся в многочисленных легендах и преданиях, собранных в различное время Н. П. Рычковым⁶², К. Ф. Фуксом⁶³, К. Насыри⁶⁴, С. Вахиди⁶⁵, и в исторических песнях казанских татар под названием «Казан байты»⁶⁶.

Мы полагаем, что титул «хан» в этих рукописях и произведениях фольклора — позднее наслоение в языке казанских татар, связанное с отголосками событий периода Золотой Орды, особенно Казанского ханства. Необходимо учесть, что эти источники были написаны много спустя после упоминаемых в них событий — на рубеже XVII—XVIII веков (за исключением, может быть, спорного «Таварихе Булгария», который одна часть исследователей относит к XVI веку, другая — к XVIII веку). К тому же основу этих источников в значительной степени составляют устные повествования.

Таким образом, согласно сообщениям Ибн-Русте и Ибн-Фадлана, двух крупнейших представителей арабо-персидской географической литературы (а позднее по данным «Худуд ал-алам» и ал-Бакри), первый официальный правитель Волжской Булгарии носил имя *Алмас*. Его титулом как главы Булгарского государства, по Ибн-Фадлану, был *йылтывар* (несколько измененная форма *эльтебер* — *eltäbär*), широко бытовавший у древних тюрков и означавший предводителей и военачальников. С XI века этот титул заменяется на «эмир» («князь» русских летописей). Однако общий термин «царь», обозначавший главу многих феодальных государств, встречается в исторических источниках, имеющих отношение и к домонгольской Булгарии. «Эмирами» («князьями») назывались правители булгарских городов и земель в составе Золотой Орды. На бывших булгарских (позднее казанско-татарских) землях ти-

⁵⁷ См.: подробнее: *Ch. M. Fraehn. Bülariae urbis origo atque fata Tatarliche et latine.* — «Fundgruben des Orients», t. V. Wien, 1816, стр. 205—216; *К. Ф. Фукс.* Краткая история города Казани. Казань, 1817. Переиздана в ИОАИЭ, т. XXI, вып. 2. Казань, 1905, стр. 129; *М. Рыбушкин.* Поездка в Старую Казань. — «Заволжский муравей», ч. III, № 21. Казань, 1833, стр. 1170; *Н. Ф. Катанов, И. М. Покровский.* Отрывок из одной татарской летописи о Казани и Казанском ханстве. — ИОАИЭ, т. XXI, вып. 4. Казань, 1906, стр. 303—340; «История Чингизхана и Тамерлана» (перевод А. В. Васильева и Г. Г. Балгимбаева). — ТОУАК, вып. 19. Оренбург, 1907, стр. 117—157; *М. А. Усманов.* Татарские исторические источники. Казань, 1972, стр. 112—113, 116—117, 120.

⁵⁸ *I. G. Georgi. Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in den Jahren 1773 und 1774.* SPb., 1775, стр. 810—811.

⁵⁹ *А. Кавелин.* Древние болгары (из бумаг Кафтанникова). — «Библиотека для чтения», т. 82, СПб., 1847, стр. 57—59.

⁶⁰ «История Татарии в материалах и документах». М., 1937, стр. 123.

⁶¹ В «Таварихе Булгария» Хисамутдина ибн-Шарафутдина — при Бичура-хане, стр. 34.

⁶² *Н. Рычков.* Продолжение журнала или дневных записок по разным провинциям Российского государства, 1770 г. СПб., 1772, стр. 2—4.

⁶³ *С. М. Шпилевский.* Указ. раб., стр. 36—37.

⁶⁴ *Н. Ф. Катанов.* Исторические песни казанских татар. — ИОАИЭ, т. XV, вып. 3. Казань, 1920, стр. 288.

⁶⁵ *С. Г. Вахидов.* Татарские легенды о прошлом Камско-Волжского края. — ВНОТ, № 4. Казань, 1926, стр. 84—86.

⁶⁶ *Н. Ф. Катанов.* Исторические песни казанских татар. — ИОАИЭ, т. XV, вып. 3. Казань, 1899, стр. 275—299.

тул «хан» получает распространение со времени образования казанского ханства. Этим титулом именовались правители Золотой Орды, созданной монголами.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВНОТ* — «Вестник Научного общества татароведения».
ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения».
ИОАИЭ — «Известия Общества археологии, истории и этнографии (при Казанском университете)».
ПСРЛ — «Полное собрание русских летописей».
ТОУАК — «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии».
-

Х.-М. И. ХАДЖИЛАЕВ

О РАЗЛИЧИЯХ В ЛЕКСИКЕ КАРАЧАЕВСКОГО И БАЛКАРСКОГО ВАРИАНТОВ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Для современного карачаево-балкарского языка характерна известная территориальная вариативность литературных норм. Объясняется это тем, что карачаевцы и балкарцы территориально разобщены и административно разделены. Первые (по переписи 1970 года — 113 тыс. человек) живут в Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края, вторые (60 тыс. человек) — в Кабардино-Балкарской АССР, поэтому карачаево-балкарский литературный язык в настоящее время существует и развивается в двух вариантах — карачаевском и балкарском.

Таким образом, известная гетерогенность присуща не только литературному языку с его местными диалектами, но и литературному языку, распадающемуся на территориальные варианты.

Фонетические различия в языке карачаевцев и балкарцев уже исследовались¹, однако расхождения в области лексики до сих пор не рассматривались.

Здесь следует оговориться, что расхождения в лексике карачаевского и балкарского компонентов литературного языка незначительны, хотя они и распространяются почти на все основные ее разделы.

На наш взгляд, можно выделить следующие три основных типа лексико-семантических различий:

1) слова с общей семантикой, но имеющие различия в выражении (вариативная синонимия);

2) слова с общей семантикой, но различные по выражению, причем различия эти находятся в рамках обычных фонетических соответствий;

3) слова, идентичные по выражению, но различные по содержанию.

Приведем примеры на все три указанных типа.

1. Слова с общей семантикой, но имеющие различия в выражении²:

adaqa — qyčyrujču 'петух',	aulaq — žalpaq 'выпас',
ajyu bala — matygač 'медве- жонок',	bodurqu — qarañča 'пугало',
arqa žik — omuraj 'позвонок',	g'rait — erkek ešek 'осел',
	g'utu — g'özen 'кладовая',

¹ Ш. Х. Акбаев. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка. Черкесск, 1963; А. Ж. Будаев. Система фонем современного карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1968; Ж. И. Гузев. О составе фонем современного карачаево-балкарского языка. — «Советская тюркология», 1973, № 4, стр. 59.

² Здесь и далее вначале приводится балкарская форма, а затем — карачаевская. Примеры взяты из современной балкарской и карачаевской художественной литературы.

g'umulžuk — qumursxa 'муравей',
 gurgun — keselekke 'ящерица',
 daim — хаман 'постоянно',
 žalčytyj — bažaryj 'снабжение',
 žemiš — köget 'фрукт',
 žerqanat — bittir 'летучая мышь',
 žingirik — čyuačyq 'локоть',
 žugar — kürek 'лопата',
 illiuča — sengilček 'качели',
 išxeri — čyуанаq 'заноза',
 küf — g'ürbe 'закрома',
 qamiči — sybyrtxu 'кнут',
 qumalandyryj — ičlendiriј 'осеменение',
 ayač bit — kandaуaj 'клоп',
 akterek — busaq 'тополь',
 auana — kölekg'e 'тень',
 baltuz — šeker 'сахар',
 g'aton — kalažük 'соха',
 g'ulla — sandyq 'гроб',
 g'umul — žaldan 'квас',
 g'uppur — mukkur 'сгорбленный',
 g'ül — g'okka ханс 'цветок',
 dibildirik — g'öbelekke 'бабочка',
 žajyј — köčüј 'брод',
 žerleš — bir elči 'земляк',
 žefli — tešikli 'щелистый',
 žipi — myrdu 'болото',
 žumurtxa — g'akku 'яйцо',
 zurnuk — turna 'журавль',
 kökenterek — karag'ög'en 'терновник',
 küz arty, qyгqyг — qač 'осень',

qankaz — duјadaq 'лебедь',
 qyjmatly — baуaly 'ценный',
 maltarуа — teblerge 'топтать',
 meteke — tekelemüјüz 'улитка',
 murdor — tamal 'основа',
 sasy — soqur čibin 'овод',
 tyrman — g'urušxa 'попрек',
 uku — g'ylyn quš 'сова',
 fotku — myčxu umur 'опилки',
 čerek — qoban 'большая река',
 čokajbaš čyрčyq — törpeli
 čyрčyq 'жаворонок',
 čujkan — ulaq 'козленок',
 šarx-šarx — qačxač 'опийный мак',
 yrdajun — qorluq 'закваска (для молока)',
 üzmez — qum 'песок',
 elpek — melxum 'изобилие',
 ešek süt — žylan süt 'молочай',
 marako — žilek 'земляника',
 muguštuq — qysxailik 'предплечье',
 porunxu — umur 'труха',
 singirčke — kaska 'стрекоза',
 urxoduk — učхun 'пепел',
 fulmu — xulg'u 'мучная пыль',
 хујijar — kamsyk 'озорник',
 čiginži — tireј 'опора',
 čokal — žopru 'гроздь',
 šaqa — merekeb 'чернила',
 šajdan — qara suј 'родник',
 üzg'e — žongurčxa 'щепка',
 üčkür — žuqlat 'погаси',
 emildeš — emček qarнаš 'молочный брат' и т. д.

2. Слова с общей семантикой, но различные по выражению, причем различия эти находятся в рамках обычных фонетических соответствий:

almostu — almasty 'домовой',
 alyqa — alqyn 'пока',
 biz — miz 'шило',
 biteј — бүteј 'полностью',
 byčxu — myčxu 'пила',
 g'ubu — g'yby 'паук',
 žokku — žopru 'пучок',
 jer — at žer 'седло',
 kuntuš — kündüš 'чемерица',
 qars — хars 'рукоплетсание',
 qonšu — хonšu 'сосед',
 ajrykam — ajrymkan 'остров',
 buyeј — buуoj 'ледник',
 bišlaq — byšlaq 'сыр',
 bota — хota 'фартук',

g'emxot — хamxot 'харя',
 žajun — žangur 'дождь',
 žüјrük — žorуа 'иноходь',
 kukurt — күkürt 'сера',
 күјrүč — күrүč 'ясень',
 qaryndaš — qarnaš 'брат',
 mača — мажа 'саранча',
 mudax — myдах 'грустный',
 saryjek — saryјdek 'крокодил',
 tuquzg'ü — taküzük 'рябина',
 tyjaq — tajaq 'палка',
 tunuk — tunaky 'глухо',
 typyr — tybyr 'очар',
 čibiži — šibiži 'перец',
 unduruq — orunduq 'кровать',

uɣaj — oɣaj 'не, нет',
 üsg'ürüj — üsdürüj 'травля
 (охотн. термин)',
 šibila — šybyla 'молния',
 šiš — tiš 'вертел',
 sarımsax — sarysmaq 'чеснок',
 taja — taba 'сковорода',
 tujmaq — tumaq 'тупоумный',
 tübg'üč — tükg'üč 'колода (об-
 рубок)',

türmen — tirmen 'мельница',
 čariš — čars 'скачки',
 čyrmyltyn — čumyltyr 'грыжа',
 ultxa — ulxi 'взятка',
 umbaş — imbaş 'плечо',
 üjren — üren 'учись',
 šöndü — endi 'теперь',
 šintik — sindik 'стул',
 šujox — šox 'приятель' и т. д.

3. Слова, идентичные по выражению, но различные по содержанию:

**Значение слова в балкарском
варианте**

g'atčaj 'сука (самка)',
 žoralaj 'посвящение',
 žujruq 'платье (женское)',
 žomaq 'сказки',
 özen 'равнина',
 köken 'терновник',
 хоприга 'ядро',
 хујаг 'тыква',
 čeget 'теневая сторона',
 čynačyq 'мизинец',
 čyntdy 'настоящий',
 tišej 'отбивка (косы)',

**Значение слова в карачаевском
варианте**

'сучка (бранн. о женщине)',
 'предположение',
 'морщинистое (о лице)',
 'загадки',
 'ущелье',
 'кустарник',
 'кобура пистолета',
 вульг. 'penis',
 'лес',
 'локоть',
 'самый',
 'правка (пилы)' и т. д.

Приведенные примеры подтверждают, что современный карачаево-балкарский литературный язык развивается в двух — карачаевском и балкарском — вариантах, а это требует проведения дальнейших углубленных исследований.

Э. А. УМАРОВ

О ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА

Турецкая лингвистическая литература богата различными сборниками фразеологического содержания. Материалы в них, как правило, включались без дифференциации, поэтому они охватывали обычно, кроме пословиц и поговорок, также афоризмы, формулы благословения, собственно фразеологизмы и другие самые разнообразные устойчивые сочетания, в том числе и идиоматические выражения.

Первым, дошедшим до нас сборником такого рода, является, по-видимому, «Atalar sözü», составленный в 1480 году неизвестным автором [издан Велетом Избудаком (Velet Izbudak) в 1936 году]¹. Позже, в 1547 году, Мустафой-афанди был составлен персидско-турецкий фразеологический словарь, два списка которого хранятся в рукописных фондах Ленинграда².

В XIX веке появляется ряд интересных сборников³: «Durubi emsali osmaniyye» (1870) Шинаси (Şinasi), Абуззия (Ebüzziya) (1885), «Durubi emsali türkiyye veya atalar sözü» (1893) Текезаде М. Саита (Tekezade M. Sait). Значительно позднее были изданы: «Atalar sözü» (1939) Сади Киримли (Sadi Kırımlı), «Türkçe tabirler sözlüğü» (1943), «Türk ata sözleri» (1952) Мустафы Нихата Узуна (Mustafa Nihat Özön)⁴, «Türk ata sözleri ve deyimleri» (1963) Феридуна Фазила Тулбентчи (Feridun Fazıl Tülbentçi), «Atasözleri ve deyimler» (1965) Омера Асима Аксоя (Ömer Asım Aksoy). Каждый из этих сборников имеет свои особенности. От издания к изданию заметно улучшалось их техническое оформление, повышался научный уровень. В наши дни эта тенденция продолжается особенно успешно. Издан ряд словарей разного характера и объема⁵. Одни из них предназначены для широкого круга читателей, другие рассчитаны на специалистов. Словари этого типа снабжены научными предисловиями и имеют указатели, завершаются послесловиями. К лучшим из подобных изданий относится сборник пословиц и идиоматических выражений Кемаля Эйюбоглу, состоящий из двух книг. Первая книга в основном включает пословицы и поговорки. Приведем из нее несколько примеров: bülbül ağlar, gül güler (стр. 51) 'соловей пла-

¹ Ömer Asım Aksoy. Atasözleri sözlüğü. Ankara, 1971, стр. 51.

² С. И. Бабевский. Описание персидских и таджикских рукописей Института народов Азии, вып. 5. Двуязычные словари. М., 1968, стр. 75—76, №№ 139—140; «Персидские и таджикские рукописи новой серии», ГПБ, составитель Г. И. Костыгова, научный редактор А. Н. Болдырев, Л., 1973, стр. 84, № 247.

³ Н. А. Баскаков. О некоторых типах турецких словарей. — В кн.: «Лексикографический сборник», вып. III, М., 1958, стр. 145—153.

⁴ Р. Р. Юсупова. Устойчивые глагольные сочетания в турецком языке. Автореф. канд. дисс., М., 1961; Э. В. Мамулия. Идиоматические выражения в турецком языке, Тбилиси, 1971.

⁵ С. А. Орлов. Языковая реформа и лексикографическая работа в Турции. — «Советская тюркология», 1976, № 2, стр. 89.

чет, роза смеется', *bitmez iş olmaz* (стр. 47) 'нет дела, которое не имело бы своего завершения', *eçeli gelen kōrek çobanın ekmeğini yer* (стр. 82) 'собака, которой пришло время сдохнуть, съедает хлеб пастуха', *gül dikensiz olmaz* (стр. 112) 'роза не бывает без шипов'.

Во второй книге помещены собственно фразеологизмы и другие устойчивые сочетания различного характера: *bağrı yanmak* (стр. 45) 'изнывать от жажды', *bağrı taş olmak* (стр. 45) 'иметь каменное сердце', *insan oğlu* (стр. 260) 'подлинный человек', *insafa gelmek* (стр. 260) 'заговорить совести', *bir ağızdan* (стр. 79) 'в один голос', *keyfi yerinde* (стр. 304) 'быть в настроении'. Здесь же приводятся формы проклятий и благословения: *ağzından yeller alsın* (стр. 10) 'чтобы его черт побрал', *başın sağ olsun* (стр. 61) 'будь здоровым'. В сборнике имеется немало и однословных выражений: *afsunlamak* (стр. 5) 'колдовать', *yolunmak* (стр. 436) 'быть ошипанным', 'быть оборванным'.

Заслуживают быть особо отмеченными в словаре материалы по исторической фразеологии турецкого языка. Кемаль Эйубоглу использовал весьма интересные данные из произведений поэтов периода анатолийско-тюркского языка (XIII—XV века), раннетурецкого языка (конец XV—начало XVI века) и среднетурецкого языка (XVII—середина XIX века)⁶. Богато представлена в книге фразеология из диванов Бурханеддина Сивасского, Джамали, Фатиха-эфенди, Харими, Хайрати, «Чархнаме» Ахмеда Факиха, «Гарибнаме» Ашик-паши, из произведений Ихсана Хамамизоде, Дердли, Бозтепе Халила Нихота, Джам Султана и др. Вот некоторые примеры: *yüz suyu dökme* (стр. 448) 'опозорить', *kılı kırk yarmak* (стр. 307) 'тщательно разбираться в чем-либо', *kepaga çekmek* (стр. 300) 'удалиться', *dünya gözüne dar olmak* (стр. 150) 'сильно страдать'. Если иметь в виду недостаточную разработанность исторической фразеологии в тюркских языках, эти материалы, несомненно, представляют большой интерес.

Словарь построен по алфавитному принципу. Источником для него послужили письменные памятники турецкого языка с XIII века, кончая произведениями современной литературы, то есть от Юнуса Эмре (1240—1320), Ахмеда Факиха (умер в 1252 году) и до поэтов и писателей нашего времени⁷. Кемаль Эйубоглу использовал разнообразные источники: исторические трактаты, мемуары, диваны, куллияты (полные собрания сочинений), дидактические и религиозные произведения, собрания сочинений отдельных авторов. Большая часть материала взята автором из рукописных источников, поэтому ему пришлось проделать колоссальную работу.

В первой книге приведены 6840 пословиц и поговорок из произведений 714 авторов. Много примеров использовано из произведений Атаи Невизаде — 70, Баки — 62, Гивахи — более 300, Лебиб Мехмеда — 54, Наби Урфали — 103.

Более капитальной как по объему, так и по охвату материалов является вторая книга, включающая фразеологизмы. Здесь собрано 11112 фразеологизмов с 13526 подтвердительными цитатами. Согласно индексу, на букву А на 43 страницах дано 1095 фразеологизмов, на букву Б на 48 страницах — 885 устойчивых сочетаний и т. д. Из произведений одних авторов Кемаль Эйубоглу приводит всего по одному примеру, из других, например, Мехмета Ариффа — 19 цитат, из Илгази Рифата — более 250, из Иззета Моллы — более 150. Количество заимствован-

⁶ А. Н. Кононов. Очерк по истории изучения турецкого языка, Л., 1976, стр. 95.

⁷ Там же, стр. 94.

ных примеров зависит от жанра произведения — в художественной литературе фразеологизмы употребляются наиболее широко.

Фразеологический словарь Кемаля Эйубоглу — самый большой из существующих в тюркологии, он охватывает примерно 600-летний период. Если в прежних сборниках пословицы и поговорки просто фиксировались, то в книге Кемаля Эйубоглу почти каждый пример подкрепляется несколькими иллюстративными цитатами из произведений турецких авторов. Некоторые сочетания сопровождаются одним или двумя бейтами-цитатами, при других число иллюстративных примеров доходит до тридцати (!). Например, фразеологизм *başına gün doğmak* (стр. 63) 'быть счастливым' имеет 25 подтвердительных цитат, сочетание *el çekmek* (стр. 159) 'порвать отношения' — 33. К пословице *fırsatı fevt etme* (стр. 99) 'не упускай подвернувшегося случая' приведено 30 бейтов и четверостиший. Все это имеет большое значение для определения популярности того или иного сочетания, в установлении его частотности. С другой стороны, при подобной систематизации данных можно проследить семантическое развитие и авторско-индивидуальное употребление того или иного сочетания с XIII века до наших дней.

В конце книги даны два указателя, содержащие ценный материал источниковедческого характера. В частности, впервые вводится в научный обиход несколько произведений турецких авторов. Первый указатель приводит имя автора, название его произведения, шифр рукописи или печатной книги, откуда взяты примеры. Во втором указателе даются имена авторов, даты их жизни, сообщается, сколько примеров взято из их произведений с указанием страниц.

В целом сборник пословиц и идиоматических выражений Кемаля Эйубоглу — интересное явление в тюркологии.

Толковый фразеологический словарь Сабахата Эмира также построен по алфавитному принципу⁸. Источниками для этого словаря послужили произведения современных авторов. Из введения к словарю (стр. 7—25) и собственно словарного материала (стр. 31—307) видно, что Сабахат Эмир толкует фразеологию весьма широко. Поэтому в словаре наряду с семантически неделимыми устойчивыми сочетаниями идиоматического характера (типа *igne yutmuş* — стр. 163 'находиться в тяжелом положении', *kuşuğu dikmek* — стр. 204 'умереть', *tepesi atmak* — стр. 270 'сердиться', *ağız satmak* — стр. 45 'хвалиться', *göz boyamak* — стр. 138 'обмануть') встречаются и сочетания, состоящие целиком из слов со свободным значением: *göze girmek* (стр. 139) 'понравиться', *göze gelmek* (стр. 139) 'вспоминать', *öküz arabası gibi* (стр. 231) 'очень тяжелый', *mart havası gibi* (стр. 212) 'неустойчивый, как мартовская погода'.

Здесь же встречаются разные формулы проклятия и благословения: *ağzından yel alsın* (стр. 49) 'черт бы тебя побрал', *ağzı kurusun* (стр. 47) 'пропади ты пропадом', *allah için* (стр. 61) 'ради аллаха', *allah akıl versin* (стр. 60) 'пусть аллах образумит'.

Кроме того, в словаре помещены и идиоматические слова: *çıyan* (стр. 98) 'предатель', 'изменник', *hayvan* (стр. 153) 'скотина', *pankör* (стр. 220) 'неблагодарный', что противоречит самой авторской позиции. Сабахат Эмир утверждает: *deyim, birden fazla kelimenin meydana getirdiği anlamdır* (стр. 7) ['выражение (фразеологизм) представляет собой сочетание из более чем одного слова']. Примеры в словаре даны не последовательно. Значения одних фразеологизмов объясняются хорошо: *anası ağlamak* (стр. 66) 'испытать трудности', *baldırı çıplak* (стр.

⁸ *Sabahat Emir. Deyimler sözlüğü. İstanbul, 1977, genişletilmiş 4 baskı.*

83) 'распутный', о значении других автор дает лишь пояснение типа: «это выражение употребляется в таких-то случаях». Например, о значении сочетания *igne atsan yere düşmez* (стр. 163) говорится: «(это выражение) употребляется для обозначения очень тесного места». Приблизительно третья часть примеров снабжена иллюстративными материалами из произведений турецких авторов, причем фамилия и имя автора указываются сокращенно: В. Ф. (Burhan Felek), В. О. (Bertan Onaran): *уап уап bakmak* (стр. 289) 'смотреть косо': *Şişmana уап уап baktı*. В. Ф. 'Толстая (женщина) смотрела косо'. Однако большинство фразеологизмов не имеет подтверждающих цитат.

По структуре и по характеру подачи иллюстративных материалов близок к последнему словарю большой толковый фразеологический словарь Х. Фетхи Гёзлера⁹. Он содержит 6866 выражений турецкого языка. Одной из особенностей этого словаря, как пишет составитель, является демонстрация употребления фразеологизмов в контексте. Действительно, многие фразеологизмы снабжены иллюстрациями. Источником для них служили книги современных турецких авторов: Хусейна Рахми Гюрпинара (Hüseyin Rahmi Gürpınar), Кемала Тахира (Kemal Tahir), Решата Нури Гюнтекина (Reşat Nuri Güntekin), Халида Эдипа Адивара (Halide Edip Adivar), Рефик Халида Карая (Refik Halid Karay). В разделе переводной литературы примеры взяты из произведений Л. Н. Толстого, Мольера. Часть фразеологизмов вообще не имеет иллюстраций. Материал расположен в алфавитном порядке. Каждый фразеологизм снабжен кратким объяснением. Как и в упомянутых выше словарях, здесь встречаются самые различные сочетания: *çocuk işi* (стр. 116) 'детская работа', *burnu büyüklemek* (стр. 99) 'нос задирать', *demir yürekli* (стр. 123) 'мужественный', *eli uz* (стр. 151) 'искусный мастер', *gözü aç* (стр. 183) 'ненасытный', *kuş misali* (стр. 261) 'как птица (свободный)', *rahmeti rahmana kavuşmak* (стр. 313) 'умереть', *sevda çekmek* (стр. 327) 'сильно влюбиться', *son nefes* (стр. 334) 'последний вздох (перед смертью)', *suvi kesilmek* (стр. 342) 'иссякнуть', *şekil ve şemail* (стр. 347) 'общий вид', *taş yürekli* (стр. 354) 'жестокий', *tere batmak* (стр. 359) 'сильно вспотеть'.

Фразеологические варианты автор приводит отдельно. Например, *kap utmak* (стр. 231) 'страдать' и *kap utturmak* (стр. 231) 'заставить страдать', причем каждый из вариантов снабжается отдельной подтверждающей цитатой.

Кроме того, в данном словаре в отдельных многозначных сочетаниях перечисляются их значения: *ateşe tutmak* (стр. 58): 1) 'немного подогреть', 2) 'пускать снаряд'; *avans vermek* (стр. 59): 1) 'дать аванс', 'авансировать', 2) 'дать фору в таких играх, как шахматы, тавли (триктрак), билиард'; *baş başa vermek* (стр. 76): 1) 'быть сплоченным', 'взаимопомощь', 2) 'помощь', 'приходить на помощь'.

Одной из особенностей словаря является и то, что в нем отмечены редкие, малоупотребительные, не встречающиеся в других словарях, фразеологизмы, например: *kapına etmek doğramak* (стр. 232) 'радоваться чужому горю'.

Особо следует отметить работы турецкого ученого Омера Асима Аксоя. Более четверти века он успешно занимается собиранием и систематизацией пословиц, поговорок и фразеологизмов. За это время им издано несколько сборников пословиц и фразеологизмов¹⁰. При каждом

⁹ H. Fethi Gözler. Büyük deyimler sözlüğü. İstanbul, 1975.

¹⁰ Э. А. Умаров. Фразеологические словари тюркских языков. — «Советская тюркология», 1970, № 5, стр. 121—124.

переиздании ученым учитывается положительный опыт составления сборников подобного типа на других языках. Пример тому — последнее издание словаря пословиц и фразеологизмов¹¹. В понимании объекта фразеологии Омер Асим Аксой придерживается мнения своих турецких коллег. Поэтому в его словаре фразеологизмов представлены самые разнообразные сочетания.

В предисловии к сборнику Омер Асим Аксой подвергает довольно подробному анализу созданные до него словари подобного типа, объективно раскрывая их достоинства и недостатки. Автор четко разграничивает пословицы и поговорки от собственно фразеологизмов.

Фразеологический словарь Юсуфа Зия Бахадинли¹² принадлежит к типу толковых. По объему он не велик, содержит примерно 3400 сочетаний, расположенных в алфавитном порядке. Материалы словаря взяты из произведений современных турецких писателей и весьма пестры по характеру: *dişli tırnaklı* (стр. 45) 'очень сильный', *elinde kalmak* (стр. 51) 'не закончить работу', *fi tarihinde* (стр. 55) 'испокон веков', *harı başına vurmak* (стр. 63) 'худеть', *havanda su dövmek* (стр. 63) 'бездельничать', *ısbına bakmak* (стр. 67) 'уничтожить', *ipe çekmek* (стр. 69) 'повесить', *insan evlâdı* (стр. 69) 'хороший человек', *ilk göz ağrısı* (стр. 69) 'первая любовь', *kaşla göz arasında* (стр. 74) 'моментально', *teydanı atılmak* (стр. 83) 'выступить (первым), чтобы начать работу', *önüne düşmek* (стр. 87) 'показать дорогу', *rahat yüzü görmemek* (стр. 91) 'без удовольствия', *çürük çarık* (стр. 39) 'старье', 'старые вещи'.

В целом фразеологические словари турецкого языка представляют значительный интерес с точки зрения тюркской фразеологии и фразеографии, а также сравнительно-сопоставительного использования для других тюркских языков. В этих словарях часть материала, главным образом общетурецкая фразеология, дублируется, другие части дополняют друг друга. Их составители стремились охватить в своих словарях новые, до них не фиксировавшиеся, выражения и сочетания из разговорного языка, художественных произведений, из диалектов и устного народного творчества. При всех своих достоинствах эти словари имеют и ряд существенных недочетов. Следует всегда помнить, что фразеологический словарь — это прежде всего лексикографический труд, требующий строго филологического подхода. К сожалению, составители упомянутых словарей с недостаточной строгостью учитывают это положение. Поэтому в упрек им можно поставить следующее:

1. В подаче материалов словарей иллюстративного материала нет необходимой лингвистической строгости и единообразия.

2. Общим недостатком является также и то, что у самих составителей нет ясного и четкого представления о лексическом составе некоторых фразеологизмов, и они поэтому даются в разных вариантах. Например, в словаре Сабахата Эмира сочетание со значением «улучшить момент», «воспользоваться удобным моментом» имеет форму *dört ayak üzerine düşmek* (стр. 114), а в словаре Фатхи Гёзлера — *dört ayak üstüne düşmek* (стр. 136).

3. В словарях нет дифференциации авторско-индивидуальных и общенародных фразеологизмов. Поэтому некоторые авторские фразеологизмы, приведенные в словарных заголовках, могут быть приняты за общенародные.

¹¹ *Ömer Asım Aksoy. Atasözleri sözlüğü. Ankara, 1971.*

¹² *Y. Ziya Bahadınli. Türkçe deyimler sözlüğü. İstanbul, 1971.*

РЕЦЕНЗИИ

І. КЕҢЕСБАЕВ. ҚАЗАҚ ТІЛІНІҢ ФРАЗЕОЛОГИЯЛЫҚ СӨЗДІГІ

ҚАЗАҚ ССР-нің «ҒЫЛЫМ» БАСПАСЫ. АЛМАТЫ, 1977, 712 стр.

Большим событием в области изучения фразеологии тюркских языков явился выход в свет капитального труда академика Академии наук Казахской ССР С. К. Кенесбаева «Фразеологический словарь казахского языка». В этом исследовании обобщены результаты многолетней работы автора. Словарь содержит более десяти тысяч фразеологизмов, а также их варианты. Автор изучил многочисленные опубликованные и неизданные, хранящиеся в разных архивах и фондах, труды ученых, произведения писателей и казахских сказителей-акынов, прозаические эпические дастаны, дореволюционные и современные периодические издания, словари А. З. Будагова, В. В. Радлова, «Диван» Махмуда Кашгари, «Кутадгу билиг» и т. д.

В собранном автором богатейшем языковом материале нашла отражение многовековая история казахского народа и его культуры. Словарь отлично систематизирован; все фразеологизмы тщательно документированы, раскрыто их содержание, прокомментированы случаи и обстоятельства их употребления и т. д. В словаре подробно толкуются фразеологизмы, относящиеся к историческому прошлому, разъясняются многочисленные архаические элементы и сочетания, не понятные для современного читателя. Показательно, что смысл значительного количества фразеологических сочетаний, употребляющихся в разговорной речи, периодической печати, художественной литературе, зачастую не вполне ясен даже самим, употребляющим их, современным носителям казахского языка. Поэтому приведенные в словаре обстоятельные пояснения фразеологизмов имеют не только научное, но и большое практическое значение. С. К. Кенесбаев дает интересное толкование обширной группе фразеологизмов, относящихся, в частности, к шаманизму, мифологии, этнографии, что весьма ценно для изучения истории казахского народа и его языка. Многочисленные пословицы, поговорки, загадки, отдельные выражения, взятые из ка-

захских фольклорных эпических и лирических произведений, включают большое количество забытых в наши дни метких слов и сочетаний. Особенно много таких архаических элементов во фразеологизмах из эпических произведений акынов XVIII—XIX веков. При полном отсутствии соответствующей справочной литературы объяснения автора, данные им к включенным в словарь фразеологизмам, представляют большой интерес для массового читателя. В словаре снабжены специальными пометами также не всем понятные историзмы и диалектизмы. Словарь составлен в алфавитном порядке по первому компоненту фразеологического сочетания.

Ценность рецензируемого труда заключается еще и в том, что он не является обычным, чисто фразеологическим словарем. Строго документированные материалы словаря ярко раскрывают не только лексическое богатство казахского языка, включающего огромное количество исконно тюркских слов, но и их переносные значения, особенно наглядно выступающие во фразеологических сочетаниях. Многочисленные переносные значения казахских слов, зафиксированные в словаре, впервые получили здесь свое убедительное объяснение. Даже толковый словарь казахского языка в этом вопросе уступает рецензируемому. Поэтому материалы последнего должны быть использованы при последующих изданиях толкового словаря казахского языка. Эти материалы будут полезны также для исторического и даже диалектологического словарей. Несомненно, данный словарь может служить в известной мере образцом при составлении аналогичных словарей и по другим тюркским языкам.

Во всех советских тюркоязычных республиках фразеологизмы зафиксированы в основном в двуязычных и толковых словарях. Однако ни один из таких словарей не в состоянии охватить все фразеологическое богатство того или иного языка. Внимательное ознакомление с материала-

ми фразеологического словаря С. К. Кенесбаева убедительно показывает, что богатство языка может быть раскрыто только путем исследования его фразеологизмов.

В материалах рецензируемого словаря нашли отражение прежде всего названия, относящиеся к фауне, в меньшей степени — к флоре той территории, по которой некогда кочевали казахи, а также названия явлений природы, предметов кочевого быта, исторические термины, терминология родства и т. д.

Думается, что нет необходимости, да и нецелесообразно приводить в рецензии примеры фразеологизмов с переводом их на русский язык. Отдельные примеры, тем более их смысловые или дословные переводы, ничего здесь читателю не дадут. Поэтому позволим себе ограничиться лишь общими замечаниями и характеристиками.

Во включенных в словарь фразеологизмах широко представлены названия частей человеческого тела: *бас* 'голова' (166), *көз* 'глаз' (135), *аяқ* 'нога' (70), *ауыз* 'рот' (111), *қол* 'рука' (89), *құлақ* 'ухо' (67), *бет* 'лицо' (50) и т. д.

Очень ценными, с нашей точки зрения, в словаре являются толкования значений терминов, связанных с историческим прошлым казахского народа.

В образовании фразеологизмов казахского языка, наряду с исконно казахскими словами, на равных с ними правах участвуют и иноязычная арабская и персидская лексика, арабо-персидские составные слова и сложные сочетания, образованные по правилам арабской или персидской грамматики.

Обычно арабские и персидские слова, арабско-персидские составные слова и сложные словосочетания в тюркские языки проникали как в результате непосредственных контактов носителей этих языков, так и через литературу. В узбекском языке, например, появление арабских элементов связано с арабскими завоеваниями и распространением литературы на арабском языке. Многочисленные арабские лексемы, арабско-персидские составные и сложные языковые элементы вошли в узбекский язык посредством персидского и таджикского языков, содержащих (особенно персидский) большое количество арабских элементов.

Материалы фразеологического словаря С. К. Кенесбаева показывают, что в казахском языке вообще, и в языке устного народного творчества в частности, имеется значительное количество арабских и персидских слов, а также сложных сочетаний: *абыл-хаят* 'воды вечно жизни', *бақ-талай* 'счастье и судьба', *бақ шырағы* 'светоч счастья', *бақылдың бағы* 'счастье скупого', *жаппар құдай* 'могущественный бог', *қадым заман* 'старое время'; книжных слов: *балалат* 'совершеннолетие', *әзіз* 'дорогой', *аза* 'траур', *ақ* 'истина', *әлуан* 'множество', *алат* 'катастрофа', *аруақ* 'дух', *әділ* 'спра-

ведливость', *әнбие* 'пророки', *әуел* 'сперва', *зұлықар* 'меч Али — зятя Магомета', *қасірет* 'горе', *қауым* 'народ' и т. д.

В качестве примера приведем несколько сочетаний, содержащих арабские слова: *ақылы Аплатон* 'ученый' (по уму равный Платону), *араға Әзезіл кірді* 'шантажировал' ('вмешался сатана'), *әзелден жазған* 'предопределенный судьбой', *әзірет әлинің күші* 'очень сильный' ('силой, равный Али — зятю Магомета'), *әлімсақтан бері* 'с давних времен' ('со дня сотворения мира'), *бақиға кетті* 'умер' ('ушел в небытие') и т. д.

В казахский язык, в язык эпических произведений эти чисто книжные арабские слова и сочетания могли проникнуть в результате языковых контактов, в частности, из татарского языка. Казахский народ никогда не имел непосредственных контактов с арабами, а с персоязычными народами приходила в соприкосновение только незначительная часть казахов. Однако арабские и персидские элементы в казахском языке нашли широкое распространение, активно употребляются и в разговорной речи. Вопреки распространенному мнению, они не связаны с одной только религией. Более того, они отражают быт и культуру народа. Как показывают материалы словаря С. К. Кенесбаева, арабские слова, связанные с культурой и литературой, занимают в казахском языке большое место. Немало в их числе слов, не встречающихся и в татарском общенародном языке, фольклоре, несмотря на то, что татарский язык относится к старописьменным. Этот факт наглядно свидетельствует о том, что такие слова вошли в казахский общенародный язык не столько из языков соседних народов, сколько из письменной средневековой литературы, широко распространенной в тот период среди казахов. Не убедительно и утверждение некоторых авторов, считающих, что указанные лексические элементы вошли в казахский язык благодаря духовенству, кстати, у казахов весьма немногочисленному. Фразеологизмы создаются самим народом и принадлежат общенародному языку.

Известно, что Золотая Орда, основную массу населения которой составляли предки современных узбеков и казахов, была высокоразвитым по тому времени в культурном отношении государством, имевшим собственную письменную литературу самого разнообразного содержания. Однако после распада Золотой Орды казахские племена оказались разбедненными и вошли в состав Букеевского, Ногайского, Сибирского ханств, враждовавших между собой.

В период этих междоусобных войн безвозвратно погибли культурные ценности, созданные предками современных казахов. До нас дошла лишь незначительная часть рукописей более позднего времени. Все это убедительно опровергает высказывания некоторых ученых о том, что казахский на-

род в прошлом не имел письменности. Материалы фразеологического словаря С. К. Кенесбаева на конкретном языковом материале убедительно говорят об обратном.

К словарю приложены научный очерк о фразеологизмах казахского языка, пять таблиц о тамгах, календарях. В очерке детально разбираются различные виды фразеологизмов казахского языка, их варианты и синонимы, виды полисемии и омонимии, плеоназмы, перифразы. Автор подробно рассматривает семантические и структурные отличия пословиц и поговорок от различных других видов фразеологизмов, останавливается на стилистических особенностях фразеологизмов, на значении архаизмов, калек, синонимии, фразеологических сочетаний, включающих числительные. С. К. Кенесбаев подкрепляет свои утверждения иллюстрациями из исторических словарей, в частности словаря Махмуда Кашгари, «Кутадгу билиг» и других столь же авторитетных источников.

Большой интерес представляют таблицы тамг и календарей тюркоязычных народов, нашедших широкое отражение в казахских фразеологизмах. Как справедливо отмечает автор, фразеологизмы, в состав которых входят названия тамг и меток (на животных), имеют важное значение для изучения истории казахского народа и его языка. Составленный автором первый список содержит тамги из орхон-енисейских памятников VIII—X веков; второй список включает огузские тамги, зафиксированные в словаре Махмуда Кашгари. В третьем списке приводятся виды и названия тамг, а также названия племен, их боевые кличи, взятые из «Ахуалы Чынгыз хан». Весьма ценным для историков является список, содержащий названия родов, изображения и названия тамг (всего 68), принадлежащих казахским родам в XIX веке. В последнем списке сопоставляются тамги,

а также названия родов кара-ногаев и ак-ногаев, встречающиеся и у казахов.

Большой научный интерес представляют приложенные к словарю календари, могущие служить также пособием для счисления времени. Как известно, Махмуд Кашгари отмечал, что тюрки делили год не на месяцы, а на кварталы: на четыре сезона. По утверждению автора фразеологического словаря, следы такого счисления сохранились как у казахов, так и у западносибирских тюрков.

С. К. Кенесбаев упоминает и о втором способе счисления времени, существовавшем у орхон-енисейских тюрков и древних уйгуров. Это обычное порядковое счисление. Следы его, утверждает автор, сохранились у современных якутов и уйгуров.

Наконец, третий способ счисления — зодиакальный, существующий у многих народов под названием различных плеяд. В этом разделе автор приводит названия созвездий, зафиксированных в памятнике XI века «Кутадгу билиг».

Большое практическое значение имеет сравнительно-сопоставительная таблица русских, арабских и казахских названий месяцев с указанием соответствий и способов перевода из одного календаря в другой.

Автор указывает названия месяцев, употребляемые в отдельных областях Казахстана.

Словарь завершается списком сокращений, библиографией и индексом.

Приложения словаря имеют самостоятельную ценность и заслуживают отдельного опубликования вместе с некоторыми его статьями, носящими справочный характер. Рецензируемый словарь С. К. Кенесбаева — ценный вклад в тюркологическую науку.

Э. Н. Наджип

С. Н. ИВАНОВ. КУРС ТУРЕЦКОЙ ГРАММАТИКИ. ЧАСТЬ 2. ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛА

ИЗД-ВО ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.

Л., 1977, 88 стр.

Рецензируемая монография С. Н. Иванова, посвященная рассмотрению функционирования основных форм и категорий глагола в современном турецком литературном языке с позиций системно-диалектического подхода к языку, является продолжением

монографии автора «Курс турецкой грамматики. Часть первая» (рецензию см. «Советская тюркология», 1976, № 1). Методологические принципы интерпретации грамматических явлений, изложенные в предыдущей части «Курса», используются и в но-

вой работе для изучения форм и категорий турецкого глагола.

В монографии анализируются не все формы и категории турецкого глагола, а «рассматриваются лишь те вопросы, которые в наибольшей степени связаны с принципиальными теоретическими проблемами» (стр. 3), ставшие объектом споров в языкознании. В частности, это вопросы о природе залога, залоговом значении причастий, об индикативном, релятивном и переносном употреблении форм времени изъявительного наклонения, об особенностях проявления временного значения причастий и дееспричастий и др. Монография состоит из краткого предисловия, пяти глав: «Категория залога» (стр. 6—34), «Категория залога и причастия» (стр. 35—50), «Категория времени» (стр. 50—70), «Категория времени и причастия» (стр. 70—73), «Категория времени и дееспричастия» (стр. 74—82) и библиографии.

В предисловии автор подчеркивает, что целью его грамматических разработок является не «интерес к содержанию грамматической формы», а «интерес к системе грамматических фактов, к их внутренним (и поэтому не наблюдаемым непосредственно) связям, к уяснению того единства, которым регулируется многообразие» (стр. 4). Как и в первой части курса, автор стремится в новой работе свести многообразие конкретных фактов к гармоническому, внутренне противоречивому, диалектическому единству, объясняющему «внутренний скрытый механизм соотношения отдельных форм и их значений» (стр. 6).

Необходимо отметить, что рецензируемая монография содержит много новых, свежих мыслей; каждая рассматриваемая грамматическая форма или категория получает оригинальное толкование. Наиболее значимым для тюркского теоретического языкознания является исследование автором грамматического строя с последовательным и намеренным применением единых диалектических принципов. В качестве важнейших из них в первой части «Курса» были следующие: 1) системность, 2) включение каждой формы в два — «малый» и «большой» — ряда оппозиций, 3) противоречивая двойственность сущности языковой единицы, 4) субстанциальный характер грамматической формы. Поэтому мы ограничимся анализом проявления в формах и категориях глагола этих исходных положений грамматического исследования.

Системность и системные отношения в языке понимаются С. Н. Ивановым как диалектические отношения общего (система) и единичного (элемент). Система — это сеть отношений, в которую включается элемент, занимая в ней определенное место. Исходя из этого принципа, сущность каждой языковой единицы может быть определена только из характера ее взаимоотношений с другими элементами данной системы. По-

6*

следовательно проводя этот принцип, С. Н. Иванов объединяет рассматриваемые в монографии формы по характеру их взаимосвязи, в определенные ряды [ср.: выделения I и II подсистем времени (стр. 68—70), дееспричастий со значением образа действия и с семантикой обстоятельства времени (стр. 80), групп причастий, противопоставленных по временному значению (стр. 73) и по синтаксическим функциям (стр. 35) и др.].

Учитывая характер взаимосвязи форм внутри каждой группы, С. Н. Иванов объединяет их в «малые» (семантически противопоставленные) и «большие» (противопоставленные по синтаксическому признаку) ряды.

Выделение «больших» и «малых» рядов противопоставленности форм, являясь, несомненно, одним из существенных достижений системно-диалектического метода, выражает онтологическую двойственность самого языка, с одной стороны, как формы мышления, отражающей объективный мир, и поэтому мотивированной предметами (изменениями), свойствами и отношениями последнего, и с другой — как самостоятельной системы, сущность каждого элемента которой определяется исключительно внутрисистемными, внутриязыковыми отношениями. Поэтому каждая языковая единица имеет минимум две стороны — обусловленную отражением объективного мира и обусловленную внутрисистемными отношениями. Первая из упомянутых сторон языковых единиц более конкретна, семантически и «ясна», она более доступна непосредственному наблюдению. Поэтому с данной точки зрения грамматические формы являются оппозитивными в пределах малых (семантических) рядов. Ср.: противопоставление форм времени в их индикативном и релятивном употреблении (стр. 52—62), причастий на -ar, -miş, -an, -dik, -acak (стр. 71—72), дееспричастий на -ır, -arak, -a, -(ar)casına (стр. 74—77) и на -(ar)ken, -dikçe, -ınca, -alı (стр. 77—79); выделение возвратно-страдательного залога, с одной стороны, и понудительно-каузативного и взаимно-совместного — с другой (стр. 7—28), и т. д.

Оппозиция языковых единиц по их второй (синтаксической, системно обусловленной) стороне строится «на более далеких различиях семантико-синтаксического порядка» (стр. 69), не дана в непосредственном наблюдении, что и составляет «большой» ряд оппозиций формы. В больших рядах оппозиций по семантико-синтаксическим признакам противопоставляются друг другу единицы двух малых рядов, существующих в пределах одной категории.

Выявление двойного характера противопоставления каждой языковой единицы в пределах грамматической категории удачно объясняет и объединяет в закономерное диалектическое единство разнообразие, нередко прямо противоположные случаи

функционирования грамматических форм в речи, раскрывает природу грамматической многозначности тюркских словоизменительных аффиксов, позволяет видеть гармонию в «хаосе речевых оттенков значения». Ср., например, реализацию прошедшим временем на *-di* прямо противоположных, на первый взгляд, никак несводимых типов значения: 1) действие в прошлом «любой длительности и краткости» (стр. 56), 2) компактное однократное действие (стр. 62—63).

Функционирование формы простого прошедшего времени на *-di* в качестве универсальной формы прошедшего времени — независимо от характера протекания и времени совершения действия — обусловлено ее отношениями в пределах своего «малого» ряда, то есть среди форм, обозначающих время совершения действия по отношению к моменту речи. Значение же компактного, однократного действия определяется оппозицией формы на *-di* со сложными формами прошедшего времени, обозначающими время совершения действия по отношению к фону прошлого, то есть «большим» рядом оппозиций форм категории времени (стр. 57—62).

Включение каждой грамматической формы в два ряда, ее двойственное отношение к другим элементам языковой системы и к самой себе (как элемент «малого» и как элемент «большого» рядов оппозиций) теснейшим образом связаны с двойственной сущностью, противоречиво-диалектическим характером единства самой грамматической единицы. Ограничимся наблюдением проявления этой двойственности в функционировании залогов турецкого глагола в интерпретации С. Н. Иванова.

Рассматривая тюркские залогов как лексико-грамматическую категорию, автор подчеркивает: «Важно, однако, не просто признание лексико-грамматического характера категории залога... Необходимо четкое разграничение двух сторон сущности залоговых форм — лексического (словообразовательного) и грамматического (словоизменительного) начал — и объяснение их соотношения друг с другом» (стр. 6). Развивая мысли, высказанные в предыдущих работах, С. Н. Иванов дает следующее однозначное разграничение словообразовательного и словоизменительного в залоговых аффиксах: «Аффиксы вторичных глагольных основ изменяют объектную характеристику исходной основы, сообщая возникшей новой основе способность сочетаться с иными дополнениями (словообразование); эти же аффиксы обозначают характеристику субъекта действия исходной (непроизводной) основы (словоизменение)» (стр. 7). Далее (стр. 7—33) на примерах функционирования конкретных залоговых форм автор показывает условия и следствия реализации этих двух типов значения в залоговых образованиях как в диалектическом единстве, так и при той или иной степени нейтрализации одного из них;

соответственно этому он выделяет три соотношенных друг с другом типа значения в каждом залоговом аффиксе.

Именно грамматичность значения выраженности посредством исходной основы характеристики субъекта действия при производной основе доказывается также особенностями употребления форм страдательного и основного залогов в атрибутивном функционировании тюркских причастий. Этому вопросу посвящена специальная глава рецензируемой монографии (стр. 35—50).

С. Н. Иванову принадлежит открытие двух существенных особенностей тюркских причастий: во-первых, нейтральности тюркских причастных аффиксов по отношению к залоговому значению; во-вторых, возможности реализации в качестве определяемого причастной формы глагола всех полнозначных слов, способных реализоваться в позициях подлежащего, различных видов дополнения и обстоятельства при предикативном использовании данного глагола: ср.: узб. *ўққан қизим/китобим/мактабим/йилларим*. Использование же форм страдательного или основного залогов регулируется определенностью или неопределенностью (устраненностью) субъекта действия, выраженного исходной основой *уарасак işçigim* 'дела, которые я должен был бы выполнить'; *уариласак бир iş* 'дело, которое предстояло исполнить' (стр. 44—45). При определенности субъекта используется форма основного залога причастия, а при его неопределенности (устраненности) — форма страдательного залога.

Эти особенности тюркских причастий, которые вскрывают их специфическую тюркскую природу и проливают свет на сущность залоговых противопоставлений в причастиях и самих залогов, были открыты С. Н. Ивановым в 50-е годы¹ и давно уже признаны в тюркологии. Поэтому автор подвергает справедливой критике высказывания отдельных исследователей, неверно интерпретирующих данное явление (стр. 47—48).

Одним из важнейших методологических принципов в грамматических исследованиях С. Н. Иванова является субстанциальное понимание морфологии, иначе говоря «предполагается, что каждой грамматической форме свойственна определенная совокупность значений, образующая систему значений и что система значений той или иной формы, заложенная в ней, проявляется в многообразных отношениях данной формы, в ее функционировании» (стр. 3). Принцип грамматической субстанциальности в работах С. Н. Иванова основан на соотношении логико-диалектических катего-

¹ См.: С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка. Л., 1959; его же. Категория залога в определительных сочетаниях с формой на *-ган*. — «Вопросы языкознания», 1957, № 2.

рий предмета, свойства и отношения в их языковом преломлении. В рецензируемой монографии все частные (контекстуальные) типы значения грамматической формы сводятся в диалектическое — противоречивое единство, обеспечивающее целостность каждой формы. Это противоречивое единство, представляющее собой диалектическое общее (инвариантное) значение данной формы, обуславливает включение каждой грамматической формы минимум в два ряда оппозиций, грамматическую двойственность каждой единицы и двойственное отношение ее ко всем элементам своей системы и к самой себе, ее развитие и сохранение в ней консервативных элементов — следов прежних состояний.

Монография С. Н. Иванова приобретает особенно большое значение для развития современного тюркского языкознания именно сейчас, когда тюркологи ведут интенсивные поиски методов сведения многообра-

зия собранных усилием нескольких поколений ученых конкретных фактов к гармоническому единству. В работе наглядно показано, что достижение этой задачи возможно только в том случае, если исследователь вполне осознанно и последовательно придерживается на всех этапах лингвистического анализа диалектической методологии и четких, единых принципов грамматического исследования.

В заключение хочется подчеркнуть, что все авторские интерпретации и выводимые им общие и частные значения грамматических форм хорошо иллюстрированы в работе убедительными примерами из художественных произведений современных турецких писателей.

*М. М. Мирзаев, А. Б. Абдуллаев,
Б. Ш. Игамбердиев, Э. Киличев,
Х. Г. Нигматов, Н. Шукруллаев*

А. ШЕРМАТОВ. УЗБЕКСКИЕ НАРОДНЫЕ ГОВОРЫ КАШКАДАРЬИНСКОЙ ОБЛАСТИ

ИЗД-ВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР, ТАШКЕНТ, 1978, 144 стр.

В последнее время говоры узбекского языка изучаются особенно интенсивно. Опубликован целый ряд диалектологических исследований. В числе этих работ значительный интерес представляет рецензируемая книга А. Шерматова «Узбекские народные говоры Кашкадарьинской области».

Автор книги поставил перед собой задачу дать лингвгеографический очерк узбекского языка, уточнить границы соответственных изоглоссных явлений, характерных для всех диалектов и говоров, распространенных на территории Кашкадарьинской области, а также выделить собственно языковые явления, характерные для каждого говора, составить карты распространения диалектных явлений узбекских говоров низовья Кашкадарьи.

В монографии всесторонне характеризуются фонетическая, морфологическая и лексическая системы говоров низовья Кашкадарьи, приводятся убедительные доказательства того, что многие морфологические преобразования в слове являются следствием фонетических изменений. Собранные материалы автор обобщил и нанес на 137 карт, из которых только 16 вошли в книгу. А. Шерматов в своей работе учел опыт советских диалектологов по картографированию славянских и тюркских языков и, ис-

пользуя лингвгеографический метод, попытался определить границы распространения отдельных узбекских говоров низовья Кашкадарьи.

Работа состоит из введения, трех разделов и заключения.

Первый раздел «Фонетические и морфологические особенности узбекских говоров низовья Кашкадарьи» (стр. 11—89) посвящен уточнению отношений упомянутых говоров к памятникам древнетюркской письменности и староузбекского языка путем сравнения диалектных фактов говоров изучаемого региона с материалами исследования памятников древнетюркской письменности и староузбекского языка: енисейскими и орхонскими надписями, древнейшим тюркским литературным памятником «Покаянная молитва манихейцев», «Диваном» Махмуда Кашгары, «Кутадгу билиг», а также с особенностями языка среднеазиатского «Тефсира», найденного в 1914 году в городе Карши. Исходя из исторических данных, автор доказывает, что говоры низовья Кашкадарьи, имеющие четырнадцативековую историю существования на данной территории, явились теми диалектными источниками, которые сыграли значительную роль в становлении и развитии староузбекского литературного языка XV—XVI веков.

Как отмечается в книге, многовековой историко-лингвистический процесс — тесные контакты с другими языками (персидским, арабским, монгольским) — оставил глубокие следы в узбекских говорах данной территории.

Книга А. Шерматова является одним из первых исследований, сочетающих в себе монографический и лингвогеографический методы.

Во второй части первого раздела автор выделяет на территории Кашкадарьи три диалектные зоны с группами говоров:

1. Карлукская диалектная зона: а) говоры городского типа, б) говоры сельского типа.

2. Кыпчакская диалектная зона: а) говоры первого типа, б) говоры второго типа.

3. Разнородная диалектная зона: а) говоры первого типа, б) говоры второго типа.

Такое деление говоров на диалектные зоны производится в узбекской диалектологии впервые. Причем терминология, используемая автором, на наш взгляд, весьма удачна и оправдана.

Фонетические и морфологические особенности говоров трех названных диалектных зон подробно анализируются на основе сравнительно-исторического метода. Материалы исследуемых говоров сопоставляются с другими говорами узбекского языка, с узбекским литературным языком, с другими тюркскими языками: азербайджанским, туркменским, башкирским, татарским, тувинским, карачаево-балкарским и проч.

Второй раздел (стр. 90—116) посвящен лексике узбекских говоров низовья Кашкадарьи.

Автор указывает, что лексика диалектного языка низовья Кашкадарьи сложилась и развивалась различными путями, однако основу ее составили собственные языковые средства.

Согласно утверждению автора, лексика говоров Кашкадарьи состоит из двух пластов: общетюркского и заимствований.

Общетюркская лексика составляет основную пласт словаря говоров. Наряду с ней значительное развитие получила заимствованная лексика — из таджикского, арабского, русского, а через русский и из других языков. Слова и термины говоров низовья Кашкадарьи дифференцированы по значениям и исследованы по тематическим группам: названия предметов и явлений; слова, указывающие на время, место и состояние действия; слова, обозначающие качество и признаки предмета и действия; названия продуктов питания; названия, относящиеся к животному миру; слова, выражающие родственные отношения; названия частей человеческого тела; устойчивые словосочетания; пословицы и поговорки; выражения пожеланий здоровья и поздравления; ласкательные прозвища и благопожелания детям; проклятия; загадки; песни и др.

Третий раздел (стр. 117—140) посвящен картографированию соответствующих изоглоссных явлений, характерных для всех говоров, распространенных на исследуемой территории, фиксации собственно языковых явлений каждого из говоров и установлению ареалов этих явлений.

Диалектные явления картографированы автором по разделам: «Фонетика», «Морфология» и «Лексика». На основе материалов картографирования автором составлены 137 карт говоров низовья Кашкадарьи. Из них 2 карты общие, 34 — по фонетике, 22 — по морфологии, 79 карт — по лексике. Все карты снабжены соответствующими комментариями.

Картографирование произведено на основе личных наблюдений и полевых записей, которые автор вел в течение пятнадцати лет в более чем 200 населенных пунктах на территории Кашкадарьинской области.

Основными единицами диалектного членения узбекских говоров данного региона А. Шерматов считает: диалектную зону, группу говоров и отдельный говор. За критерий членения принята совокупность фонетических, лексических и грамматических признаков, характерных для исследованных говоров.

В книге дан всесторонний, в том числе и лингвогеографический анализ узбекских говоров, что позволило автору впервые в узбекской диалектологии составить лингвистический атлас группы узбекских говоров определенной территории. Соответствующие явления говоров диалектных зон изучены путем сравнения говоров данной территории между собой и с другими узбекскими говорами как городского, так и сельского типа, а также с узбекским литературным языком — основой определения взаимодействия говоров.

В книге дан всесторонний, в том числе и лингвогеографический анализ узбекских говоров, что позволило автору впервые в узбекской диалектологии составить лингвистический атлас группы узбекских говоров определенной территории. Соответствующие явления говоров диалектных зон изучены путем сравнения говоров данной территории между собой и с другими узбекскими говорами как городского, так и сельского типа, а также с узбекским литературным языком — основой определения взаимодействия говоров.

А. Шерматов — один из опытных и ведущих специалистов в области узбекской диалектологии, многие годы посвятивший изучению языков и диалектов.

Составленный им «Атлас говоров низовья Кашкадарьи» является неотъемлемой частью «Атласа узбекских народных говоров», работа над которым ведется уже многие годы, и будет использован также для составления «Диалектологического атласа тюркских языков СССР».

Диалектологический атлас узбекских говоров низовья Кашкадарьи поможет разрешить ряд общих вопросов, связанных с исторической диалектологией и сравнительным изучением тюркских языков, ибо говоры данной территории обладают системой изоглосс родственных (среднеузбекский и кыпчакский диалекты) и неродственных языков. Атлас позволяет также определить область распространения йекающих, джекающих и двуязычных языковых особенностей, сыгравших основную роль в формировании общепнародного узбекского языка на данной территории.

Глубокое знание истории, этнографии, древнетюркского и староузбекского языков, широкое использование тюркологической

литературы позволили автору создать капитальное диалектологическое исследование, которое, несомненно, следует расценить как существенный вклад в узбекскую диалектологию. Рецензируемая книга с интересом и

пользой будет прочитана также диалектологами, исследующими и другие тюркские языки.

М. И. Исламов, Р. Д. Магеррамова

«АРХЕОГРАФИЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ ЮЖНОГО УРАЛА»

УФА, 1977, 159 стр.

Сборник содержит двадцать статей, обзоров и публикаций, связанных с проблемами издания и интерпретации (особенно в лингвистическом плане) письменных памятников, относящихся преимущественно к южноуральской зоне. Проблематика издания широка и многообразна, помещенные в нем материалы вводят в научный обиход новые факты и ставят задачи дальнейшего изучения письменных памятников Южного Урала в связи и в сравнении с тюркскими памятниками других регионов.

Открывающая сборник статья С. Н. Муратова «Из опыта описания тюркских рукописей (К вопросам о схеме и типах описаний, систематизации и каталогизации)» посвящена анализу работы по описанию рукописей на тюркских языках, хранящихся в Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук СССР. Этот опыт имеет весьма важное значение для новых описаний тюркских и иных рукописей, сосредоточенных в разных хранилищах и пока еще не изученных.

Статья Т. М. Гарипова «Транскрипция или транслитерация? (О принципах текстологического воспроизведения арабографичных источников на урало-поволжском „тюрки“)» носит установочный характер применительно к южноуральскому региону. Автор высказывается за единые принципы издания памятников Южного Урала на арабской графике. В настоящее время эти публикации в указанном отношении весьма разнородны, что видно и по материалам рецензируемого сборника.

Статья Г. Ф. Благовой «Лингвотекстология как подраздел текстологии» знакомит читателя с опытом русской текстологии и результатами, полученными при анализе тюркских текстов из Средней Азии: после нескольких вводных цитат из книги Д. С. Лихачева «Текстология (На материале русской литературы X—XVII вв.)» (М.—Л., 1962) и изложения некоторых общих положений текстологической науки автор делится рядом интересных конкретных

наблюдений, сделанных ею в процессе работы над рукописями сочинений Бабура. Опыт текстологического анализа этих памятников, несомненно, будет полезен и для развития текстологии южноуральского региона.

Статью И. Г. Галяутдинова «Роль текстологии в лингвистическом анализе письменных памятников (На материале „Тарих наме-и булгар“ Таджетдина Ялсыгулова)», на наш взгляд, целесообразнее было бы назвать в соответствии с ее содержанием: «Рукописи сочинения „Тарих наме-и булгар“ Т. Ялчыгулова» или «Текстологические наблюдения над рукописями...». В статье необходимо было указать, что одна из описанных рукописей (рукопись «Ж» по обозначению И. Г. Галяутдинова; рукопись В-3492 из собрания Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР) публикуется в этом же сборнике (стр. 123—138), но уже под названием «Таварих». Следовало также отметить, что по-татарски рассматриваемый автор именуется «Ялчыгул»¹, а по-башкирски — «Ялсыгулов».

Интересный фактический материал иллюстрирует положения статьи Р. Х. Халиковой «Исторические документы как источник изучения истории башкирского языка», где ставятся задачи выделения башкирских элементов в письменных памятниках на *тюрки* Урала и Поволжья конца XVIII—XIX века, связанных с историей башкирского народа.

К сожалению, в сборнике не нашлось места для лингвистического и текстологического анализа такого своеобразного источника сведений по истории башкир, как *шежере*, которые зачастую используются исследователями без критического подхода к текстам.

¹ М. А. Усманов. Татарские исторические источники XVII—XVIII веков. Казань, 1972, стр. 159—166.

В статье В. Х. Хакова «Кыпчакские письменные памятники как источник изучения истории татарского языка» содержатся лишь параллели тюркско-арабского словаря XIII века, изданного М. Хаутсмой (именно так должна писаться и склоняться по-русски эта фамилия, как, например, у В. В. Бартольда, учитывавшего фламандское звучание этого антропонима), к фактам современного татарского языка, обычно без учета материала других тюркских языков. Есть отдельные неточности: форма *وچاق* *wiṣāq* оригинала читается неправильно — *унач* (стр. 61), так же как это сделано в издании, посвященном анализу памятника². Автор, как видно, предполагает, но не аргументирует специально, близкую связь между словарем XIII века и татарским языком. Текстологическая сторона совершенно обойдена, не указываются также недочеты упомянутого издания. Думается, что название статьи должно было бы полнее соответствовать ее содержанию. Вместе с тем фактический материал статьи представляет определенный интерес.

В статье Ф. С. Хакимзянова «О приемах интерпретации болгарских эпиграфических текстов» язык названных памятников характеризуется как особый язык ритуально-характера, но не указывается, к какому диалекту он относится. Впрочем, доказательства этого предположения в статье отсутствуют. Вызывает возражение неаргументированная, даже ошибочная трактовка консонантного начального *вава* без предшествующего *алифа* (*و* , или просто *و*) как обозначения лабиализованного гласного *о*- (в других случаях *б*-) (стр. 69 и 71). В последнее время была предпринята новая попытка рассматривать чувашский согласный *в*-, ранее считавшийся вторичным протетическим, как архаизм, а не инновацию³. В связи с этим показания современного чувашского языка нельзя игнорировать. Начальный согласный *в*- отмечается также в отдельных болгарских вкраплениях старых кыпчакских словарей (например, в издании М. Хаутсмы). Трактовка Ф. С. Хакимзяновым начального *و* , как *о*-, на наш взгляд, неудачна тем более, что сам Ф. С. Хакимзянов считает «наличие полушироких лабиализованных гласных в на-

чальной позиции» проблематичным (стр. 69, 71).

В статье М. А. Ахметова «Орхоно-енисейские памятники и их отношение к современному башкирскому языку» сопоставление данных языка древнетюркских рунических памятников с фактами современного башкирского языка носит довольно поверхностный характер. Многие положения статьи не иллюстрируются примерами. Язык рунических памятников для исследования истории башкирского языка может использоваться лишь как своеобразный фон (так же как, например, данные алтайского или киргизского языков).

Обширную информацию содержит статья Р. З. Шакурова «„Отводная книга по Уфе“ (1591, 1592—1626 гг.) как источник по топонимии Башкирии». «Отводная книга» фиксирует с обозначением гласных формы топонимов для конца XVI — начала XVII века. Автор отмечает своеобразие русского оформления посессиных топонимов.

В статье А. А. Камалова «„Лексикон, или словарь топографический Оренбургской губернии“ П. И. Рычкова — источник по ономастике Башкирии XVIII в.» не приводится полного названия описываемого труда, весьма тесно связанного с «Топографией Оренбургской» того же автора. Полезна была бы публикация чрезвычайно интересного «Лексикона» П. И. Рычкова.

Небольшая заметка Р. А. Каримовой и Т. А. Кильдибековой «Некоторые вопросы изучения лексики русского народно-разговорного языка» содержит тематическую подборку лексики из публикаций Сектора источниковедения и издания памятников Института русского языка Академии наук СССР и с южноуральским ареалом фактически не связана. В подобного рода работах желательно не ограничиваться простым приведением материала из словоуказателей, а следует дать его более углубленный анализ на фоне других работ и источников.

Интересен материал статьи З. Г. Ураксина «„Инжил“ как источник изучения башкирского языка». Автором приведена в качестве образца фотокопия одного отрывка (Лука, XV, 4—9), однако нет ссылки на автора, главу и стихи. Работа З. Г. Ураксина — один из редких опытов анализа миссионерских изданий на тюркских языках.

Заметка Л. Л. Аюповой «Источники изучения русско-башкирских языковых контактов» в целом носит предварительный характер, как бы переключаясь своим содержанием со статей Р. Х. Халиковой.

Статьи Л. Ф. Гавриковой «Личный архив члена-корреспондента Академии наук СССР А. К. Боровкова» и З. Г. Ураксина и С. М. Шингаревой «Обзор личного фонда врача и ученого-филолога М. А. Куласва» дают краткую характеристику архивов ученых в связи с их научной и общественной деятельностью. В заметке М. Ф. Рахимкуловой «Научное наследие Г. А. Айда-

² А. К. Курышжанов. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. — «Тюркско-арабского словаря». Алма-Ата, 1970.

³ И. Г. Добродомов. Тюркизмы славянских языков как источник сведений по исторической фонетике тюркских языков (К вопросу о развитии так называемого протетического согласного *у*- в тюркских языках). — «Советская тюркология», 1974, № 2, стр. 34—43.

рова» основное внимание сосредоточено на общественной и литературной деятельности Г. А. Айдарова.

Статьи, посвященные архивным фондам, выделены в отдельный раздел «Обзоры».

В разделе «Публикации» помещены четыре сравнительно небольших текста.

Первая научная публикация текста «Таварих» Т. Ялсыгулова, подготовленная И. Г. Галяутдиновым, недостаточно хорошо соотносена со статьей того же автора, содержащей краткое описание рукописи и расшифровывающей принятые в публикации сокращения.

В комментарии В. Ш. Псянчина к переизданию «Рассказа о смелом царе» Мир-Салиха Бекчурина («Батыр батшаның экиәте») не указано, по какому изданию или списку осуществлена публикация и почему сделан именно этот выбор. К сожалению, автор не аргументировал предложение им чтение *батыр* 'смелый' вместо чтения *Петр*, данного в цитате из Н. И. Ильминского. Необходимо было бы также отметить строки и страницы оригинала в публикации В. Ш. Псянчина и дать факсимиле хотя бы одной страницы.

Публикация С. Ф. Миржановой «Рукопись баита „Буранбай“» содержит сведения по истории записи популярной башкирской песни «Буранбай», ее текст по старей-

шему списку (в факсимиле и транскрипции) и русский перевод.

Завершает сборник публикация Р. Х. Халиковой «Документы госархива Оренбургской области на „тюрки“». Во вводных замечаниях указано, что в сборнике издаются два документа конца XVIII — начала XIX века, но фактически опубликованы факсимиле с транскрипцией и переводом двух документов 1809 и 1832 годов. Тексты были бы желательны снабжать не только публикаторскими, но и современными самим текстам переводами, если таковые имеются. Это дало бы ценный материал и для истории перевода деловых документов с тюркских языков на русский. В публикации Р. Х. Халиковой по неизвестной причине вместо этнонима *кыргызлар*

(стр. 149, 150), четко видного на факсимиле в транскрипции фигурируют *кыргыз-казақлар*, а в переводе модернизированное — *казахи*.

Сборник в целом дает определенное представление о современном состоянии южноуральской археографии и текстологии (особенно башкирской) и перспективах их дальнейшего развития. Материалы сборника при всех указанных недочетах представляют значительный интерес для филологов и историков.

И. Г. Добродомов

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ СИСТЕМ»

1—3 февраля 1979 года в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР (Новосибирск) состоялась конференция «Сложное предложение в языках разных систем», организованная Отделом языков народов Сибири. Сотрудниками и аспирантами отдела проводится коллективное сопоставительное исследование принципов организации и типологии сложного предложения в языках разных систем. Первые результаты исследования были доложены в прошлом году на конференции «Проблема связей в сложном предложении», также состоявшейся в Новосибирске. Участники нынешней конференции подвели итоги работы отдела за год, заслушали доклады ученых из разных городов, работающих в этом же направлении, обсудили некоторые теоретические вопросы.

Большая часть докладов была посвящена синтаксису языков народов Сибири — тюркских, тунгусо-маньчжурских и монгольских, а также синтаксису русского и некоторых европейских языков.

В докладе *М. И. Черемисиной* (Новосибирск) «О типах полипредикативных конструкций» была рассмотрена типология полипредикативных предложений по следующим параметрам: 1) бифинитность — монофинитность (в зависимости от оформления предиката зависимой части — финитное, как в главной, или инфинитное); 2) наличие — отсутствие аналитического показателя связи между частями; 3) наличие — отсутствие отдельного субъекта действия в каждой из частей конструкции (моносубъектные — немоносубъектные конструкции); 4) при наличии отдельного субъекта зависимой части — форма называющего его имени: прямой (именительный, неоформленный, основной) или косвенные падежи. Составленная докладчиком таблица по данным языков разных систем показывает, например, что основное различие между языками алтайского и индоевропейского типа проходит по линии бифинитности — монофинитности.

В ряде докладов исследовался полипредикативный синтаксис малоизученных письменных тюркских языков Сибири. *А. В. Есипова* (Новокузнецк) подвергла анализу структуру определительных конструкций шорского языка. *В. И. Рассадин* (Улан-Удэ) изложил свои наблюдения над основными типами связи между зависимой и главной предикативными единицами в тофаларском языке: бессоюзной, синтетической и аналитической. *Г. Г. Фисакова* (Кемерово) на материале языка бачатских телеутов подробно рассмотрела как союзные, так и бессоюзные средства связи.

Синтаксису якутского языка посвятили доклады *Ю. И. Васильев* (Новосибирск), рассмотревший конструкции, которые образует показатель *күрдүк* с разными причастными формами, и *Н. Н. Ефремов* (Якутск), предложивший семантическую классификацию якутских темпоральных конструкций. Разработанный им метод исчисления типов временных отношений между главной и зависимой предикативными единицами — разных видов одновременности, следования, предшествования — может быть применен для описания полипредикативных конструкций во многих малоизученных языках Сибири.

На конференции были представлены также доклады по другим алтайским языкам. *Л. М. Бродская* (Иркутск) на материале эвенкийского языка показала, что деепричастный предикат зависимой части, прежде всего передающий темпоральное отношение между главной и зависимой предикативными единицами, может выражать и собственное, внутреннее временное значение зависимой части — этим свойством обладают, в частности, деепричастия на *-рак* и *-чала*.

Л. М. Горелова (Новосибирск), описав общую систему функций причастий в эвенкийском языке, подробно остановилась на функции зависимого предиката, которая характеризуется наличием при причастии падежного аффикса. В этом пункте пересекаются функции причастия и деепричастия,

и поэтому возникает вопрос о категориальной принадлежности некоторых глагольных форм — деепричастие или падежная форма причастия. Докладчик высказался и о критериях их разграничения.

В близком к предыдущему по теме докладе *Е. К. Скрибник* (Новосибирск) на материале бурятского языка рассматривались конструкции, в которых падежный аффикс вводит зависимую причастную предикативную единицу в позицию одного из членов предложения главной части (дополнение, обстоятельство). Такие позиции открывают возможность семантического слияния причастного и падежного аффиксов и перехода причастно-падежной формы в деепричастие.

На конференции были заслушаны также доклады, посвященные разным типам сложного предложения в русском и английском языках.

Доклады были широко обсуждены. При обсуждении была выдвинута проблема исследования аналитических показателей связи, их типов и роли в разных видах конструкций.

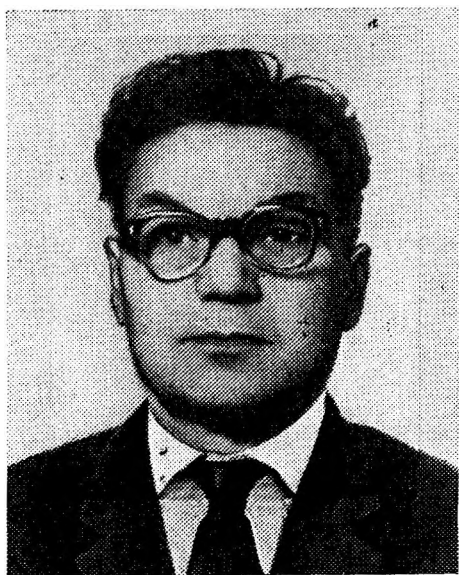
Выступившие на конференции подчеркнули, что обмен мнениями по различным вопросам теории был чрезвычайно полезным, и высказались за регулярное проведение подобных конференций.

Е. К. Скрибник

PERSONALIA

ЭМИР НАДЖИПОВИЧ НАДЖИП

(К восьмидесятилетию со дня рождения)

10 марта 1979 года исполнилось 80 лет со дня рождения и 60 лет научно-педагогической деятельности видного советского тюрколога — исследователя средневековых тюркских литературных языков, лексиколога и лексикографа, члена Советского Комитета тюркологов, доктора филологических наук Эмира Наджиловича Наджипа.

Признанный знаток истории тюркских литературных языков, истории литературы, культуры и быта тюркоязычных народов Средней Азии, Казахстана и Поволжья, Э. Н. Наджип уже в ранней юности начал усваивать казахский, татарский, уйгурский, русский языки, стал читать разнообразную литературу на татарском, турецком, арабском и персидском языках. Будучи студентом механико-технологического института в г. Барнауле, Э. Н. Наджип выпустил сборник стихов, проникнутых романтикой

революции (Семипалатинск, 1917). Вскоре он был направлен в Москву, в Институт живых восточных языков, где его учителями стали М. О. Аттая, М. А. Гафаров, В. А. Гордлевский, Б. В. Миллер. Здесь Э. Н. Наджип изучает турецкий, арабский, персидский, а также средневековые тюркские литературные языки. Именно тогда определился его глубокий интерес к истории тюркских языков и тюркоязычных литератур. Будущий ученый занялся также изучением персоязычной литературы в Средней Азии. Уже в студенческие годы Э. Н. Наджип стал преподавать в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), а в 1921 году в составе Комиссии ВЦИК и СНК по делам Крыма принял участие в осуществлении культурных преобразований в крае. Окончив в 1923 году Институт живых восточных языков по турецкому и персидскому разрядам, Э. Н. Наджип направляется в Бухарскую народную республику, где организует первое государственное издательство, ведет преподавательскую работу и выполняет обязанности заместителя ответственного редактора газеты «Азад Бухара» («Свободная Бухара»).

В 1924—1933 годах Э. Н. Наджип работает в Москве, Самарканде и Ташкенте в Центральном издательстве народов СССР, возглавляя сначала казахскую секцию, а затем среднеазиатский сектор, в Таджикском и Узбекском государственных издательствах, где руководит редакционно-издательскими отделами, преподает в Среднеазиатском хлопково-ирригационном политехническом институте, а после его реорганизации — в Среднеазиатском институте инженеров и техников ирригации, заведует здесь объединенной кафедрой языков и литератур. В этот период Э. Н. Наджип переводит на узбекский язык ряд трудов классиков марксизма-ленинизма, снабжая переводы терминологическими словарями, комментированными перечнями собственных имен; им же были переведены все стабильные учебники для средней школы по мате-

матике, физике, химии, а также вузовские учебники по химии, физике, теоретической механике; несколько учебников для средней школы им были переведены на каракалпакский язык.

Э. Н. Наджип с увлечением занимается также составлением узбекских и каракалпакских отраслевых терминологических словарей по научно-техническим дисциплинам — они публиковались в свое время в журналах и печатались отдельными выпусками.

В 1933—1939 годах Э. Н. Наджип заведует критико-библиографическим бюро Партиздата при ЦК ВКП(б), а также тюрко-татарским сектором ГУГСК НКВД, обеспечивавшим тюркоязычные республики учебными и политическими картами и атласами. В 1936—1937 годах Э. Н. Наджип преподаёт тюркские языки Средней Азии в Институте красной профессуры по истории, советскому строительству и праву при ЦИК СССР, а также узбекский язык на Центральных курсах редакторов и переводчиков произведений классиков марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) и каракалпакский язык в Государственном институте театрального искусства. Им были созданы орфографический и отраслевые терминологические словари каракалпакского языка, подготовлены перечни географических названий Каракалпакии. Наряду с этим Э. Н. Наджип как руководитель западно-сибирского и таджикского секторов Центрального Комитета нового алфавита принимает активное участие в разработке новых алфавитов и принципов орфографии для тюркских языков Западной Сибири и таджикского языка.

После открытия Узбекского филиала Академии наук СССР начинается период особенно интенсивной научно-организационной работы Э. Н. Наджипа: с января 1940 года — ученый секретарь Института языка, литературы и истории Узбекского филиала Академии наук СССР, с января 1941 года — заместитель директора, с января 1942 года — директор Института, а с апреля 1944 года — директор Издательства Академии наук Узбекской ССР. Он возглавляет также такое важное, имеющее большое культурно-политическое значение, дело, как перевод узбекской письменности на русскую графику, уделяя в связи с этим особое внимание вопросам орфографии, подготовке орфографического словаря узбекского языка. Э. Н. Наджип принимает непосредственное участие в составлении первых в Советском Узбекистане русско-узбекского и узбекско-русского словарей.

Неизменный интерес Э. Н. Наджипа к проблеме слова в тюркских языках, творческое участие в создании на них научно-технической терминологии наблюдения над развитием всех слоев лексики явились предпосылкой для написания ученым такого исследования, как «Лексика современной уйгурской прессы», ставшего его кандидат-

ской диссертацией, которую он успешно защитил в 1944 году.

Важное место в научной деятельности ученого всегда занимала педагогическая работа. С 1944 года он преподавал уйгурский язык в Военном институте иностранных языков Советской Армии, с 1945 г. — на филологическом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова — уйгурский, турецкий, казахский, а на историческом факультете — турецкий и арабский языки, с 1949 года был сотрудником кафедры дальневосточных языков Института внешней торговли.

С этого времени начинается и период напряженных научных исследований Э. Н. Наджипа. Превосходный знаток старых тюркских рукописей и старотюркской литературы, Э. Н. Наджип впервые создает на филологическом факультете МГУ курс по истории тюркоязычной литературы народов Средней Азии и спецкурсы по классическим памятникам литературы Средней Азии и их поэтике, на историческом факультете — курс по классическому османскому языку, в Московском институте востоковедения, где начинает преподавать с 1949 года, — теоретический курс уйгурского языка. В эти годы печатаются учебники Э. Н. Наджипа по уйгурскому языку для студентов I—V курсов вузов, положительно оцененные прессой¹.

В эти же годы ученый подготовил обширное монографическое исследование — учебник по истории тюркоязычной литературы Средней Азии, с приложением фототипически воспроизведенных фрагментов из рукописей средневековых сочинений, их транскрипции, а также историко-сравнительного словаря (объем 40 а. л., ответственный редактор Н. К. Дмитриев). К сожалению, в связи с преобразованием в 1956 году восточных отделений филологического и исторического факультетов МГУ в Институт восточных языков (ИВЯ) при МГУ издание этого уникального труда не было осуществлено.

С 1956 по 1958 год Э. Н. Наджип вел в ИВЯ теоретический курс уйгурского языка, а также спецкурсы по средневековым памятникам тюркоязычных литератур.

В течение долгих лет Э. Н. Наджип возглавлял аспирантское объединение восточного отделения филологического факультета МГУ, где учились многие представители тюркоязычных республик, а также Таджикской ССР. Аспиранты тех лет навсегда запомнили заботливую требовательность и справедливую взыскательность Э. Н. Наджипа, систематически выступавшего с подробным разбором любой диссертационной работы, всегда щедро делившегося с ними своими обширными познаниями. Под

¹ См., например, рецензию А. И. Дубинского: «Rocznik Orientalistyczny», 1955, № 4 (16), стр. 463—465.

непосредственным руководством ученого было успешно защищено свыше десяти кандидатских диссертаций. Многое сделал Э. Н. Наджип и как оппонент диссертантов, как научный консультант-рецензент Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР.

С 1954 года Э. Н. Наджип работает в должности старшего научного сотрудника Института языкознания, а с 1958 года — Института востоковедения Академии наук СССР. В эти годы он завершил начатую еще в 1944 году работу над большим «Уйгурско-русским словарем» (М., 1968). За пятнадцать лет, в течение которых составлялся этот словарь, неоднократно изменялась уйгурская орфография в Синьцзяне, и всякий раз составитель вынужден был заново пересматривать и систематизировать свою картотеку. Составленный на основе арабской графики и снабженный весьма точной транскрипцией на основе русского алфавита, словарь Э. Н. Наджипа включает в себе огромное лексическое богатство — около 33 тысяч слов. Полнота разработки словарных статей дополняется широким охватом производных слов, включая и диалектные, богатством иллюстративного материала (пословицы и поговорки, фразеологизмы и устойчивые словосочетания). Все перечисленные достоинства, как и превосходное знание заимствований, поставили, по общему признанию, многолетний труд Э. Н. Наджипа в один ряд с лучшими словарями этого типа².

«Уйгурско-русский словарь» и подготовленное Э. Н. Наджипом в тот же период монографическое описание грамматического строя языка уйгуров Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР («Современный уйгурский язык», М., 1960) обогатили советское востоковедение полным описанием этого языка.

Огромное внимание уделялось Э. Н. Наджипом истории старотюркских литературных языков, с определенного времени ставшей ведущим направлением в его исследованиях. В 1961 году Э. Н. Наджип издает текст «Мухаббат-наме» Хорезми (конец XIII — начало XIV века), снабдив его транскрипцией и переводом; комментарии ученого к тексту фактически переросли в обстоятельное исследование языка памятника («Хорезми, Мухаббат-наме», М., 1961)³.

В 1965 году Э. Н. Наджип закончил обширное исследование «Кыпчакско-огузский

литературный язык мамлюкского Египта XIV века», написанное в историко-сопоставительном плане с привлечением более чем двадцати средневековых литературных памятников и исторических словарей, созданных в Египте и Золотой Орде. В том же году это исследование было успешно защищено Э. Н. Наджипом в качестве докторской диссертации.

С 1958 года продолжается интенсивная работа Э. Н. Наджипа над четырехтомным «Историко-сравнительным словарем тюркских языков XIV века». В иллюстративной части словарных статей автором широко привлекаются материалы как ранних, так и более поздних памятников средневековья, а также данные живых тюркских языков. Выход в свет первого тома словаря запланирован на текущий 1979 год; второй и третий тома сданы в производство; завершена подготовка и четвертого тома.

На основе обширной картотеки, составленной Э. Н. Наджипом по всем доступным литературно-языковым памятникам средневековья, им подготовлен также четырехтомный «Исторический словарь тюркских языков XI—XIV веков», рекомендованный к печати первым пленумом Советского Комитета тюркологов.

В 1975 году вышел из печати в Алма-Ате новый труд Э. Н. Наджипа «Тюркоязычный памятник XIV века „Гулистан“ Сейфа Сарай и его язык». Это ценное исследование также построено на языковом сопоставлении большого числа золотоордынских и мамлюкско-египетских литературных текстов. Эта книга ученого включает историко-литературоведческое исследование «Гулистана», описание лексико-морфологических особенностей его языка (часть 1-я), а также глоссарий, сопровождаемый подробным анализом лексики; в качестве приложения приводятся арабский текст и транскрипция наиболее яркой восьмой главы сочинения, газели современника Сейфа Сарай и ответы поэта на них, оригинальные газели поэта (часть 2-я). Все упомянутые работы по истории тюркских литературных языков подготовлены и изданы под редакцией академика А. Н. Кононова.

В многочисленных научных статьях Э. Н. Наджипа, опубликованных в последние годы, трактуются различные проблемы истории старотюркских литературных языков, вопросы лингвотекстологического исследования рукописей памятников средневековой литературы и т. д. Огромную по объему лексикографическую и лексическую работу Э. Н. Наджип сочетает с исследованием грамматики старотюркских литературных языков; в ближайшие планы ученого входит описание грамматики языка «Кутадгу билиг» (XI век).

Э. Н. Наджип — деятельный участник всесоюзных и международных конгрессов и конференций, совещаний и симпозиумов, член-корреспондент Турецкого лингвистического общества. В соответствии с реше-

² См.: «Orientalistische Literaturzeitung». 67. Jahrgang. 1972, № 3/4, стлб. 161—163; «Türkiyat mecmuası». cild XVI. Istanbul, 1971.

³ См. об этом: G. Clauson. The Muhabbat-nāma of Xwārazmī. — «Central Asiatic journal». 1962, vol. VII, № 4, стр. 242.

нием Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик при Президиуме Академии наук СССР и по приглашению республиканских академий наук он неоднократно читал лекции и выступал с докладами перед ученой аудиторией по проблемам тюркского языкознания, по истории тюркских языков (Алма-Ата, Ташкент, Ашхабад, Баку, Казань). Являясь научным консультантом Института востоковедения Академии наук СССР, Э. Н. Наджип продолжает активно работать в области подготовки научных кадров и повышения их квалификации⁴.

Коллеги ученого и его многочисленные благодарные ученики желают Эмиру Наджиповичу доброго здоровья, дальнейших успехов в работе, свершения его новых творческих замыслов.

Г. Ф. Благова

⁴ См. также: Э. Фозилов, Ш. Шукуров, Э. Умаров. Заҳматкаш олим. — Газета «Ўзбекистон маданияти» от 27 февраля

1979 г.; Ш. Зайнутдинов. Раскрывая тайны веков. — Газета «Правда Востока» от 13 марта 1979 г.

Х Р О Н И К А

ПЯТОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ

6 марта 1979 года в Москве состоялось пятое пленарное заседание Советского Комитета тюркологов.

Заседание открыл председатель Комитета академик А. Н. Кононов (Ленинград). Он сообщил о безвременной кончине видного советского тюрколога, профессора Виктора Васильевича Решетова, действительно члена Академии педагогических наук СССР, заслуженного деятеля науки Узбекской ССР. Прекрасный знаток узбекского языка и его диалектов, В. В. Решетов до последних дней жизни руководил Узбекским республиканским институтом русского языка и литературы.

Участники V пленарного заседания Советского Комитета тюркологов почтили память В. В. Решетова минутой молчания.

С отчетным докладом о работе Советского Комитета тюркологов за истекший 1978 год выступил заместитель председателя Комитета Э. Р. Тенишев (Москва). Отметив, что Советский Комитет тюркологов вступил во второе пятилетие своей научно-организационной деятельности, докладчик сделал краткий обзор работы в области тюркологии за прошедший год и ознакомил участников заседания с выполнением плана работ Комитета за тот же период, проводимых совместно с научно-исследовательскими учреждениями республиканских академий наук. Высказав пожелание, чтобы работа в области литературоведения и истории была освещена специалистами, Э. Р. Тенишев сосредоточил свое внимание, главным образом на трудах тюркологов-языковедов.

Из работ по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков докладчик назвал первую работу А. М. Щербака¹, в которой дано описание общетюркских категорий имени, а в ряде случаев и реконструированы пратюркские состояния. К этой работе примыкают «Очерки сравнительной морфологии алтайских языков» (Л., 1978), в значительной своей части выполненные Д. М. Насиловым и И. В. Кормушиним. В этом же ряду было названо издание перево-

да исследования В. Л. Котвича «Местонаимения в алтайских языках» (перевод с французского В. И. Цинциус и Ф. Д. Ашнина)². В минувшем году продолжалось также издание памятников, имеющих отношение к истории тюркских языков, проводилось лингвистическое описание тюркоязычных памятников с использованием как традиционных для тюркологии приемов, так и новой методики³.

Контрастивные исследования проводились на базе гагаузского⁴, татарского, чувашского, а также узбекского и индоевропейских языков⁵. По-прежнему большое внимание уделялось изучению диалектов и говоров различных тюркских языков⁶. Устойчивый интерес проявляют ученые к разработке проблем фонетики, морфологии⁷ и синтаксиса тюркских языков. Продолжалось изучение синтаксиса разговорной речи⁸. Институтом истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР предпринято обследование способов выражения полипредикативности в языках Сибири (в том числе и в тюркских языках) в сопоставлении с русским⁹.

Тюркологи приступили к составлению морфемных словарей отдельных тюркских языков¹⁰. Вышел в свет второй том «Этимологического словаря тюркских языков» Э. В. Севортяна (М., 1979). Из переводных словарей издан трехязычный киргизско-русско-английский словарь на шесть тысяч слов¹¹. Исследуется монгольский слой в топонимии Горно-Алтайской автономной области¹².

Самостоятельное развитие получают тюркская лингвистическая стилистика¹³ и лингвистическая текстология, а также источниковедение в целом¹⁴.

Издается большое количество лингвистических сборников¹⁵. В 1978 году вышли в свет три «Тюркологических сборника», причем два из них (за 1974 и 1975 годы) посвящены соответственно А. Н. Самойловичу и С. Е. Малову¹⁶. К разделу историографии

следует отнести также указатель литературы по каракалпакскому языкознанию¹⁷.

В 1978 году завершено издание «Казахской советской энциклопедии» в двенадцати томах. Заканчивается составление «Киргизской советской энциклопедии».

Далее Э. Р. Тенишев остановился на тематическом обзоре докторских и кандидатских диссертаций, защищенных в 1978 году или же подготовленных к защите. Докторские диссертации в истекшем году были посвящены общим проблемам диалектологии¹⁸, лексикологии¹⁹, топонимики²⁰, исследованию вопросов синтаксической синонимии²¹.

В кандидатских диссертациях, подготовленных в 1978 году, исследовались вопросы истории тюркских языков²², отдельные грамматические категории в том или ином языке²³, синтаксические проблемы (нередко в контрастивном аспекте)²⁴. Наибольшее внимание соискателей ученой степени кандидата филологических наук в 1978 году привлекали проблемы лексикологии и фразеологии²⁵.

По мнению докладчика, информация об изданных за год книгах и о подготовленных к защите диссертациях сможет стать исчерпывающей только в том случае, если Советский Комитет тюркологов будет располагать их обязательными экземплярами, которые он надеется получить от авторов книг и соискателей ученых степеней.

В аналогичном положении находится и информация о научно-организационной работе республиканских тюркологических центров. Советский Комитет тюркологов еще раз обращается к руководителям институтов академий союзных республик с настоятельной просьбой присылать в Комитет копии годовых отчетов о научно-исследовательской и научно-организационной деятельности. К настоящему времени Советский Комитет тюркологов располагает всего лишь тремя такими отчетами — Института языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР, Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР, Института истории, языка и литературы им. Н. Давкараева Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР.

О научно-исследовательской работе этих институтов очень кратко можно сказать следующее. В Институте языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР изучаются вопросы культуры речи азербайджанского народа (в том числе язык районных газет, язык переводных произведений, вопросы сценической речи), проблемы стилистики современного азербайджанского литературного языка (в частности, языковые особенности научного, официального, эпистолярного стилей). Продолжают разрабатываться научные основы грамматического строя современного азербайджанского литературного языка: вышел

в свет первый том трехтомника «Современный азербайджанский язык». Изучается синтаксис азербайджанской разговорной речи, а также язык фольклора (в частности, язык загадок). Ведется сравнительное изучение морфологии юго-западной группы тюркских языков. Исследуется история азербайджанского языка: дописьменный период — по иноязычным источникам и историческая грамматика — по материалам азербайджанских письменных памятников XIV—XIX веков.

Обследуются говоры азербайджанского языка на территории Дагестанской АССР, а также восточная группа говоров Азербайджана. Подготовлена монография «Диалекты и говоры азербайджанского языка». Составляются последний том толкового словаря и фразеологический словарь азербайджанского языка, азербайджанско-русский словарь, а также инверсионный словарь азербайджанского языка. Изучаются ономастика азербайджанского языка, история формирования и развития его терминологии. Готовится грамматика русского языка на азербайджанском языке.

В Институте языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР продолжается изучение языковой и стилиевой структуры татарской прозы и поэзии (XIX—начало XX века), а также роли художественной прозы в развитии татарского литературного языка. По-прежнему уделяется большое внимание татарской диалектологии: составляются двухтомные «Диалектологический атлас татарского языка» и монография «Татарские диалекты», изучаются татарские говоры на территории юго-западной Башкирии и говор крещеных татар. В плане истории татарского языка ведется исследование языка древнеписьменных памятников — волжско-булгарских эпитафий XIII—XIV веков и булгарских письменных памятников в целом, текстов армяно-кыпчакской письменности XVI—XVII веков, памятников деловой письменности XVIII века (пугачевский период). Лексикологи и лексикографы Института заняты составлением трехтомного татарско-русского словаря; в печати находится толковый словарь татарского языка; изучаются профессиональная лексика татарского языка, а также гидронимия Закамья ТАССР. Обследуется взаимодействие между лексикой татарского и финно-угорских языков Поволжья (термины мифологии и календаря).

В Институте истории, языка и литературы им. Н. Давкараева Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР продолжаются исследования по синтаксису каракалпакского языка, составляется фразеологический словарь, изучаются письменные памятники истории науки и культуры каракалпакского народа.

Тематика, разрабатываемая в названных тюркологических центрах, является типич-

ной для республиканских академических институтов: в каждой из тюркоязычных союзных республик изучаются структура, функционирование и история соответствующего национального языка.

На фоне общего состояния тюркологических исследований в стране, Э. Р. Тенишев доложил о выполнении в 1978 году плана работ, проводившихся Советским Комитетом тюркологов совместно с научно-исследовательскими учреждениями академий наук союзных республик.

1. Одной из важнейших коллективных работ является составление «Диалектологического атласа тюркских языков Советского Союза» (ДАТЯ). Руководитель работы — М. Ш. Ширалиев; руководители зональных разработок — М. И. Исламов, Л. Т. Махмутова, Ш. Ш. Шаабдурахманов, Е. И. Убрытова; составители — диалектологи союзных и автономных республик, краев, областей; научный консультант по картографированию — М. А. Бородин.

До недавнего времени каждая тюркоязычная республика, край, область работали самостоятельно. Так, по диалектам азербайджанского языка было прослежено пятнадцать изоглоссных явлений [соответствующие материалы на международном фонетическом алфавите (далее — МФА) подготовлены для картографирования]. По татарским диалектам (с охватом шестнадцати татарских сел) подготовлены для картографирования материалы тридцати трех вопросов из «Вопросника «Диалектологического атласа тюркских языков СССР. (Проект)» (М., 1969). По диалектам каракалпакского языка составлено сто сорок диалектологических карт. Перед составителями ДАТЯ стоит задача обобщить собранные материалы по единой методике в таблицы, разработать единые условные обозначения для предстоящего картографирования; с этой целью разработан новый вариант карты-основы разных масштабов.

2. В целях кооперирования работы региональных исполнителей ДАТЯ в рамках единой методики совместными усилиями Советского Комитета тюркологов и Комиссии по лингвоэтногеографии Географического общества СССР (председатель Комиссии — А. Н. Кононов, заместитель председателя — М. А. Бородин) создан постоянный Семинар по тюркской лингвистической географии для составителей тюркских языковых атласов, разработан примерный план рабочих встреч составителей ДАТЯ.

8—10 февраля 1978 года был проведен очередной семинар по тюркской лингвистической географии в рамках IV расширенного рабочего симпозиума «Ареальные исследования в этнографии и языкознании». В работе семинара приняли участие 37 диалектологов из тюркоязычных союзных и автономных республик, краев, областей, ведущие представители лингвистической географии Ленинграда и Москвы. Руководителями четырех зон ДАТЯ была дана следующая

информация о проделанной работе: а) выбран окончательный вариант сетки опорных пунктов ДАТЯ; б) диалектные материалы переведены на МФА (в переработке Л. В. Щербы со специальными добавлениями В. М. Наделяева); в) отработана единая методика составления сводных таблиц, системы условных знаков и нанесения их на карту. На семинаре были проведены практические занятия по составлению сводных таблиц, упорядочению системы условных знаков и картографированию.

3. В целях создания единой системы условных знаков для всего объема картографируемых явлений, с одной стороны, и единообразной трактовки собранных материалов²⁶, с другой — признано целесообразным периодически проводить совещания и рабочие встречи руководителей четырех зон ДАТЯ, а также организовывать поездки ведущих лингвогеографов страны на места для проведения консультаций и чтения лекций в тюркологических центрах.

В сентябре 1978 года С. В. Смирницкая (Ленинградское отделение Института языкознания Академии наук СССР) провела цикл консультаций для составителей ДАТЯ зоны В (Средняя Азия и Казахстан) и прочитала цикл лекций по лингвогеографии.

20—22 декабря 1978 года в Ташкенте состоялось рабочее совещание представителей трех зон ДАТЯ (исполнитель — Институт языка и литературы им. Пушкина Академии наук Узбекской ССР). Под руководством М. И. Исламова подготовленные материалы объединялись в сводные таблицы и разрабатывался язык карт: условные обозначения приняты для вопросов № 124—128, 130—134 раздела «Фонетика», по многим вопросам раздела «Лексика». К следующему совещанию представителей всех зон ДАТЯ, проведение которого намечено на май 1979 года, предложено представить сводные таблицы по зонам для следующих вопросов: из раздела «Фонетика» — вокализм (№ 1—29); из раздела «Лексика» — *мать, дерево*; из раздела «Морфология» — склонение имен (винительный и родительный падежи безличного склонения), времена и наклонения глагола (настоящее и будущее времена, 2-е лицо единственного и множественного числа повелительно-желательного наклонения), причастия.

4. Для международной коллективной темы «Лингвистический атлас Европы» (ЛАЕ) подготовлены материалы по 167 вопросам первого «Вопросника» ЛАЕ (с охватом десяти татарских сел Татарии). В совещании главной редакции ЛАЕ (Марбург, апрель 1978 года) участвовал Э. Р. Тенишев; было произведено пробное картографирование и обсуждены пробные карты.

5. Обрабатываются материалы, добытые в полевых экспедициях по теме «Рунические надписи Монголии» (подготовка второго тома «Корпуса древнетюркских памятников»). Исполнители: Тюрко-монгольский кабинет Ленинградского отделения Инсти-

тута востоковедения Академии наук СССР (С. Г. Кляшторный), Отдел письменных памятников народов Востока Института востоковедения Академии наук СССР (Д. Д. Васильев).

6. Для составления «Корпуса эпиграфических (булгарских) памятников Поволжья» ведется сплошное фотографирование названных памятников, делаются эстампы (готовый материал составляет примерно 3 а. л.); собранные данные обрабатываются (3 а. л.). Исполнитель: Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР (Ф. С. Хакимзянов).

7. В целях подготовки «Корпуса северокавказских рунических памятников» сфотографировано 38 памятников (всего 47 фотографий, то есть подготовлен весь иллюстративный материал по всем известным в настоящее время памятникам региона). Надписи частично дешифрованы; разработана специализированная транскрипция. Исполнитель: Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт истории, языка, литературы и экономики (С. Я. Байчоров).

8. 11—12 сентября 1978 года в Москве Сектором тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР была проведена конференция по сравнительно-исторической морфологии тюркских языков, в которой приняли участие тюркологи Азербайджана, Башкирии, Татарии, Туркмении, Узбекистана, Ленинграда, Москвы, Новосибирска, Саратова. Было прочитано и обсуждено двадцать пять докладов. Об итогах конференции на заседании Бюро Отделения литературы и языка Академии наук СССР доложил Э. Р. Тенишев (19 сентября 1978 года).

9. На состоявшемся 2—6 октября 1978 года в Ташкенте совещании был избран оргкомитет III Всесоюзной тюркологической конференции 1980 года, разработана ее организационная структура и намечены мероприятия по подготовке конференции. Исполнители: Ленинградское отделение Института востоковедения Академии наук СССР, Академия наук Узбекской ССР, Сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР.

10. В целях регулирования долгосрочного планирования тюркологических исследований по языкознанию в академических центрах союзных республик в настоящее время анализируется собранная Сектором тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР лингвистическая тематика, запланированная для исследования в текущем пятилетии. Помимо случаев дублирования тем и мелкотемья, выявлены также весьма расплывчато и неопределенно сформулированные темы, что не позволяет судить ни о методике проведения намеченных исследований, ни о теории, на которой основывается их разработка. Неопределенность тем позволяет исполнителю произвольно обращаться с объектом

своего исследования. Так, например, в работе «Очерки по глаголу тюркских языков юго-западной группы» предполагается изучить глаголы речи и глаголы зрительного восприятия, тогда как другие тематические группы глагола остаются не охваченными; планируется также исследование условного и повелительного наклонений и «наклонения намерения»; а такое первостепенное по значению наклонение, как изъявительное, почему-то оставляется без внимания. Столь же произволен выбор объекта исследования в монографии под названием «Некоторые особенности синтаксического строя... языка» (это модальные, двусоставные, односоставные и сложносочиненные предложения, чужая речь). Аналогичные замечания могут быть высказаны и относительно темы «Некоторые проблемы фразеологии... языка».

11. Участие в перспективном планировании тюркологических исследований по литературоведению и фольклористике в академических центрах союзных республик намечено в плане исследовательских работ, составленном Комиссией по координации научных исследований по востоковедению при Институте востоковедения Академии наук СССР (Х. Г. Короглы, Л. Р. Концевич).

12. К совместной работе с проблемной комиссией по теории и истории литературных языков Института языкознания Академии наук СССР, возглавляемой М. М. Гухман, привлечены историки тюркских литературных языков из Азербайджана, Башкирии, Казахстана, Татарии (исполнители: Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благава). Они выступали на заседаниях комиссии с докладами, сообщениями, участвовали в обсуждении выступлений.

13. В связи с тем, что в 1980 году в Ташкенте будет проведена III Всесоюзная тюркологическая конференция, в составе которой предполагается работа подсекции фольклористики, симпозиум на тему «Взаимосвязи эпического творчества Средней Азии и Казахстана», запланированный к проведению в Ташкенте в 1979 году, переносится на 1981 год.

14. Из числа мероприятий, не планировавшихся Советским Комитетом тюркологов на 1978 год, следует назвать проведенную совместно с Советом по фольклору и Институтом мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР конференцию «Проблемы эпического творчества тюркских и монгольских народов» (Элиста, июнь 1978 года). В работе конференции приняли участие фольклористы почти из всех тюркоязычных республик, а также Москвы, Ленинграда и Сибири. Было заслушано более сорока докладов по стилистике, поэтике, типологии и взаимосвязям эпоса.

Э. Р. Тенишев отметил увеличение в тюркском языкознании числа исследований по истории тюркских языков, составляющих важное направление научно-исследовательской работы. Сюда же относятся алтаисти-

ческие разработки, проводимые пока только в Секторе алтайских языков Ленинградского отделения Института языкознания Академии наук СССР. Докладчик считает необходимым дальнейшее расширение и углубление алтаистических исследований, постепенное внедрение алтаистической тематики в перспективные планы республиканских отраслевых институтов.

Вместе с тем Э. Р. Тенишев отметил и ряд недостатков в изучении языков древних и средневековых письменных памятников; следовало бы интенсивнее изучать историю тюркских литературных языков, особенно ранних периодов. По-прежнему актуальным остается повышение филологического уровня лингвистических исследований, на что в свое время было указано А. Н. Кононовым²⁷.

В заключение докладчик призвал тюркологов активнее внедрять в практику своей работы предлагаемые современной теоретической лингвистикой идеи и методы исследования, и в первую очередь расширить ареальные, лингвогеографические и типологические исследования, вплотную заняться компонентным и валентным анализом, методиками грамматических оппозиций, семантического анализа слова и предложения и т. д.

Руководитель коллективной работы по составлению ДАТЯ М. Ш. Ширалиев (Баку) в докладе «О состоянии работы над „Диалектологическим атласом тюркских языков Советского Союза“» подробно рассказал о предыстории подготовки к составлению ДАТЯ, подчеркнув роль академика В. М. Жирмунского, своевременно поставившего вопрос о необходимости этого атласа, работа над которым открыла новый этап в развитии тюркской диалектологии²⁸.

По отчетному докладу Комитета и докладу М. Ш. Ширалиева развернулись прения.

Х. Г. Короглы (Москва) рассказал членам Советского Комитета тюркологов о деятельности, главным образом энциклопедической, фольклористов-тюркологов за истекший год. В продолжающихся сериях выпускались памятники фольклора на Алтае, в Башкирии, Татарии; отдельные фольклорные произведения опубликованы в Казахстане, Киргизии, Туркменин, Азербайджане, Узбекистане.

В Туркменин и Узбекистане ведется работа над многотомными историями национальных литератур; к настоящему времени вышли в свет уже по три тома. Определенные успехи в деле издания монографических литературоведческих исследований достигнуты в Азербайджане, Узбекистане, Казахстане, где уделяется много внимания росту соответствующих научных кадров.

Большую помощь в подготовке через аспирантуру литературоведов для тюркоязычных республик оказывает Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР. Сектор научного серийно-

го издания эпоса этого института подготовил и издал цикл эпических произведений (в том числе туркменских, узбекских, казахских, алтайских, башкирских), снабдив их переводами на русский язык. В настоящее время готовятся академические издания азербайджанского, казахского, хакаского, киргизского эпосов.

По мнению Х. Г. Короглы, Советским Комитетом тюркологов не уделяется должного внимания литературоведению и фольклористике; возможно, это связано с тем, что в составе Комитета мало тюркологов-специалистов по этим отраслям.

Х. Г. Короглы отметил, что республиканские отраслевые институты и другие тюркологические центры недостаточно информируют Советский Комитет тюркологов о проводимой ими научно-исследовательской и научно-организационной работе. До сих пор лишь единичными институтами присылаются в распоряжение Комитета копии институтских годовых отчетов. Х. Г. Короглы предложил также, чтобы организаторы отраслевых конференций в отдельных республиках приглашали на них специалистов и из других тюркологических центров, в том числе — из Москвы и Ленинграда, или хотя бы заранее извещали о том или ином предстоящем научно-организационном мероприятии.

Е. И. Убрятова (Новосибирск) в своем выступлении по отчетному докладу дала дополнительную информацию об исследовательской и научно-организационной деятельности тюркологов Сибири.

В последние годы, сказала Е. И. Убрятова, мы начали пожирать плоды того, что заложил А. П. Дульзон в области изучения языков Сибири, в том числе и тюркских, и чему мы старались способствовать по мере наших сил (особенно после его кончины). Только через Лабораторию экспериментально-фонетических исследований (ЛЭФИ) при Институте истории, филологии и филологии Сибирского отделения Академии наук СССР прошло около двадцати пяти аспирантов и соискателей ученых степеней из числа сотрудников местных научных учреждений и преподавателей вузов Сибири, в первую очередь Томского педагогического института. Поэтому у нас сложились хорошие творческие связи с научными институтами и вузами. Приведу только один пример. В феврале текущего года нам прислали на отзыв проект алфавита для долганских учебников, составленный долганской писательницей Е. Е. Аксеновой. В связи с этим по нашей просьбе в Новосибирск были командированы З. П. Демьяненко (Томский пединститут), Н. П. Бельтюкова и Т. М. Кашеверова (Томский университет). Вместе с этими специалистами, а также В. М. Надеяевым, Н. Н. Широковой, В. Н. Порфирьевым (сотрудником сектора северных школ Института национальных школ Министерства просвещения РСФСР,

долганом по национальности) проект Е. Е. Аксеновой был тщательно изучен, а затем на основании опыта издания ею своих произведений на долганском языке, наших записей на этом языке и результатов проведенных в свое время исследований — подготовлен уточненный проект, снабженный необходимыми иллюстративными материалами и рекомендациями. Была также экспериментальными методами обследована фонетика долганского языка. Картотека в 20 тысяч слов, составленная З. П. Демьяненко, представляет собой сейчас реальную основу для создания долганско-русского словаря. Проблемы долганского языка исследовались в свое время и в нашей кандидатской диссертации.

В отделе филологии Института истории, филологии и философии СО АН СССР очень мало специалистов по языкам народов Сибири, а тюркологов всего четверо, из них двое в ЛЭФИ (В. М. Наделяев и И. Я. Селютин). Поэтому большие теоретические темы могут ставиться только при условии использования аспирантов и активного участия научных сотрудников из институтов и преподавателей вузов. Заслуга покойного профессора А. П. Дульзона в том и заключается, что он привлек к изучению языков народов Сибири своих учеников — преподавателей иностранных языков. Их участие в изучении языков народов Сибири постепенно расширяется, будучи включено в план научной работы кафедр сибирских вузов и местных научных институтов.

В секторе языков народов Сибири отдела филологии Института истории, филологии и философии СО АН СССР разрабатываются три следующие коллективные темы:

1. Диалектологический атлас тюркских языков СССР. IV. Тюркские языки Сибири.

14—16 апреля 1979 года намечено провести совещание участников сибирской зоны ДАТЯ с целью обсуждения методики обработки материалов по морфологии и продолжения составления обобщающих таблиц. Подготовлен по плану Кемеровского университета и в ближайшее время выходит в свет очередной выпуск «Языков народов Сибири», в котором публикуются несколько статей по ДАТЯ, таблицы и материалы к атласу.

2. Изучение звукового строя языков народов Сибири. Руководитель работы: заведующий Лабораторией экспериментально-фонетических исследований (ЛЭФИ) В. М. Наделяев, исполнители: аспиранты ИИФФ СО АН СССР и соискатели ученой степени из сибирских вузов. По тюркским языкам завершены монографии о консонантизме языка долган и кумандинцев. Продолжается экспериментально-фонетическое исследование вокализма языка долган, вокализма и консонантизма шорского языка и языка челканцев. В 1979 году в Горно-Алтайске вышла монография М. Ч. Чумакаевой «Консонантизм алтайского языка», подготовленная в ЛЭФИ.

3. Исследование сложного предложения в языках разных систем. Руководитель работы: профессор М. И. Черемисина. В разработке темы участвуют сотрудники Института истории, филологии и философии СО АН СССР.

Проводится предварительная разработка отдельных проблем сложного предложения на материалах разных языков, в том числе тюркских: алтайского, башкирского, казахского, тувинского, шорского, якутского, чему посвящены статьи в разных сборниках. Вышел в свет специальный сборник «Способы выражения полипредикативности» (Новосибирск, 1978).

Б. Х. Кармышева (Москва) рассказала о работе над «Историко-этнографическим атласом Средней Азии и Казахстана», которая ведется сектором Средней Азии и Казахстана Института этнографии Академии наук СССР при участии республиканских академий наук. Предполагается, что атлас будет иметь три выпуска: I. Хозяйство, II. Одежда, III. Жилище [вопрос о выпуске IV (Ремесло) пока остается открытым].

В настоящее время завершается работа над первым выпуском: составляются сводные карты и очерки по каждой теме, в которых путем сравнительного анализа обобщаются собранные данные. Второй выпуск планируется завершить к 1983 году. Работа над третьим выпуском начнется в 1981 году.

Историческая направленность составленного атласа позволит глубже разработать проблемы этногенеза тюркских народов Средней Азии и Казахстана, а также истории их культуры.

А. Т. Кайдаров (Алма-Ата) сообщил, что в конце мая 1979 года в Алма-Ате состоится I Республиканская уйгуроведческая конференция на тему «Актуальные проблемы советского уйгуроведения». Работа конференции, помимо двух пленарных заседаний, будет проходить по трем секциям: языкознания — основная проблема обсуждения «Уйгурский язык в развитии и функционировании»; литературоведения и искусствоведения — основная проблема «Классическая уйгурская литература и современное развитие литературы и искусства»; истории и этнографии — основная проблема «Великий Октябрь и уйгуры».

Предполагается также в 1979 году провести расширенное заседание ученого совета Института языкознания Академии наук Казахской ССР с участием языковедов других научных учреждений и вузов Алма-Аты, посвященное казахскому литературному языку.

Н. А. Баскаков (Москва) отметил, что прослушанные доклады дали полную информацию о больших и эффективных результатах, достигнутых советской тюркологией в 1978 году. Им был высказан ряд практических предложений. По мнению Н. А. Баскакова, на пленарных заседаниях Советского Комитета тюркологов целесооб-

разно заслушивать и обсуждать теоретические доклады по актуальным проблемам тюркологии, освещать перспективы разработки важнейших вопросов теории и практики тюркского языкознания, литературоведения, истории.

Теоретически невысокий в целом уровень диссертационных (главным образом, кандидатских) работ по тюркскому языкознанию ставит на повестку дня вопросы планирования и координирования их тематики. Н. А. Баскаков предлагает Комитету принять на себя разработку тематики кандидатских и докторских диссертаций. В целях координирования желательно, чтобы тюркологические центры, занимающиеся подготовкой научных кадров, присылали Комитету списки рекомендуемых диссертационных тем.

Н. А. Баскаков остановился также на вопросах, связанных со скорейшим изданием сводного труда «Диалекты тюркских языков Советского Союза», сборника статей, посвященного столетию со дня рождения академика В. А. Гордлевского, русского перевода «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгарского. Он обратил внимание собравшихся на тот факт, что кабинет В. А. Гордлевского из-за отсутствия надлежащего помещения находится в весьма незавидном состоянии.

А. Н. Кононов сообщил о переводе А. Р. Рустамовым на русский язык всех трех томов лингвистического сочинения Махмуда Кашгарского. В настоящее время А. Р. Рустамов завершает весьма трудоемкую работу по составлению четырех индексов. Самим А. Н. Коновым подготовлена вступительная статья к этому изданию.

Касаясь издательских проблем, А. Н. Кононов отметил, что в текущем году ожидается выход в свет книги К. Менгеса «Восточные элементы в „Слове о полку Игореве“». По поводу ускорения издания «Диалектов тюркских языков Советского Союза» он предложил официально обратиться в Редакционно-издательский совет Академии наук СССР (РИСО) к академику П. Н. Федосееву.

Т. М. Гарипов (Уфа) в своем выступлении поднял важный вопрос об унификации общего терминологического фонда в тюркских языках и координации усилий многочисленных республиканских терминотворческих органов под эгидой бюро Советского Комитета тюркологов.

Т. М. Гарипов доложил участникам пленума о достижениях башкирских тюркологов за шестьдесят лет существования Башкирской автономной республики. Главным из них, по его мнению, является завершение «Академической грамматики башкирского языка» (объем — 50 а. л.). Внимание собравшихся привлекло также сообщение о первом новооткрытом руноподобном памятнике с территории Башкирии (Южный Урал), дешифровка которого уже начата.

Л. Г. Офросимова-Серова (Москва) затронула сложный вопрос о тиражировании тюркологических изданий. Из-за недостаточного количества заявок год назад под угрозой оказалось издание книги В. И. Рассадина «Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении», в том же положении в настоящее время находится книга Р. М. Бирюкович «Фонетика чулымско-тюркского языка». Первый том «Этимологического словаря тюркских языков» Э. В. Севортяна был издан тиражом 5 тысяч экземпляров, второй том — 3 200 экземпляров. Поэтому вопрос о тираже третьего и последующих томов при подобном методе тиражирования внушает серьезные опасения.

А. Н. Кононов подчеркнул, что метод заявок при определении тиража не оправдал себя. Необходимо обратиться в РИСО АН СССР с просьбой решать вопросы тиражирования тюркологических изданий в тесном контакте с Советским Комитетом тюркологов.

Ученый секретарь Комитета Г. Ф. Благова (Москва) огласила план работ Советского Комитета тюркологов на 1979 год, проводимых совместно с научно-исследовательскими учреждениями республиканских академий наук (план публикуется в конце настоящей хроники). Как и в прошлые годы, в ряде пунктов плана нашла отражение продолжающаяся работа над большим «Диалектологическим атласом тюркских языков Советского Союза» и «Лингвистическим атласом Европы» (тюркоязычные районы Европейской части СССР). Другой ряд пунктов плана дает представление об интенсивно ведущемся в стране изучении памятников древнетюркской письменности. Многие пункты плана связаны с подготовкой, организацией и непосредственным проведением научных конференций, совещаний и симпозиумов по актуальным проблемам советской тюркологии.

Благодаря информации о намечающихся конференциях и совещаниях, поступившей от их непосредственных устроителей, присутствующие получили возможность ознакомиться с программой каждого из этих мероприятий. Так, например, на Всесоюзном совещании по общим вопросам диалектологии и истории языка (состоится в Душанбе в октябре—ноябре 1979 года) предполагается обсудить теоретические проблемы исторической диалектологии, вопрос о роли древнеписьменных источников, а также данных диалектологии и лингвистической географии в изучении истории языка. Программа VIII Региональной конференции по диалектологии тюркских языков (Нукус, сентябрь 1979 года) предусматривает обсуждение следующих практических вопросов: 1) составление диалектологических атласов тюркских языков (ДАТЯ и региональных); 2) составление диалектологических словарей; 3) монографическое исследование диалектов тюркских языков (синхрониче-

ский и диахронический срезы); 4) сообщения с мест о ходе диалектологических исследований.

Г. Ф. Благова с сожалением констатировала, что, несмотря на энергичные призывы со стороны Комитета к сотрудничеству всех заинтересованных тюркологических учреждений, которые раздаются почти на каждом пленарном заседании Советского Комитета тюркологов²⁹, координация практически оказывается трудно осуществимой. Например, о Всесоюзной научной конференции «Языки и топонимия Алтая» членам Советского Комитета тюркологов стало известно лишь из частной переписки. Проведение названной конференции намечено на 21—22 марта 1979 года в Барнауле. На посланный запрос о проблематике конференции ответ был получен с большим запозданием.

В заключение Г. Ф. Благова еще раз подчеркнула значение взаимной информированности тюркологов о научно-исследовательской и научно-организационной работе, проводимой в нашей стране. Без подобной информации неосуществимо как долгосрочное планирование тюркологических исследований, так и участие в совместной разработке наиболее актуальных проблем тюркологии.

А. Н. Кононов указал на исключительную важность своевременного получения исчерпывающей информации об исследовательской работе, проводимой в республиканских тюркологических центрах. Для этого целесообразно печатать на страницах журнала «Советская тюркология» ежегодные обзоры итогов научно-исследовательской работы республиканских институтов за истекший год, построенные на их годичных отчетах. О своевременном представлении в Комитет таких отчетов должны позаботиться руководители республиканских институтов. Путем взаимной информации может быть достигнута кооперация усилий тюркологов при разработке любой проблемы и, в частности, при исследовании крупных памятников классической тюркоязычной литературы. Углубленное изучение языка таких памятников, особенно принадлежащих к стихотворным жанрам, станет возможным лишь при кооперации усилий языковедов и литературоведов. Как показывают исследования академика В. В. Виноградова, при анализе языка художественной литературы необходим синтез данных языкознания и литературоведения.

А. Н. Кононов особо остановился на тематике кандидатских диссертаций по тюрк-

скому языкознанию, которая в ряде случаев не выдерживает критики.

Разъяснения об организации конференции «Языки и топонимия Алтая» дали Е. И. Убрытова и А. А. Тыбыкова (Горно-Алтайск). А. А. Тыбыкова поддержала предложения Т. М. Гарилова о централизации терминологической работы, которая представляется особенно необходимой в связи с тем, что вопросы терминологии для каждого из тюркских языков решаются в настоящее время сугубо индивидуально.

А. М. Щербак (Ленинград) полагает, что тюркологам, представляющим собой мощную и организованную силу, пора уделять больше внимания общим проблемам лингвистической теории. Как было недавно справедливо отмечено, восточное языкознание, сложившееся в рамках языкознания как относительно автономная область, стимулирует совершенствование общелингвистической теории³⁰. При углубленном исследовании ряда проблем языкознания (таких, например, как формирование грамматической структуры тюркских языков, образование морфологических показателей из самостоятельных слов в составе обычных синтаксических сочетаний, с учетом сохранения промежуточных форм) тюркологи также получат возможность влиять на общелингвистическую теорию.

Другим важным вопросом, исследование которого может иметь общетеоретическое значение, является степень проницаемости морфологии при взаимодействии тюркских языков с языками разных структурных типов, прежде всего, с языками агглютинативного типа, например, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими. Хорошее начало в этой области положено работой А. В. Романовой, А. Н. Мыревой и П. П. Барашкова о взаимовлиянии эвенкийского и якутского языков и монографией Б. И. Татаринцева, посвященной монгольскому влиянию на лексику тувинского языка.

По мнению А. М. Щербака, пришло время высказаться тюркологам с возможной определенностью о взаимоотношениях алтаистики и ностратики.

В заключение присутствующие приняли резолюцию V пленарного заседания Советского Комитета тюркологов, которая публикуется ниже.

Г. Ф. Б.

¹ А. М. Щербак. Сравнительная грамматика тюркских языков. Имя. Л., 1977.

² «Исследования по монгольской филологии». М., 1978, стр. 3—96.

³ «Изысканный дар тюркскому языку (Грамматический трактат XIV века на арабском языке)». Введение, лексико-грамматический очерк, перевод, глоссарий, грамматический указатель Э. И. Фазылова и

М. Т. Зияевой. Ташкент, 1978; Ф. С. Хакимзянов. Язык эпитафий волжских булгар. М., 1978; А. А. Чеченов. Язык памятника «Кодекс Куманикус» (XIV век) в ареальном освещении (Методические материалы). М., 1978; М. А. Ахметов. Глагол в языке орхон-енисейских памятников (в сравнительном плане с современным башкирским языком). Саратов, 1978; Н. П. Пет-

ров. Чаваш литература чѣлхин историйе. Вѣрену пособийѣ. Шунашкар, 1978; Е. П. Казаков. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М., 1978; «Материалы по истории и культуре уйгурского народа». Алма-Ата, 1978; М. З. Закиев. Происхождение и развитие татарского народа. Казань, 1978 (на татарском языке).

⁴ Л. А. Покровская. Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении. М., 1978.

⁵ Р. Г. Ахметьянов. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. М., 1978; М. А. Абдуразаков. Грамматическая структура простого предложения (на материале типологического сравнения французского, русского и узбекского синтаксиса). Ташкент, 1978.

⁶ См.: Л. Т. Махмұтова. Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка. М., 1978; Н. А. Баскаков. Язык присыскульских уйгуров. Алма-Ата, 1978; Ә. Нұрмағамбетов. Қазақ тілі говорларының батыс тобы. Алматы, 1978; Э. Ю. Урозов. Жанубий Қорақалпоғистон ўзбек шевалари (Ўзбек тилининг Беруний-Тўртқўл шева материаллари). Тошкент, 1978; А. Шерматов. Узбекские народные говоры Кашкадарьинской области. Ташкент, 1978; В. Т. Джангидзе. Ингилойский диалект в Азербайджане (Вопросы грамматической и лексической интерференции). Тбилиси, 1978; «Диалекты и топонимия Поволжья», вып. 6. Чебоксары, 1978.

⁷ См.: М. И. Трофимов. Фонетические процессы в слове в современном уйгурском языке. Алма-Ата, 1978; В. И. Рассадин. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978; Н. Е. Петров. Частицы в якутском языке. Якутск, 1978; К. Убайдуллаев. Категория прошедшего времени изъяснительного наклонения в современном каракалпакском языке. Нукус, 1978.

⁸ Ф. С. Сафиуллина. Синтаксис татарской разговорной речи. Казань, 1978.

⁹ «Способы выражения полипредикативности». Новосибирск, 1978.

¹⁰ Ж. Мукамбаев, А. Осмонкулов. Кыргыз тилинин морфемалык сөздүгү. Фрунзе, 1978.

¹¹ С. Шамбаев, Дж. Джусаев. Кыргызча-орусча-англисче сөздүк. Фрунзе, 1978.

¹² См.: «Основы лингвистического анализа и методика преподавания иностранных языков в высшей школе». Ярославль, 1978, стр. 29—78 + 4 карты.

¹³ См.: Х. Р. Курбатов. Татарская лингвистическая стилистика и поэтика. М., 1978; Ф. Ф. Сәйетбатталов. Башкорт телең стилистикаһы менен пунктуацияһы. И. Өфө, 1978.

¹⁴ См.: «Археография и лингвистическая текстология Южного Урала». Уфа, 1977; «Источниковедение и история тюркских языков». Казань, 1978.

¹⁵ См.: «Языки народов Сибири», вып. 2. Кемерово, 1978; «Вопросы татарского языкознания». («Ученые записки Казанского государственного педагогического института», вып. 186). Казань, 1978; «Қазақ тілі мен әдебиеті», 9-шығы. Алматы, 1978; «Татар теле һәм әдәбияты», кн. 6. Казан, 1978.

¹⁶ «Тюркологический сборник. 1974». М., 1978; «Тюркологический сборник. 1975». М., 1978; «Тюркологический сборник. 1976». М., 1978.

¹⁷ Д. С. Насыров, А. Бекбергенов, В. Бекназаров. Библиографический указатель по каракалпакскому языкознанию (1925—1976 годы). Нукус, 1978.

¹⁸ А. Ш. Шерматов. Узбекские говоры Кашкадарьинской области в истории и функционировании. Автореф. докт. дисс. (далее — АДД). Ташкент, 1978.

¹⁹ А. К. Алекперов. Лексическая семантика простых глаголов в современном азербайджанском языке. АДД. Баку, 1978; И. Кучкартаев. Семантика глаголов речи в узбекском языке (Компонентный и валентный анализы). АДД. Ташкент, 1978.

²⁰ С. М. Молла-заде. Топонимия северных районов Азербайджана. АДД. Баку, 1978.

²¹ Н. Дж. Абдуллаева. Синтаксическая синонимия в современном азербайджанском языке. АДД. Баку, 1978.

²² Я. С. Ахметгалеева. Исследование языка памятника тюркоязычной письменности «Кисекбаш китаби». Автореф. канд. дисс. (далее — АКД). Алма-Ата, 1978; З. М. Мусабеева. Омонимы в «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгарского (XI в.). АКД. Фрунзе, 1978.

²³ М. Соегов. Первичные формы дееспричастия в современном туркменском языке (в сравнении с другими тюркскими языками юго-западной группы). АКД. Ашхабад, 1978.

²⁴ М. З. Юсупова. Синтагма в современном узбекском языке. АКД. Ташкент, 1978; К. Джумабаев. Сложноподчиненные предложения с придаточными времени и причины в современном немецком языке и их соответствия в киргизском языке. АКД. Фрунзе, 1978; А. Назаров. Условные сложные конструкции в русском и узбекском языках. АКД. Ташкент, 1978; С. Н. Сираева. Парные сочетания в немецком и тюркских языках (в структурно-сопоставительном плане). АКД. Ташкент, 1978.

²⁵ Т. Алматов. Вспомогательные глаголы в узбекских народных говорах. АКД. Ташкент, 1978; Д. А. Аликулова. Функционально-семантическая характеристика глагола *ол* в современном узбекском языке. АКД. Ташкент, 1978; Б. Садыков. Функционирование вспомогательного глагола *бул* в качестве связки в современном узбекском литературном языке. АКД. Ташкент, 1978; Т. Базаркилова. Формирование и развитие киргизской биологической терминологии. АКД. Фрунзе, 1978; Ч. Гараджаев. Военная лексика в туркменском языке. АКД.

Ашхабад, 1978; Н. М. Худиев. Язык прозы Абдуллы Шанка (Лексика и фразеология). АКД. Баку, 1978; В. Х. Кадыров. Фразеология в русско-узбекских словарях. АКД. Ташкент, 1978. См. также: Н. Охунов. Топонимия кокандской группы районов. АКД. Ташкент, 1978.

²⁶ Имеются в виду возникшие при картографировании расхождения в трактовке (морфологической или фонетической), например, ряда падежных форм, а также форм принадлежности: отсутствие теоретически обоснованного единообразного подхода к подобным формам не может не затруднить нанесения на карту соответствующих диалектных данных различных языков.

²⁷ А. Н. Кононов. Некоторые вопросы дальнейшего развития тюркского языкознания в СССР. — «Советская тюркология», 1978, № 2.

²⁸ Текст доклада М. Ш. Ширалиева публикуется в настоящем номере журнала.

²⁹ См.: «Советская тюркология», 1975, № 2, стр. 112, 114; 1976, № 2, стр. 120; 1978, № 2, стр. 98—99.

³⁰ В. М. Солнцев, И. Ф. Вардуль, В. М. Алапатов, А. Е. Бертельс, Н. Н. Коротков, Г. Д. Санжеев, Г. Ш. Шарбатов. О значении изучения восточных языков для развития общего языкознания. — «Вопросы языкознания», 1979, № 1, стр. 15.

ПЛАН РАБОТ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ, ПРОВОДИМЫХ СОВМЕСТНО С НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ АКАДЕМИИ НАУК СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК, НА 1979 ГОД

1. Участие в продолжающейся коллективной работе по составлению «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» (ДАТЯ), непосредственный переход к составлению его макета (сибирская зона) с целью обсуждения последнего на III Всесоюзной тюркологической конференции в 1980 году.

Исполнители: руководитель работы — академик АН Азербайджанской ССР М. Ш. Ширалиев, руководители зональных разработок — М. И. Исламов, Л. Т. Махмутова, академик АН Узбекской ССР Ш. Ш. Шаабдурахманов, Е. И. Убрятова; составители — диалектологи союзных и автономных республик, краев, областей. Научный консультант по картографированию — М. А. Бородина.

Срок: 1979 год.

2. Рабочая встреча составителей ДАТЯ сибирской зоны в Кемерово.

Исполнители: М. А. Бородина, Г. Г. Фисакова (Кемеровский университет).

Срок: апрель 1979 года.

3. Совещание представителей четырех зон ДАТЯ и совещание составителей сибирской зоны в Новосибирске.

Исполнитель: Институт истории, филологии и философии СО АН СССР (Е. И. Убрятова, В. М. Наделяев, Н. Н. Широбокова).

Срок: 14—16 мая 1979 года.

4. Участие в разработке и составлении «Лингвистического атласа Европы» (тюркоязычные районы Европейской части СССР).

Исполнители: Э. Р. Тенишев, диалектологи тюркоязычных республик страны.

Сроки 1978—1987 годы.

5. Подготовка материалов ко II тому «Корпуса древнетюркских памятников» — «Рунические надписи Монголии».

Исполнители: Тюрко-монгольский кабинет ЛО ИВ АН СССР (С. Г. Кляшторный), Отдел письменных памятников народов Востока ИВ АН СССР (Д. Д. Васильев).

6. Подготовка «Корпуса эпиграфических (булгарских) памятников Поволжья» (объем — 30 а. л.).

Исполнитель: ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР (Ф. С. Хакимзянов).

Сроки: 1978—1982 годы.

7. Подготовка «Корпуса северокавказских рунических памятников».

Исполнитель: Карачаево-Черкесский НИИ истории, языка, литературы и экономики (С. Я. Байчоров).

Сроки: 1978—1980 годы.

8. Подготовка факсимильного издания эпоса «Кёроглу» по рукописи XIX века из архива ИВ АН Грузинской ССР.

Исполнители: ИВ АН Грузинской ССР (С. С. Джикия), Сектор фольклора ИМЛИ АН СССР (Х. Г. Короглы).

Сроки: 1979—1980 годы.

9. Мероприятия по организации III Всесоюзной тюркологической конференции (Ташкент, 1980 год).

Исполнители: ЛО ИВ АН СССР, АН Узбекской ССР, Сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР.

Срок: 1980 год.

10. Подготовка и проведение Всесоюзного совещания по общим вопросам диалектологии и истории языка (Душанбе) совместно с Научным советом по диалектологии и истории языка при ОЛЯ АН СССР.

Исполнитель: Научный совет по диалектологии и истории языка при ОЛЯ АН СССР (Э. Р. Тенишев).

Срок: октябрь — ноябрь 1979 года.

11. Организация и проведение I Республиканской уйгуроведческой конференции на тему «Актуальные проблемы советского уйгуроведения» в Алма-Ате.

Исполнитель: Сектор уйгуроведения Института языкознания АН Казахской ССР (члены-корреспонденты АН Казахской ССР А.-А. Т. Кайдаров, Г. С. Садвакасов).

Срок: 23—25 мая 1979 года.

12. Организация и проведение VIII Региональной конференции по диалектологии тюркских языков в Нукусе.

Исполнитель: Институт истории, языка и литературы Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР (Д. С. Насыров).

Срок: 10—13 сентября 1979 года.

13. Организация и проведение выездной сессии Научного совета по фольклору при ОЛЯ АН СССР и Секции литературоведения и фольклористики Советского Комитета тюркологов (СКТ) на тему «Взаимосвязи фольклора народов Поволжья и Урала» (Казань).

Исполнители: Научный совет по фольклору при ОЛЯ АН СССР, Секция литературоведения и фольклористики СКТ (Х. Г. Короглы).

Срок: ноябрь 1979 года.

14. Участие в перспективном планировании тюркологических исследований по языкознанию в академических центрах союзных республик.

Исполнитель: Сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР.

Сроки: 1978—1980 годы.

15. Участие в перспективном планировании тюркологических исследований по литературоведению и фольклористике в академических центрах союзных республик.

Исполнитель: Секция литературоведения и фольклористики СКТ (Х. Г. Короглы).

Сроки: 1979—1980 годы.

16. Участие в совместной работе проблемной комиссии по теории и истории литературных языков при Институте языкознания АН СССР (М. М. Гухман) в целях активизации исследований по истории тюркских литературных языков.

Исполнители: Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова.

Сроки: 1978—1980 годы.

РЕЗОЛЮЦИЯ

ПЯТОГО ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ

МОСКВА, 6 МАРТА 1979 г.

На V пленарном заседании Советского Комитета тюркологов были заслушаны отчетный доклад Э. Р. Тенишева о деятельности СКТ за 1978 год и доклад М. Ш. Ширалиева о состоянии работы над ДАТЯ. В докладах была представлена впечатляющая картина развития тюркологических исследований в стране.

Одобрив в целом широкий фронт ведущихся актуальных и важных работ по тюркологии, СКТ обращает внимание на нижеследующее.

1. Рост числа сравнительных исследований по всем тюркским языкам на местах и в центре ставит на повестку дня вопрос об углублении и расширении подобных работ. Среди прочего для этого необходимо обращение к тематике исторических взаимосвязей тюркских языков с монгольскими, тунгусо-маньчжурскими и другими языковыми группами. Рекомендуется уделять больше внимания изучению степени проницаемости морфологии при взаимодействии тюркских языков с языками разных структурных типов, прежде всего, с языками агглютинативного типа, например, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими.

2. СКТ с удовлетворением отмечает усиление историзма в тюркологических трудах.

Основным направлением в историко-лингвистических работах все еще остается исследование лексики и грамматики языка тюркоязычных памятников, и здесь имеются определенные успехи и достижения. Вместе с тем необходимо четче разграничивать изучение истории литературных языков и исторической грамматики отдельных тюркских языков. Необходимо также усилить внимание к историко-культурной и текстологической проблематике, всемерно развивать филологическое обследование старописьменных памятников, учитывать их жанрово-стилистическую дифференциацию. Для стихотворных памятников крайне важно учитывать взаимодействие поэтики и языка; изучение такого взаимодействия откроет новые горизонты как для истории литературных старотюркских языков, так и для исторической стилистики.

Советский Комитет тюркологов придает самостоятельное значение работам в области поэтики, без обращения к которой невозможен квалифицированный текстологический анализ памятников классических тюркоязычных литератур.

3. Для того, чтобы обеспечить своевременное составление ДАТЯ, СКТ считает необходимым осуществить следующие меры:

1) Просить представителей Сибири форсировать составление «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» по сибирской зоне к январю 1980 года с тем, чтобы обобщить полученные результаты как возможный макет ДАТЯ.

2) Просить представителей сибирской зоны ДАТЯ доложить о ходе работы на VIII Региональной конференции по диалектологии тюркских языков в Нукусе (сентябрь 1979 года).

3) Рекомендовать организаторам III Всесоюзной тюркологической конференции в Ташкенте (1980 год) сосредоточить проблематику секции диалектологии исключительно на обсуждении вопросов, связанных с ДАТЯ, в первую очередь — на рассмотрении сибирского макета ДАТЯ.

4. В свете новейших требований ВАК приходится признать, что уровень тюркологических диссертационных исследований, преимущественно кандидатских, в ряде случаев остается недостаточно высоким, причем, как правило, особенно уязвимой оказывается тематика подобных работ.

СКТ считает целесообразным провести мероприятия, направленные на общественное обсуждение актуальности тематики, научного уровня исполнения и т. д.

5. Все еще остается недостаточной степень взаимодействия и взаимного участия местных и центральных учреждений в деле организации ряда конференций, совместных изданий и т. д. Необходимо, чтобы члены СКТ, представляющие республиканские тюркологические центры, а также другие ответственные работники посылали в бюро СКТ полную и своевременную информацию как о тюркологических мероприятиях, которые планируется проводить на местах, так и об итогах годовой научно-исследовательской деятельности названных центров. Сводки таких обзоров предполагается ежегодно публиковать на страницах журнала «Советская тюркология».

Рекомендовать также авторам выходящих в свет книг и соискателям ученых степеней присылать в бюро Советского Комитета тюркологов обязательный экземпляр книги или автореферата (в крайнем случае библиографические сведения о книге и краткую аннотацию).

6. Советский Комитет тюркологов решительно высказывается в пользу скорейшего издания следующих тюркологических трудов, давно уже подготовленных для публикации:

1) коллективного труда «Диалекты тюркских языков СССР»;

2) сборника, посвященного 100-летию со дня рождения академика В. А. Гордлевского.

НЕКРОЛОГ

ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ РЕШЕТОВ

3 марта 1979 года в Ташкенте скоропостижно скончался известный советский тюрколог, академик Академии педагогических наук СССР, доктор филологических наук, профессор Виктор Васильевич Решетов.

Родился В. В. Решетов 10 (23) марта 1910 года в Ташкенте, в семье крестьянина-бедняка, выходца из Саратовской губернии.

В 1931 году В. В. Решетов окончил тюркологическое отделение восточного факультета Среднеазиатского государственного университета. Формированию его как ученого уже в студенческие годы способствовало общение с такими известными востоковедами — знатоками Средней Азии, как М. С. Андреев и А. А. Семенов.

По окончании университета В. В. Решетов преподавал узбекский и русский языки, а в 1933 году был принят в аспирантуру при Научно-исследовательском институте культурного строительства.

Еще в начале 30-х годов В. В. Решетов встречался с работавшим тогда в Средней Азии выдающимся лингвистом Е. Д. Поливановым, обратившим внимание на способного молодого ученого. Эта встреча во многом определила дальнейшую научную деятельность В. В. Решетова, его интерес к исследованиям в области тюркологии.

В 1960—1963 годах В. В. Решетов — директор Научно-исследовательского институ-

та национальных школ Академии педагогических наук РСФСР в Москве и одновременно — главный редактор журнала «Русский язык в национальной школе». С 1963 года и до конца своей жизни Виктор Васильевич был бессменным ректором Узбекского педагогического института русского языка и литературы в Ташкенте, готовившего учителей русского языка из числа лиц местных национальностей, получивших среднее школьное образование на своем родном языке.

В 1940 году В. В. Решетов защитил кандидатскую диссертацию — «Маргиланский говор узбекского языка». Темой его докторской диссертации, защищенной им в 1952 году, была «Кураминские говоры Ташкентской области». В 1953 году он утверждается в звании профессора, а в 1959 году избирается академиком и членом президиума Академии педагогических наук РСФСР. Он был также в числе членов-учредителей Академии педагогических наук СССР, а с 1967 года избран ее действительным членом.

В центре научных исследований В. В. Решетова стояли проблемы узбекской диалектологии, в том числе диалектной основы современного узбекского литературного языка. Первая опубликованная работа В. В. Решетова была посвящена лексическому составу современной узбекской прозы (Ташкент, 1934). Признание и известность получили также его работы: «Маргиланский говор узбекского языка» (1941), «Классификация узбекских говоров Андранской долины» (1946), «Общая характеристика особенностей узбекского ескализма» (1950), «Некоторые вопросы узбекской диалектологии» (1952), «Кураминские говоры Ташкентской области» (1952), «О Наманганском говоре узбекского языка» (1953), «Состояние и задачи узбекской диалектологии» (1954), «К вопросу о взаимоотношении узбекских и южных киргизских говоров» и «Изучение узбекских народных говоров» (1956), «Опорный диалект при образовании узбекского национального языка» (1958), «О диалектологическом атласе узбекского языка» (1958), «Классификация узбекских говоров» (1966) и др.

Свои исследования узбекских говоров В. В. Решетов всегда связывал с изучением сложных вопросов этногенеза узбекского народа, с проблемами взаимосвязей и взаимовлияния узбекских говоров с территориально близкими им говорами других тюркских (а также нетюркских) языков. Ряд

публикаций В. В. Решетова имеет поэтому не только общетюркологическое, но и общелингвистическое значение, поскольку они затрагивают проблему взаимодействия разнотемных языков, как, например, узбекского и таджикского.

От частных вопросов диалектных говоров узбекского и некоторых других тюркских языков В. В. Решетов все решительнее переходил к исследованиям обобщающего характера, примером чего могут служить его публикации: «К вопросу об оканье в тюркских языках» (1959), «Монографическое изучение диалектов (На материале некоторых тюркских языков)» (1960), «Роль диалектных данных узбекского языка при разработке сравнительной грамматики тюркских языков» (1960). «К вопросу о методах изучения истории тюркских языков» (1961), «Вопросы адаптации фонологических систем и структурно-типологическое изучение неродственных языков» (1973) и др.

В 1963 году совместно с В. В. Виноградовым, Б. А. Серебренниковым и Н. А. Баскаковым В. В. Решетов выступил со статьей об основных итогах и задачах разработки вопросов письменности и развития литературных языков народов СССР («Вопросы языкознания», 1963, № 3).

Многие из работ В. В. Решетова вошли в основной фонд узбекского языкознания: «Узбекский язык. I. Введение. Фонетика», «Узбекский национальный язык» (1960), «Основы фонетики и грамматики узбекского языка» (1961, 1965), «Узбекский язык» (в кн.: «Языки народов СССР», том II. Тюркские языки. М., 1966) и др.

Имя В. В. Решетова неразрывно связано с большой работой по изданию узбекско-русских и русско-узбекских словарей, с подготовкой учебников и учебных пособий по узбекскому языку. Еще в 1934 году в помощь преподавателям узбекского языка им была издана (под редакцией Улуга Турсунова) «Грамматика узбекского языка». В следующем году вышел в свет его учебник узбекского языка для русской начальной школы (под редакцией И. А. Батманова), а также учебник для 5—6-х классов русской школы. Учебники узбекского языка В. В. Решетова выдержали несколько изданий. Многократно издавались и составившиеся им программы по узбекскому языку для студентов высших учебных заведений Узбекской ССР, программы по сопоставительной грамматике русского и узбекского языков, узбекской диалектологии и др.¹

¹ Перечень опубликованных работ В. В. Решетова см. в кн.: «Лингвистический сборник. Виктору Васильевичу Решетову в связи с шестидесятилетием со дня рождения». Ташкент, 1971, стр. 10—17 (143 названия);

Велики заслуги В. В. Решетова и в деле разработки методики преподавания русского языка в национальных школах Узбекской ССР и в других союзных республиках страны. Его многочисленные публикации этого цикла охватывали вопросы подготовки учителей русского языка в национальных школах, задачи улучшения учебников русского языка для нерусских школ и всей системы преподавания русского языка в национальной школе и т. д.

Под руководством В. В. Решетова Узбекский педагогический институт русского языка и литературы стал крупным учебно-методическим центром по преподаванию русского языка в национальных школах.

В. В. Решетов был талантливым преподавателем узбекского и русского языков. Свою научную работу он успешно совмещал с педагогической деятельностью в Среднеазиатском государственном университете, Ташкентском педагогическом институте им. Низами и в других учебных заведениях (доцент, профессор, заведующий кафедрой). С 1952 по 1960 год он руководил кафедрой общего языкознания Ташкентского государственного педагогического института иностранных языков.

Среди многочисленных учеников В. В. Решетова немало ныне видных узбекских ученых-языковедов.

Под редакцией В. В. Решетова вышли в свет многие научные, учебные и научно-справочные издания. Он был деятельным участником ряда всесоюзных и республиканских научных съездов, конференций, совещаний и симпозиумов.

В. В. Решетов был награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почета», медалями, а также Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Узбекской ССР. В 1964 году ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки Узбекской ССР.

В последние годы жизни В. В. Решетов был занят подготовкой к печати двух следующих работ: «Описательная фонетика тюркских языков» и «Русский язык как средство межнационального общения и важный предмет школьного обучения».

Виктор Васильевич Решетов останется в памяти всех, кто знал его, работал вместе с ним, как талантливый исследователь, чуткий педагог, многое сделавший для развития советской тюркологической науки.

Ч. А. Абуталипов, Б. В. Лунин

1934—1970 гг.). Дополнения к списку см. в кн.: «Биобиблиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана». Том II. Составитель Б. В. Лунин. Ташкент, 1977, стр. 89.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. Ш. Ширалиев</i> (Баку). О подготовке диалектологического атласа тюркских языков СССР	3
--	---

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

<i>М. В. Зайнуллин</i> (Уфа). Модальные слова и словосочетания как лексико-грамматическое средство выражения модальности в современном башкирском языке	9
---	---

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

<i>Н. А. Баскаков</i> (Москва). Тюркизмы в названиях московских улиц	20
<i>Н. С. Джидалаев</i> (Махачкала). Об одном ряде булгарских слов в лакском языке (<i>virī, vir, virin, vīvga/viūga, vīghu</i>)	30

ОНОМАСТИКА

<i>Г. Ф. Саттаров</i> (Казань). Названия населенных пунктов Татарии, производные от древних тюрко-татарских личных имен	37
---	----

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

<i>З. А. Ализаде</i> (Баку). Отношение пословиц и поговорок к фразеологии	48
<i>Л. Левитская</i> (Москва). Новое в татарской диалектологии	60

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

<i>Р. Г. Фахрутдинов</i> (Казань). Об имени и титуле правителя Волжской Булгарии	63
<i>Х.-М. И. Хаджилаев</i> (Карачаевск). О различиях в лексике карачаевского и балкарского вариантов современного литературного карачаево-балкарского языка	72
<i>Э. А. Умаров</i> (Ташкент). О фразеологических словарях турецкого языка	75

РЕЦЕНЗИИ

<i>Э. Н. Наджип</i> (Москва), <i>І. Кеңесбаев</i> . Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі	80
<i>М. М. Мирзаев, А. Б. Абдуллаев, Б. Ш. Игамбердиев, Э. Киличев, Х. Г. Нигматов, Н. Шукруллаев</i> (Бухара). С. Н. Иванов. Курс турецкой грамматики. Часть 2	82
<i>М. И. Исламов, Р. Д. Маггеррамова</i> (Баку). А. Шерматов. Узбекские народные говоры Кашкадарьинской области	85
<i>И. Г. Добродомов</i> (Москва). «Археография и лингвистическая текстология Южного Урала»	87

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Е. К. Скрибник</i> (Новосибирск). «Сложное предложение в языках разных систем»	90
---	----

PERSONALIA

<i>Г. Ф. Благова</i> (Москва). Эмир Наджипович Наджип	92
---	----

ХРОНИКА

- Г. Ф. Б. (Москва). Пятое пленарное заседание Советского комитета тюркологов 96

НЕКРОЛОГ

- Ч. А. Абуталипов, Б. В. Лукин (Ташкент). Виктор Васильевич Решетов 108

CONTENTS

- M. Sh. Shiraliyev (Baku). On preparation «Dialectological atlas of the Turkic languages of the USSR» 3

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- M. V. Zainullin (Ufa). Modal words and word-combinations as lexical-grammatical means of expression of modality in modern Bashkir language 9

LANGUAGES IN CONTACT

- N. A. Baskakov (Moscow). Turkisms in the names of Moscow streets 20
N. S. Dzhidalayev (Makhach-Kala). On one group of Bulgar words in the Lak language (viri, vir, virin, vivra/viura, virxu) 30

ONOMASTICS

- G. F. Sattarov (Kazan). Names of Tataria settlements derived from ancient Turk-Tatar personal names 37

DISCUSSIONS

- Z. A. Alizade (Baku). On relation of proverbs and sayings to phraseology 48
L. Levitskaya (Moscow). The new in the Tatar dialectology 60

REPORTS, SURVEYS

- R. G. Fakhrutdinov (Kazan). On the name and title of the Volga Bulgarian ruler 63
Kh.-M. I. Khadzhiyev (Karachaevesk). On distinctions in vocabulary of Karachai and Balkar variants of modern literary Karachai-Balkar language 72
E. A. Umarov (Tashkent). On phraseological dictionaries of the Turkish language 75

REVIEWS

- E. N. Nadzhip (Moscow). I. Кеңесбаев. Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі 80
M. M. Mirzayev, A. B. Abdullayev, B. Sh. Igamberdiyev, E. Kiličev, Kh. G. Nigmatov, N. Shukrullayev (Bukhara). С. Н. Иванов. Курс турецкой грамматики. Часть 2 82
M. I. Islamov, R. D. Magerramova (Baku). А. Шерматов. Узбекские народные говоры Кашкадарьинской области 85
I. G. Dobrodotov (Moscow). «Археография и лингвистическая текстология Южного Урала» 87

SCIENTIFIC LIFE

- E. K. Skribnik (Novosibirsk). «Composite sentence in languages of different systems» 90

PERSONALIA

- G. F. Blagova (Moscow). Emir Nadzhipovich Nadzhip 92

CHRONICLE

- G. F. B. (Moscow). The fifth plenary session of the Soviet Committee of turkologists 96

OBITUARY

- Ch. A. Abutalipov, B. V. Lunin (Tashkent). Victor Vasilyevich Reshetov 108

ПОПРАВКА

В статье Р. Г. Ахметьянова «О генеалогической классификации кыпчакских тюркских языков» (№ 6, 1978) по вине автора был допущен ряд ошибок. Так, на стр. 32 (в таблице) следует читать $\dot{s} > s$ вместо $s > h$, на стр. 35 — $\dot{c} > \dot{s}$ вместо $\dot{c} > s$ (дважды), на стр. 36 — $\dot{c} \dot{o} t n e > h \dot{o} t t e$ вместо $\dot{c} \dot{o} t n e > h \dot{o} t t e$. Переход $ta\dot{u} > ta\dot{w}$ характерен для всех кыпчакских языков, а не только для казахского, каракалпакского, киргизского и башкирского, как было ошибочно указано автором в таблице (стр. 32).

Пользуясь случаем, редакция обращается к авторам представляемых в журнал статей с убедительной просьбой: быть крайне внимательными при подготовке статей для журнала и при чтении контрольной корректуры.

Технический редактор Б. А. Абдуллаев

Рукописи не возвращаются.

Корректоры Ф. М. Джавадова, А. А. Гусейнова

Сдано в набор 15/V-1979 г. Подписано к печати 9/VII-1979 г. ФГ 11245. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 10. Усл. печ. л. 11,5. Уч. изд. л. 10,5.
Заказ 3138. Тираж 2805. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.